

Библиотека советской фантастики

МИХАИЛ ГРЕШНОВ
ВОЛШЕБНЫЙ
КОЛОДЕЦ

Грешнов Михаил Николаевич родился в 1916 году в Ростовской области. В 1933 году учился в Каменске, на Донце, работал слесарем в паровозном депо. В 1938—1940 годах учился в Ленинградском университете. С 1940 по 1947 год работал учителем в Прибайкалье, в Тункинской долине. В 1958 году заочно окончил Краснодарский пединститут.

Первый фантастический рассказ М. Н. Грешнова — «Золотой лотос» — напечатан в 1960 году в «Уральском следопыте». Первая книга лирических рассказов «Три встречи» — в 1962 году, в Ставрополе. В 1967 году в Новосибирске вышел сборник фантастических рассказов «Обратная связь».

Библиотека советской фантастики

МИХАИЛ ГРЕШНОВ

**ВОЛШЕБНЫЙ
КОЛОДЕЦ**

Москва
„Молодая гвардия“
1974

P2
Г81

~~70302—087~~ БЗ—5—15—74
078(02)—74

ВОЛШЕБНЫЙ КОЛОДЕЦ

Передо мной письма из 2047 года. Как они попали ко мне? Представьте, что я изобрел машину времени: об этом так много пишут... Или предположите, что мне удалось искривить пространство — заодно и время, — так, что завтрашний день оказался рядом. Предполагать — ваше право. Несомненно одно: письма. Я могу показать их желающим, вот они. Можете даже прочесть, хотя — будет ли это для вас удобным?

Что касается меня, я дал обещание выбрать из них

то, что относится к теме, и не трогать ничего личного. Адресат — Ольга Быстрова — младший биолог космической станции «Венера-8», передала мне их на этом условии. Я тоже Быстров. Может быть, Ольга моя дальняя родственница. Кроме того, я писатель, начинаю книгу о будущем. Письма могут послужить для книги материалом. Поэтому Ольга дала мне их — берите.

Впрочем, она спросила:

— А любопытные?

Я ответил, что любопытных, конечно, много, но читатели заинтересуются скорее идеями, чем личным содержанием переписки. Как видите, авансом поручился за каждого. Ольга засмеялась:

— Все-таки я приму меры... — Отложила в сторону несколько писем.

Что мне оставалось еще?

— Пожалуйста... — сказал я.

А для себя сделал вывод: чрезмерное любопытство — зло. Может, эти письма были самые интересные.

Январь. 7. Дорогая Оля! Я счастлив. Необыкновенно счастлив! Получил направление работать с Петром Петровичем Дариным. Какой это человечище! Какие тут возникли дела, пока ты кружишься возле неблагодарной Венеры!

Помнишь, в институте мы изучали подземные корабли — земеры? Они пронизывают литосферу, как лимонную корку, плавают в магме. Предполагалось, что они будут из глубины добывать металлы. Но дело застопорилось: появился размерный барьер. Длина земера шесть метров, диаметр два метра — наименьшие габариты для ядерной установки «Плагма». Ни сантиметром больше. Увеличить размеры — снаряд не выдержит давления в глубинах Земли, усилить броню — отяжелеет,

придется менять плазменный двигатель, опять изменятся габариты. Заколдованный круги..

Пока ученые бьются над этим барьером, Дарин выступил со статьей: «Земер будет давать металл».

Тогда и замелькало в газетах новое географическое название — Северокарск. Сейчас это город, и я укладываю вещи, чтобы быть там через три дня.

Но прежде — о плане Петра Петровича.

Уральский рудный бассейн на севере уходит под Карское море. Что же, дробить руду и вычерпывать драгами?..

— Вымыть металл из горных пород! — предлагает Дарин. — Взять в помощь воду, давление и тепло.

Причем совершенно даром: тепло даст Земля, воду и давление — море.

Через три дня я буду на месте.

Скажешь: несамостоятельный, Толька! Готовился на Марс — попал в Заполярье... А я тебе отвечу: семнадцать тысяч! Да, да, из семнадцати тысяч добровольцев, пожелавших выехать в Северокарск осуществлять проект Дарина, отобрали четыреста пять человек... Что меня потянуло — романтика? Может быть... А больше — Дарин. У этого человека ум, воля. Главное же в Дарине — обаяние. Как он читает лекции по кибернетике! И потом, знаешь, раз поздоровалась с ним и, честное слово, будешь нарочно выбирать дороги, по которым он ходит, чтобы встретиться еще раз.

Не обижайся. Марс или Заполярье — для нас с тобой хуже не будет. И ничего не забывай. Поездку в горы мы повторим. Увидим Лабу, вершину Дам-Хури. Будем ночевать у костра, встречать зори. Будем ловить форель.

Январь. 16. И вот Северокарск, город в заснеженной тундре. Не простой город, какие мы знаем с детства, а

совершенное чудо — город-кристалл. Трудно определить, с чего начать о нем рассказ.

Прежде всего это круг, в поперечнике шесть километров, накрытый куполом из ситалла. В высоте купола — солнце. Сколько бы ни смотрел на город, солнце кажется удивительнее всего. Конечно, оно искусственное, но по яркости обыкновенное, летнее, только чуточку больше дает ультрафиолетовых лучей, отчего люди в городе загорелые, как на черноморском курорте. Каждое утро солнце загорается, вечером гаснет — медленно, как если бы опускалось за горизонт. Становятся видимыми луна, звезды и все краски северного сияния... Если над тундрой пурга — по куполу шарят снежные крылья, и тогда особенно приятно чувствовать теплый воздух, видеть цветы.

В центре города шахта, вокруг нее производственные цехи, тоже из ситалла, только цветного; они кажутся ожерельем, опоясавшим черный агатовый круг — шахтный колодец. Дальше восьми-девятиэтажные здания, между ними сады, детские игровые площадки. Один сектор города не достроен: здесь стоят триста тридцать два земера, которые будут опущены в недра земли. Они выстроены в каре и выглядят очень внушительно.

Шахта — название старое: ни копра, ни подъемников нет. Ствол нарезает единый комплекс-комбайн. Он походит на карусель, состоящую из двух ярусов: нижний снимает грунт, размельчает, перемешивает с водой и по центральной оси-трубе, а дальше по шлангам выводит пульпу за черту города. Верхний ярус укрепляет ствол: прокаливает стены высокочастотным током, спекает в стеклообразную массу. Ствол не будет глубоким — до уровня моря.

В чем основа проекта?

Из шахты на глубину уйдут земеры. Представь в тол-

ще земли плоский цилиндр, высотой в четыре километра, диаметром в сорок. Каждому земмеру в этом пространстве запрограммирован свой участок. Выйдя к исходному пункту, земмер повернет в глубину, дойдет до нижней границы, развернется и параллельным курсом поднимется вверх. Опять вниз, опять вверх, и так все триста тридцать два земмера. И задача — взрыхлить рудное тело, прошить его иглами. Мало того, через каждые пять сантиметров квантовые генераторы, вмонтированные в стенки земмера, будут давать залп во все стороны, пробивать тончайшие поры — капилляры. Вообрази, что начнется в цилиндре, когда в работу войдет весь батальон земмеров!.. В итоге осуществляется главное: земмеры сделают зону водопроницаемой.

После этого они пройдут под морским дном, проложат туннель, и, когда вскроют дно, — за дело примется море. Заполнив туннель, оно будет давить на разрыхленный рудный массив, выталкивать воду в шахту — обыкновенный принцип сообщающихся сосудов. Прогревшись в глубине до температуры кипения, вода растворит, вымост из руд металлы, поднимет их в колодец в виде раствора.

Февраль. 17. Ты меня упрекаешь: больше говорю о технике, чем о себе. Пойми, Оля: век техники, царство техники... Но я все время думаю о тебе. И пишу тебе письма. Чаше писал бы, но тут такая задача... День и ночь вживаюсь в работу. Ты только не сердись, я протягиваю тебе руку. Через космос — к Венере. И чувствую твою руку в своей. И вижу твои глаза.

С чего я начал в городе? Явился к Дарину.

— Анатолий Шатров? — спросил он.

— Прибыл... — Я подготовил рапорт, чтобы отчеканить как космонавт.

— Вижу, что прибыли, — сказал он. — Ваш замер двести семнадцатый.

— Точно — двести семнадцатый!

Он посмотрел на меня из-под лба — лоб у него громадный, как энциклопедический том, — и засмеялся:

— Кибернетист...

У меня сразу отпала охота рубить металлической фразой, я тоже засмеялся.

— Откуда? — спросил он.

— Из Томска, — ответил я.

— Закаленный... — Я думал, он скажет «сибиряк», а он сказал: лыжник.

— Как вы узнали? — спросил я.

— По плечам, — ответил он. — В старину о таких говорили: косая сажень...

Вид у него молодой, даже озорной чуть-чуть, глаза дерзкие.

— В общежитие устроились? — спросил он.

— Да, Петр Петрович. Нормально.

— По всем вопросам — ко мне, — сказал он на прощание.

И начались будни. Изучаю замер, системы самоуправления и саморемонта. Снаряд построен на замкнутых циклах: если, например, выйдет из строя лазер, автоматически подается сигнал роботу данной линии, тот приходит в движение, ставит новый... Перфоленты металлические, составлены для всех замеров.

Работаем над чертежами и схемами четверо сменщиков: Федор, Аркадий, Алла и я. Ребята из Одессы, Алла из Семипалатинска. Вчетвером делаем прогулки на загородные холмы. Оттуда город кажется голубой чашей, опрокинутой в снег.

Февраль. 23. Шесть дней идет спуск замеров в шахту. Сегодня опущен мой. Командовал Дарин:

— Двести семнадцатый!

— Есть! — ответил я, приготовившись к процедуре, до последнего слова изученной по экранам соседей.

— Градус и сектор восьмидесятый!

— Восьмидесятый...

— Наклон к горизонту — нуль!

— Наклон — нуль...

— Расстояние до исходной позиции — двадцать тысяч метров.

— Двадцать тысяч.

— Пуск!

Нажимаю на кнопку «Пуск». В верхнем левом углу экрана вспыхивает точка — два миллиона лошадиных сил двинули снаряд в грунт. Через пять часов он выйдет на исходную позицию и станет там, пока все триста тридцать два замера не займут своих мест.

Очень рад за твою хлореллу. За год, ты говоришь, она повысила количество кислорода в атмосфере Венеры на две сотых процента. Через сто лет при таких темпах будет два процента, через тысячу поставим на Венере коттедж. Привет!..

Март. 1. Дан пуск всем тремстам тридцати двум замерам. Дежурила Алла. Мы стояли у нее за спиной и ждали. В огромном здании тишина. Экраны горят зеленым. В центре зала большой экран, связанный с пультом. Тоже зеленый... Знаешь, что мне припомнилось? Как мы вдвоем ловили форель. В тот день, помнишь? Мне надо было сказать, что я тебя люблю... Закинули удочки в зеленую воду — ждем. Я думал: как только нырнет поплавок, — шут с ней, с форелью, — так и скажу. Ты

стоишь рядом на камне. Поплавок не ныряет — я в отчаянии. Ты поняла без слов, кивнула: «Я знаю...»

Почему вспомнилась эта минута? Наверно, потому, что в зале тихо, все глядели в зеленую глубь экранов...

Замеры пошли. Алка обернулась к нам:

— Поздравляю, мальчики! — Глаза у нее были сияющие и тоже зеленые.

Март 20. Вчера ездили на плавстанцию Югорская. По дороге заспорили. Начала, как всегда, Алка:

— Нет на Земле романтики — кончилась...

— А то, что на снежном глиссере делаем по двести километров в час, — возразил Аркадий, — не романтика?

— Ничуть! В теплой кабине, даже не отморозишь носа!

— Это ты после фильма о «Челюскинцах»...

— Ничуть! — перебила Алка. «Ничуть» — у нее первое слово. — Я о себе. И о вас тоже. Ехали в тундру — зачем? Работать? А сидим под колпаком, не отрываем глаз от экранов. Голубое благополучие... На плавстанции тоже купол, экраны. Машины на дне морском роют, выравнивают площадь. Пропустят замеры — закроют вход решеткой, чтобы в туннель не набились водоросли... Где же романтика? Для чего тогда руки, мозг?

Когда Алка задает такие вопросы, всем становится не по себе. От общего она непременно перейдет к частностям.

— Вот у меня, — продолжала она, — самое героическое — нажим кнопки, когда Дарин скомандовал: «Пуск!» Но это я, девчонка, а вы здоровенные парни...

Началось избиение. Аркадий сделал попытку вывернуться.

— Перестань зудеть, — сказал он, — больно в ушах!

— Одесса... — сощурилась Алла. — Там загорал на

пляже, здесь — под искусственным люменом... Белого медведя ты хоть одного убил в жизни? Даже не видел!

Все засмеялись. Но тут дошла очередь до меня:

— А Шатров? Почему ты не в космосе, не на Марсе? Любишь тепло?

Ничего с ней нельзя поделать. Из тебя вынет душу, и тебе же расскажет о ней больше, чем знаешь сам...

Апрель. 4. Пять недель земеры вспахивают рудную целину. Кажется, слышно, как скрипит под ногами земля. Шестьсот шестьдесят миллионов лошадиных сил перелопачивают руду. И им еще работать столько же. Ежедневно высиживаем у экранов по шесть часов — Федор, Аркадий, Алла и я...

Не понимаю твоего раздражения в последнем письме. Мы работаем вчетвером, естественно, на Югорскую ездили вместе. Не бросишь же Алку — не по-товарищески. Ничуть я не восхищен, из чего ты взяла? Глаза?.. Что я писал о глазах? Зеленые? И экраны зеленые, и вода. Слишком много зеленого? Как-то и не заметил... А вообще она смеется над нами, троими, и заказывает разговоры в Семипалатинск...

Тут не хватает двух писем, которые Ольга не сочла нужным передать мне. От этого рассказ лишается подробностей. Каких — домысливать не берусь. Я ведь обещал Ольге...

Перехожу к следующему письму.

Май. 21. У Аркадия сын! Не здесь, конечно, в Одессе! Два дня счастливый отец ходил с телеграммой, показывал всем. А сегодня мы смотрели мальчишку по видеосвязи. Личико с кулачок, два светленьких озерца.

— Похо-ож! В нашу породу, — смеялся Аркадий. — Спокойный, как дуб!

Алка и тут осталась сама собой, сказала нам с Федором:

— Смóтрите? Видит око, да зуб неймет!

— А к тебе, — съязвил Федор, — это самое не относится?

— Ничуть! — Алка махнула рукой, удалилась с достоинством.

Мальчишка действительно был спокойный.

Это совсем не вязалось с нашей заботой.

Замеры вышли на нижний горизонт. Трудяги работу закончили. Теперь они постоят, пока будет пробит туннель под морское дно, затем головная машина выведет их по туннелю в море. Головным будет ВЧЗ — высокочастотный замер. Он уже возле шахты, вокруг него суетятся техники, на него глазают зеваки. Это великан, весь пронизанный электричеством. Он не только пробьет туннель, но и сварит его стены токами высокой частоты. ВЧЗ может идти на ручном управлении, но Дарин запрограммировал ему автоматический ход — так будет быстрее. Проводить выход к морю будет сам Петр Петрович.

Май. 25. ВЧЗ опустили в шахту около полудня. Работа земера транслировалась на экран в центре зала. Здесь толпились освободившиеся от дежурств операторы. Следили за ВЧЗ и за Дариным. Посмотреть было на что. Пульт мерцал множеством индикаторов: температура, грунт, скорость, охлаждение, радиация — все надо было мгновенно учитывать.

Снаряд прошел вниз два километра. Многие из ребят начали расходиться. У экрана осталось человек двенадцать. Вдруг звонок распорол тишину зала. Дарин под-

нял голову. Только что все было нормально: ВЧЗ опускался по вертикали. Но сейчас пульт неровно мерцал огнями... Второй звонок вернул к экрану тех, кто уже был на ступеньках лестницы. Красные огни вспыхивали на схеме внутреннего обслуживания ВЧЗ: магнитный настрой гирокомпаса перекрывался помехами. Это не была механическая поломка. Помехи то появлялись, то исчезали, как будто над компасом грепетало что-то живое.

— В замере мышь! — заговорили возле экрана.

— Птица!..

Всякий раз, когда поле компаса перекрывалось, звонок заставлял вздрагивать всех.

— Может, в снаряде остался кто-то из техников?

— Техники все на месте!

Петр Петрович включал и выключал клеммы проверки механизмов на замере. Система движения, мозг корабля — все было в порядке. А звонок звенел!

Наконец Дарин включил экран обзора в кабине управления корабля. Все увидели кресло — пустое, каким ему положено быть. Замер шел вертикально вниз, без привязи в кресле никто бы не усидел. Ремни, пристегнутые к подлокотникам, лежали в зажимах. Дарин уже хотел выключить экран кабины, как вдруг из-за спинки кресла показалась рука. Пошарила по верхнему краю, схватилась за кромку. Медленно, как будто всплывая над горизонтом, поднялась макушка с вихром рыжих волос, показались два расширенных от ужаса глаза. Несомненно, глаза видели экран в рубке замера, а на экране лицо главного инженера. Наверно, глаза и макушка тотчас бы спрятались — так казалось всем, наблюдавшим эту картину, — как ни страшно находиться в замере одному, а увидеть перед собой разъяренное лицо главного инженера страшнее. Мальчишка дернулся вниз, но было уже поздно.

— Стой! — загремел Дарин.

Мальчишка провел остреньким языком по губам и, не показываясь полностью — он лежал на спинке кресла с тыльной его стороны, иначе давно бы свалился вниз, — прохрипел:

— Я хочу пить...

С момента спуска земера в шахту прошло четыре часа.

— Кто ты такой? — спросил Петр Петрович.

— Павка.

— Чей?

— Яковлев.

— Сын прораба, Петра Михайловича? — Дарин остановил земер, мальчишка по инерции качнулся вперед.

— Угу, — сказал он.

— Сейчас позову отца, — пригрозил Дарин.

Перспективы для мальчишки складывались неважные: даже на глубине двух километров пацан при упоминании об отце ощутил беспокойство. Глазенки его забегали.

— Не надо, — попросил он.

Возле экрана собиралась толпа. Шок от неожиданной встречи прошел. Начались разговоры:

— Всыпать ему, конопатому!

— Чертовы пацаны, от них нигде нет покоя.

— Один вчера испытывал модель робота-акванавта. Все лампы в купальном бассейне сжег!

Из кабины главного пульта вышел Дарин. Мы обступили его.

— Шатров, — сказал он, — хотите со мной?

— Петр Петрович!

Дарин наклонился к селектору, вызвал аварийную службу:

— Немедленно «АЗ-4». На спуск!

Я пошел за Петром Петровичем. Даже спиной чувствовал, как ребята и девчонки-операторы мне завидуют. «АЗ-4», аварийный замер, уже стоял наготове.

Спасательная экспедиция закончилась в двенадцатом часу ночи. Техник Урбанцев за халатное отношение при подготовке ВЧЗ к спуску получил строгий выговор — по его недосмотру мальчишка забрался в замер. Павка из всей передряги вынес два-три синяка и был бы совсем счастливым, если бы не порка, которую с глазу на глаз устроил ему отец. Павка выдержал ее с честью — рискованные предприятия требуют жертв.

Больше всех в этой истории выиграл я. Ближе узнал руки и душу Дарина. Все время он вел «АЗ-4» на максимальной скорости, не выпуская штурвала, — мальчишка мог погибнуть от перегрева. А душу... Не обязательно было вести машину главному инженеру! Дарин мог заставить того же Урбанцева. Но он повел сам.

— Только бы нам успеть, Шатров.

А мальчишка — ты бы взглянула! — конопатый, рыжий, под ногтями черно... Дарин гладил его по щеке умными, сильными руками. «Так-то, Яковлев, — успокаивал сорванца. — Путешествовать к центру Земли непростое». Только на поверхности пригрозил:

— Сунься попробуй к замеру еще раз!..

Июнь. 1. Когда снаряды вышли под океан и последний замер вырвался из туннеля, вода ударила в дно цилиндра с такой силой, что сейсмографы Мурманска и Свердловска зарегистрировали толчок в четыре балла. Репортаж о возвращении замеров транслировался из телецентра.

Люди собирались у экранов на площадях, в общих залах, в контрольном зале. Диктор поминутно предупреждал:

— Парад земеров! Не пропустите парад земеров!
На экранах возник морской берег.

— Внимание!

Сначала в море появилось пятнышко, оно росло, как волна, и вот до берега километров пять, а над морем — белый султан. Земеры на поверхности, фрезы убраны, снаряды идут на червячном ходу, ввинчиваясь в воду, и разбрасывают ее с такой яростью, что она взмывается парусом.

Диктор зачастил цифрами о скорости приближения, о мощности земеров в лошадиных силах. Но и в толпах зрителей недостатка в комментаторах не было:

— Ну, силища!..

— На сниженных оборотах! Что они вытворяют в земле — мамочка-мама!

— Я слышал — буравят Луну.

Снаряды подошли к берегу, сбавили ход, полезли один за другим на отмель. Отшлифованные в глубинах, вымытые в море, выползали, как мастодонты, двинулись к городу.

— Разнесут... — переговаривались телезрители.

Дарин остановил их в ста метрах от ситалловой стенки. Коротко приказал:

— Стоп!

Июль. 2. Не писал целый месяц. Прости. Письма твои получаю. Не беспокойся, ничего со мной не случилось: не болел, никуда не ездил. Опять принимаю упрек, что пишу о технике. И опять о ней пишу — все тут захвачены техникой и проектом Петра Петровича. Писем не писал потому, что боялся. Все мы боялись. Словно где-то ошибка, неверный расчет — в наши-то дни!.. Жили одним желанием: воды, ожиданием, как сработает море. И вода пришла с точностью до одного часа.

Зажглись корпуса вокруг агатового колодца. Всех их девяносто два — по числу элементов менделеевской таблицы: матово-светлые для водорода и гелия, голубые для лития и бериллия, фиолетовые для калия, титана, ванадия, зеленоватый для меди — и так до рубиново-красного для урана. Анализ показал, что все элементы есть. Чего еще желать? Вода пошла по цехам, через электрические, магнитные поля, катализаторы, иониты, будет переходить из цеха в цех, возвращаться дважды и трижды, отдавая металлы до последней крупницы.

Июль. 19. Что я думаю делать дальше? Оля, ты сговорилась с Дариным? Этот вопрос задал мне Петр Петрович. Каждый здесь спрашивает: что дальше? Второй колодец намечено построить на Диксоне. Аркадий и Федор определились туда. Алка выходит замуж. «До свиданья, мальчики, — смеется. — Хорошие вы ребята, но есть кое-кто лучше вас». Мы всегда подозревали, что в душе она эгоистка: «До свиданья»... Скажи мы, что расстаемся с ней сожалеючи, она ответит: «Ничуть!» Правильно, но говорить об этом в открытую небезопасно — Алка может сказать: «Нахалы...» Пусть выходит замуж и уезжает в Семипалатинск.

С Петром Петровичем я разговаривал вчера. В Доме искусств слушал Бетховена и симфонию «Звездную» Вирры Вирцановой. В антракте меня увидел Дарин:

— Как чувствуете себя, Шатров?

— Хорошо, — ответил я.

— А ведь вы рисковали, — Дарин вспомнил шестидесятиградусную жару в «АЗ-4», когда шли на всех шести моторах, что инструкцией запрещено.

— Не я один рисковал, Петр Петрович.

— Конечно, — улыбнулся он. — Что думаете делать дальше?

От этого разговора все у меня зависит в дальнейшем. Формируется отряд для изучения Каракумского подземного моря. Выйдут новые земеры, способные принять на борт несколько человек. Дарин имеет к этому прямое отношение. Не смею думать, что он возьмет меня в Каракумы. Но все-таки думаю...

А пока буду ждать тебя. С августа иду в отпуск, в октябре отпуск твой. Успеем съездить на Кавказ.

Жду.

Этим заканчивается последнее письмо Анатолия. Мне не хочется упускать его из виду — хороший парень! Думаю еще написать о нем, только не знаю когда. На все нужно время.

Кстати, о времени.

Вы мчитесь в поезде и по расписанию прибудете в город в шесть часов вечера. Шесть часов — это ваше будущее. На самолете вы были бы в городе в два часа дня. Это тоже будущее, но более близкое к вам, чем шесть часов вечера. Представьте аппарат, который переносит вас в город мгновенно — в нуль времени. Понимаете, к чему я веду? Вам ведь интересно добраться до 2047 года. А теперь вообразите машину, которая берет старт с нуля времени и переносит вас в завтрашний день. Видите, просто. Только не говорите, что это сказка. Сказка — ложь, да в ней намек...

А с Анатолием мы еще встретимся. И с Ольгой встретимся.

Непременно.

ДОРОГОСТОЯЩИЙ ОПЫТ

I

— Итак, вы согласны, Гарри! — Профессор Баттли говорил выпренно, даже торжественно, как на ученом совете, хотя в комнате было всего три человека. — Вы предоставляете себя в наше распоряжение и получаете по завершении опыта через Оклендский банк пятьдесят тысяч долларов. Вы согласны на эксперимент добровольно.

Гарри, за весь разговор не поднявший глаз от стиснутых рук, сделал попытку взглянуть на профессора.

— Добровольно, — подтвердил он.

— Но... вы понимаете?

— Понимаю, сэр. Это опасно.

— Я тоже знаю, что это опасно. Поэтому мы оплачиваем риск кругленькой суммой.

— Да, — кивнул утвердительно Гарри.

— И требуем выполнения нашей программы полностью.

— Я выполняю ее, сэр.

Третий участник беседы, Глен Эмин, молчал. По его бледному лицу трудно было судить, одобряет он разговор или нет. Только пальцы, барабанившие по канцелярской папке с бумагами, выдавали его волнение. Это он привел Гарри Пальмана, бывшего друга по колледжу, в кабинет профессора Баттли, где и начался разговор на не совсем обычную тему. Предложение Гарри от имени профессора тоже было сделано Гленом. Гарри дал согласие сразу, как только услышал о сумме в пятьдесят тысяч долларов: дочь у него больна — нужны деньги. Сейчас разговор шел о контракте. Вернее, пришел к концу — профессор ждал от Гарри последнего слова.

— Я бы хотел получить аванс, — сказал Гарри. — И скорее покончить с этим.

— Аванс получите завтра, как только договор будет подписан.

— Мистер Баттли, мне нужно сейчас, — почти с отчаянием сказал Гарри. — Хоть немного наличными.

Глен уловил нотку страха в голосе Гарри, он видел причину этого страха: Гарри боялся, что не получит ни цента. Лицо профессора выражало безразличие; и, когда профессор вынимал из кармана две пятидолларовые бумажки, Глен видел, как пальцы его дрожат от безразличия.

— До завтра... — сказал Баттли, давая понять, что разговор окончен.

Баттли презирал деньги, и в этом Глен не понимал профессора. Может быть, потому, что деньги доставались шефу легко? Впрочем, не так легко: институт не бросал ассигнований на ветер. Баттли удачлив: ему первому удалась пересадка человеческого мозга, он первый синтезировал плазму крови. Тут Глен знал профессора лучше — это был смелый и неутомимый экспериментатор. Если он был на верном пути, он напоминал гончую, рвущуюся по следу. Для Баттли тогда не существовало ничего и никого, кроме цели. Он был тщеславен, даже жесток в достижении цели. Но Баттли презирал деньги и людей, которые тянулись к деньгам, будто не понимал, что иногда деньги бывают людям нужны как воздух.

— Кто финансирует опыт? — спросил Глен.

— Безразлично кто, — ответил профессор. — Мне нужен опыт, нужны результаты, Глен!

В этом был весь Баттли. Напал на след и теперь будет рваться вперед, не оглядываясь по сторонам.

Опыт ставился тайно. Ни одна из научных ассоциаций не дала бы на него разрешения. А идея была заманчивой: перекинуть мост между животным и человеком. Естественно, для опыта был выбран дельфин. Не потому, что дельфин самое смышленное из животных, самое добродетельное по отношению к человеку, и вообще — самое, самое... — об этом много писали в газетах. А потому, что с изобретением биометилтонала — сокращеннее: БМТ — кровь теплокровных животных можно было по составу приблизить к человеческой крови. И здесь это «самое» ближе всего подходило к дельфину.

Изобрел БМТ Глен Эмин. Переманил его к себе в лабораторию Баттли. Опять-таки за высокий оклад. Вот

почему сейчас, когда они идут по террасе и на лице Баттли все еще отвращение к пятидолларовым бумажкам, Глен ненавидит шефа и сочувствует Гарри Пальману. Купив Глена за деньги, Баттли презирал его не меньше, чем Гарри. Только не показывает этого откровенно — Глен нужен ему для успеха. Из всего, что могло пощекотать самолюбие, Баттли предпочитал успех. Так было с изобретением БМТ: в ученом мире ходили легенды о лабораториях Баттли и, естественно, о нем лично. Но аппетит приходит во время еды. Баттли хотелось большего: был задуман эксперимент «Меркури», в котором ставка была покрупнее, чем в других опытах: жизнь человека.

У одного из русских фантастов описан таинственный сад доктора Сальватора, где в окружении каменных стен проводились невообразимые опыты над животными: пересадка голов и других частей организма от одного к другому. Что-то подобное было с комплексом лабораторий Калифорнийского исследовательского института. С запада лаборатории охранялись океаном, с востока — каменистым обрывом Берегового хребта. Многомильная полоса побережья была рассечена на квадраты колючей проволокой; там и тут участки от постороннего взгляда отгорожены металлическими щитами.

— Что вы на это скажете, Глен? — говорит Баттли, остановившись в конце террасы.

С океана тянуло ветром. Начиналась весна, ранняя в этом году и потому неожиданная. Туман рассеялся, небо и море были яркими, помолодевшими, настраивали людей на мирный тон. Но в душе Глена не было мира, разговаривать не хотелось. Баттли между тем ждал ответа.

— Мне жалко этого парня, — сказал откровенно Глен, зная, что его реплика идет вразрез с мыслями шефа. Но он может позволить себе вольность суждений — в эксперименте «Меркури» Глен Эмин незаменим.

— Намеряете на риск, которому подвергается Гарри Пальман?

— Отчасти...

— Часть — это еще не целое. Что вы думаете в целом, Глен?

В целом Глен считал, что вместе с профессором идет на преступление, одинаково наказуемое кодексами любой страны: эксперимент может кончиться гибелью Гарри. Баттли понимает это прекрасно. Понимает, что делает Глена соучастником преступления и что Глен идет на соучастие. Но прямо об этом Глен, конечно, не скажет. Не потому, что вопрос поставлен шефом с металлом в голосе, — это бывает нередко. А потому, что, откажись Глен от эксперимента, это будет концом его карьеры и благополучия в этом мире. Не только его благополучия, но и Джесси, его жены, и Айка, четырехлетнего сына. Поэтому Глен ничего больше не скажет, а ответит уклончиво:

— Думаю, что подготовку к эксперименту можно будет начать завтра.

Договор был подписан на следующий день в десять часов утра. А еще через два часа — в двенадцать по местному времени дельфину Иглу был введен препарат БМТ. Одновременно в вены Гарри тоже влили первые кубики биометилтонала.

Цель эксперимента заключалась в подсадке дельфину коры головного мозга человека — тончайшая операция, сравнимая разве с работой гранильщика драгоценных камней. Проще было бы пересадить мозг целиком, но это не даст нужного результата, мозг останется полностью человеческим. Задача сводилась к тому, чтобы оставить дельфина самим собой, подключив ему человеческое сознание. Операцию готовился сделать Бат-

тли. Глен должен был при помощи БМТ уравнивать химический состав крови подопытных, а потом переключить мозг человека на новое кровообращение — от дельфина.

Процедура предварительной подготовки длилась шесть дней. На седьмой Баттли произвел операцию подсадки.

— Как вы себя чувствуете, Гарри? — был первый вопрос к подопытному.

Ответа Баттли не ждал. Мозг дельфина и Гарри был под наркозом, но человек должен пробудиться раньше животного, и теперь Баттли передавал информацию — как можно больше информации, чтобы человек освоился с новым состоянием постепенно. Кроме того, нужно было видеть, успешно ли прошла хирургическая операция. Баттли ловил малейшее движение человека-дельфина.

— Как вы себя чувствуете? — повторял он.

Вопросы передавались по радио. Миниатюрный приемник был вживлен в кору привитого Иглу мозга. Передатчик вмонтирован еще проще: на два зуба нижней и верхней челюсти были надеты металлические коронки, которые, контактируя, замыкали цепь микропередатчика, вставленного тоже между зубами.

Гарри услышал вопрос. Как он себя чувствует? Пока что он только слышит голос профессора.

— Будьте мужественны, — продолжал Баттли. — Главное начнется, когда мы снимем наркоз.

Тут впервые Гарри захотелось спросить, что с ним и с его телом.

— Вы живы, Гарри, запомните — вы живы и будете жить, — говорил Баттли. — Как только кончится опыт, мы сделаем обратную операцию, вернем кору вашего мозга на место.

— Но что будет теперь?.. — спрашивал себя Гарри.

— Станьте дельфином. Полностью станьте дельфином, — не умолкая, говорил Баттли.

Гарри прислушивался к себе, но, кроме голоса Баттли, он ничего не ощущал и не слышал.

— Глен, — обратился Баттли к помощнику. — Начнем общее пробуждение. Постепенно — самыми маленькими шагами...

Первое, что ощутил Гарри, была бесконечность. Казалось, что он один на маленьком острове, на пяточке, среди огромного мрака. Было с ним только его «я» — ничтожная искра, не способная осветить и раздвинуть мрак. Это его испугало: хотелось крикнуть, но не было голоса, шевельнуться — не было рук и ног.

— Гарри, Гарри, — слышал он где-то голос профессора.

У него не было голоса, чтобы ответить.

— Гарри, вы пробуждаетесь в новом мире, вы стали дельфином, Гарри. Мы предвидели, что вам будет трудно, ваш мозг пересажен дельфину. Вы теперь дельфин, Гарри, вы Иглу... Нам нужно знать, как вы себя чувствуете. Вы нас слышите? Говорят доктор Баттли и Глен.

Гарри боролся со страхом и с бесконечной тьмой.

— Гарри, была операция...

И вдруг мрак исчез. Гарри увидел лабораторию, склонившихся над ним Баттли и Глена. Он сначала не понял, куда исчез мрак, а потом сама собою пришла догадка: у него открылись глаза. Но глаза открыл не он, Гарри Пальман, — их открыл дельфин Иглу. Это его удивило: неужели он будет зависеть теперь от животного?

— Что вы можете сделать, Гарри? — спрашивал Баттли.

Что он может сделать? А может ли он закрыть глаза? Гарри приказал себе: закрой глаза. Это ему

удалось — веки закрылись. Видимо, Баттли понял, что это его первое осмысленное движение.

— Еще раз откройте и закройте глаза, — сказал он.

Гарри открыл и закрыл.

— Хорошо, — сказал Баттли с облегчением. — Переходите на разговор, пользуйтесь передатчиком.

Гарри шевельнул челюстью — Иглу плеснул плавниками. Тело его качнулось в воде. Гарри показалось, что он валится на бок. Он мысленно вскинул руки, как человек, поскользнувшийся на дорожке, — плавники судорожно взмыли в воде, тело чуть не выпрыгнуло из ванны. Плеснулась вода.

— Осторожнее, Гарри... — Баттли стряхивал с халата брызги.

— Я ничего не сделал, — передал азбукой Морзе Гарри. — Мне очень легко...

Баттли ответил:

— Вам надо научиться координировать движения. Шевельните хвостовым плавником.

К радости Гарри, это ему удалось. И опять он едва не выскочил из ванны.

— Так... — сказал Баттли. — Для начала неплохо. Даже если вы будете только плавать, эксперимент мы завершим успешно.

Выходя из лаборатории, Глен думал о последней реплике шефа: не слишком ли узкую цель ставит Баттли, если считает, что умение плавать — главное в сложном эксперименте? Впрочем, это его, Глена, уже не касалось. Его дело — биологическая основа, действие БМТ. Цели и задачи определяет дирекция института.

Потом он стал думать о Гарри Пальмане. И о себе.

Вдруг представил себя на его месте, в роли подопытного. Почувствовал холодок на спине — никогда! Он видел Гарри после операции. Это был живой труп. Глен слабо разбирался в нейрохирургии, но об экспериментах, которые ведутся в лабораториях, знает. У животных — кошек, собак — удалялась кора головного мозга. Животные жили: ели, если им давали пищу, двигались, если их водили на цепочке, издавали мяуканье, лай. Но что за походка была у них, что за голос!.. Гарри после удаления мозговой коры открыл глаза. Какие это были глаза!.. Холод опять пробегает по спине Глена.

Они были товарищами по Энвери-колледжу. Но Гарри не окончил учебы. Что-то случилось с его отцом — кажется, растратил чужие деньги. За три месяца до окончания курса Гарри исчез из колледжа. Встретились они через семнадцать лет в Сан-Франциско. Глен уже стал ученым с именем. А Гарри? Он работал препаратом в какой-то захудалой лаборатории, и по его внешности можно было судить, что дела его шли не блестяще. «Я тебя устрою на хорошее место!» — пообещал Глен. Потом уже, после прощания, понял, что ничего не знает о Гарри, кроме его скромной профессии. Но обещание было дано, и Глену пришлось здорово врать Баттли, расхваливать друга детства, чтобы уладить вопрос с работой. Баттли был человеком момента, принимал решения сразу, видимо, Глен пришел к нему в добрый час, и вопрос о приеме Гарри на место препаратора был решен.

Позже Глену стало невыносимо от молчаливой благодарности друга, от его взгляда, похожего на взгляд случайно пригретой собаки, и вместо сближения с бывшим товарищем Глен почувствовал к нему холодок — так и не узнал, как прожил Гарри минувшие семнадцать лет и как живет сейчас. У него жена, дочь, Гарри что-

то говорил о болезни ребенка, но Глен слушал, не вникая в подробности.

Когда встал вопрос об эксперименте с дельфином и стали искать добровольца, Гарри опять подвернулся Глену. Глен предложил ему от имени шефа условия — пятьдесят тысяч долларов. Гарри поспешил согласиться. Может быть, из благодарности к другу.

II

Гарри вывели в море после четырехдневных испытаний в вольере. Операция и приживление мозга прошли успешно. Баттли радовался удаче: центры нервной системы функционировали нормально.

— Гарри, — шутил он, — теперь вы настоящий Нептун. Водное царство — ваше. Плывите!

Но вольер — не то что открытое море. Из тихой заводи Гарри попал в бушующий ураган, который оглушил и опрокинул его.

Человек на суше видит и слышит, обоняет запахи, осязает тепло и холод. Увеличьте стократно каждое ощущение, и вы приближенно представите себе мир дельфина. «Подвижной в подвижном» — таков был девиз «Наутилуса» в прошлом веке, когда считали, что океан нем, лишен цвета и запахов. «Подвижной в подвижном» правильно и сегодня, а все остальное обернулось своей противоположностью: кваканье, клохтанье, хрюканье, бляенье обрушились на Гарри с четырех сторон, звуками были полны глубины.

— Гарри! Гарри! — надрывался приемник в его мозгу. — Где вы?

— Я ничего не слышу... — растерянно отзывался Гарри.

Бесшумный электробот сопровождал его в первый

выход. На борту не поняли Гарри, почему он не слышит. Судно шло на аккумуляторах, обороты винта были бесшумными. С электробота ответили:

— Держитесь прежнего курса — право по борту!

Океан надвигался на Гарри, как разъяренный зверь: что-то ухало, ахало в нем, верещало, кудахтало, вздыхало и умирало. Позади гремел камнями прибой, впереди басовитым утробным рокотом извещал о своем приближении игравший где-то за тысячу миль отсюда шторм.

— Почему вы молчите, Гарри? — спрашивали с электробота.

— Разве вы можете меня слышать?

— В чем дело? У нас полная тишина!

— Мне постоянно мешает шум.

— Опуститесь на глубину! — последовала команда.

Гарри пошел в глубину. С каждым метром все вокруг изменялось. Мелькали огненные штрихи, зигзаги, будто проносились пороховые ракеты; глубже ракеты превратились в светильники — голубые, зеленые, — висевшие точно луны. А потом вместо ожидаемой тьмы глубоко внизу появилось багровое с желтым отливом зарево — светился придонный ил. Там и тут колыхались синие или рыжие гривы светящихся водорослей, негаснущими полянами рдели колонии голотурий, камни светились красным, между ними мерцали, шуршали морские ежи, креветки; молниями проносились мурены, а звезды так и оставались звездами, только опрокинутыми в глубину... Это было удивительное, зачаровывающее зрелище, доступное глазам только обитателей моря. Оно было бы даже красивым, не окажись с первого взгляда жестоким. Это был мир, где все и всех пожирают открыто и беспощадно. Зубы и широкие пасти господствовали здесь над слабым и беззащитным, и, чтобы слабому не быть сожранным без следа, ему надо

было размножаться, как планктон, в миллиардах себе подобных. Гарри был потрясен непрерывной охотой обитателей друг за другом, хрустом и хлопанием челюстей, вскриками, визгами, пронизывавшими толщу вод.

Когда, почувствовав потребность вздохнуть, он вынырнул на поверхность и с бота его спросили, что он видел в глуби, Гарри ответил:

— Ужас...

Может быть, Гарри Пальман оказался неспособным вынести новый мир? Столкновение с неизвестным далось ему слишком трудно? Дважды пришлось Гарри Пальману спастись бегством от акул под защиту электроробота; сородичи-дельфины чувствовали в нем что-то несвойственное, отвергали его, угрожая зубами; невидимая морская мелочь рвала ему плавники, заставляла метаться и выпрыгивать из воды.

— Мистер Баттли, — просил он, когда его возвращали в спокойный вольтер, — я не могу этого вынести.

— Терпение, Гарри, — отвечал шеф. — Привыкайте.

— Я хотел бы прекратить опыты, — настаивал Гарри. — Это мне не под силу.

— Впереди еще главное.

— Что главное, мистер Баттли?

— На это свой день, Гарри, и свой час.

— Но я не могу!

— Привыкнете.

— Мистер Баттли...

— Контракт, Гарри. Вы же согласились, — напоминал Баттли.

Это смиряло подопытного.

— Дайте мне отдохнуть, — просил он.

— Не забывайте, что времени у нас месяц. Испытания впереди.

— Что впереди?..

Шеф пожимал плечами. Похоже, он не знал, какие испытания будут, или ожидал на этот счет указаний от руководства института.

В конце концов успех опыта был успехом не одного только Баттли. Выше него стоял ученый совет, еще выше — дирекция, связанная с государственным аппаратом. Достижения института становились достижениями государства. И чем значительнее были достижения, чем больше возможностей они предоставляли, тем крепче брало государство эти достижения в руки. Баттли, Глен Эмин, Гарри?.. В большом деле они безличны и безразличны. Важен результат их работы, а государство пользовалось результатом как ему было угодно.

Поэтому Баттли, доложив об успехе опыта, уже не был хозяином задуманного эксперимента.

— Не знаю, — признавался он Глену, — что будет дальше. В верхах человек-дельфин встречен аплодисментами. Теперь надо ждать испытаний. наших нервов в первую очередь, Глен.

О характере испытаний Глен узнал совершенно случайно.

Он был у шефа с утра. Кабинет, выходивший окнами на террасу, выглядел празднично светлым. Голубой и светло-зеленый пластик панелей и стен сочетался с блеском моря, сверкавшего в гигантском — от пола до потолка — окне, делал кабинет похожим на светлый аквариум, стоящий на солнечном подоконнике. Настроение у шефа было таким же светлым, шеф фантазировал с увлечением:

— Биометилтоналу, — говорил он, — предстоит в будущем немаловажная роль. Дельфины только начало, Глен. На третьем месте по развитию, после дельфинов

и обезьян, стоят слоны. Нам удалось заглянуть в океан, но впереди джунгли, Глен, с запахами листвы, земли, африканских саванн...

Легкое гудение зуммера и вспыхнувшее табло «Неотложно!» прервали увлечение шефа.

— Один момент, Глен, это из хирургического, — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Посидите, я вернусь через минуту. Подумайте о нашем разговоре, о перспективах.

Минута проходила за минутой, Баттли не возвращался. Два раза позвонил телефон. Глен не осмелился поднять трубку. Раздался третий звонок. «Может быть, звонит шеф, — подумал Глен, — чтобы я не сидел без дела», — поднял трубку.

— Генерал Биддмен, — заговорили в трубке, видимо, продолжая разговор с кем-то, — предлагает провести испытания в среду. Для участия выделим два эсминца...

— Простите, — ответил Глен, — вы звоните не по адресу.

— Это кабинет мистера Грэви? — В трубке назвали имя директора института. — Кто это говорит?

— Телефон директора — Е-72-17, — ответил Глен и положил трубку.

Профессор задерживался. Надо было идти. Разговор об эсминцах и генерале в эту минуту Глен не связал ни с чем. Не успел связать: в кабинет стремительно вошел Баттли.

— Несчастье, Глен! — сказал он, проходя к своему столу. — Умер Гарри.

— Гарри? — не понял Глен. — Дельфин?

— Пальман! — Баттли барабанил пальцами по столу. — Его тело — безмозглый футляр... — Шеф повысил голос, ругал ассистентов: — Как они посмели не досмотреть? Институт здесь, черт возьми, или ресто-

ранная судомойка?! Не довели нити до полной стерильности. Швы загноились, Глен. Ведь он не мог ни сказать, ни пожаловаться!..

Трагедия начала доходить до сознания Глена.

— Слишком я доверился олухам-ассистентам, — продолжал Баттли. — За неделю они довели воспаление до гангрены. Скоты!

— Что же теперь делать? — спросил Глен.

— Гарри останется дельфином. Навсегда!

— Но захочет ли он?..

— Захочет или не захочет, — Баттли сделал неопределенный жест, — будет разыскивать жемчуг и подводные клады.

— А как же семья? У Гарри жена, ребенок!

— Что я могу сделать? — Баттли встал из-за стола. — Что я могу сделать, Глен?!

О том, что в испытаниях будут участвовать военные корабли, Глен вспомнил позже, когда оправился от потрясения в связи с гибелью Гарри. Институт, насколько он знал, не связан с военным ведомством. Но сейчас, вспоминая разговор по телефону, — тон, прозвучавший в словах о генерале и эсминцах: тон был сердечный, каким на уик-эндах говорят уважающие друг друга партнеры, — Глен был шокирован. Видимо, институт служит не тем целям, которые рекламируются: развитие медицины, победа над барьером несовместимости... Эксперимент «Меркури» тоже задуман для иной цели.

Подозрения Глена подтвердились. Он был вызван для участия в испытаниях в качестве помощника шефа. Глен окончательно убедился, что институт работает в контакте с военными. Скрытое стало явным — очевидно, опыт был настолько серьезным, что невозможно

было утаить от Глена и от профессора связь института с военным ведомством.

Гарри заставили плавать с различной скоростью, прикрепляли ему на бока и на кожу датчики, снимали электрограммы, динамограммы, пускали наперегонки с торпедами — обыкновенными и покрытыми «ломинфло», эрзацем дельфиной кожи. В тех и в других гонках выигрывал Гарри. Но, судя по разговору, во время гонок у Гарри что-то не ладилось.

— Как работают мышцы, кожа? Понимаете, кожа?.. — спрашивал профессор. — Как вы добываетесь скорости? Чувствуете ли завихрения?

Гарри отвечал, что плавать для него так же естественно, как для человека ходить. Ведь человек не чувствует сокращения мускулов, когда ходит.

— Нас интересует кожа, секрет ее приспособляемости к движению, — вмешивался в разговор генерал Биддмен. — Всю эту музыку мы затеяли, чтобы разгадать секрет быстрого плавания дельфина. Вы нам сообщаете меньше того, что мы уже знаем! Разделите каждое движение на составные, передайте нам элементы — анализ!..

У Гарри не получалось. Он неохотно поворачивал от одного эсминца к другому, чаще выныривал, чтобы вздохнуть, реже откликался на окрики.

— Бестолочь! — сердился генерал, прикрывая рукой микрофон. — Слушайте, — опять обращался к подопытному, — как вам удается преодолевать сопротивление среды? Не помогает ли вам вода — не толкает ли; смыкаясь за вами? Как получается ваша скорость?

Гарри перестал отвечать. Испытания закончились безрезультатно.

— Да-а... — нервно кусал сигару генерал Биддмен. — Или он, — генерал в разговоре с профессором намеренно избегал называть дельфина человеческим име-

нем, — не сознает полученной им силы, или настолько глуп, что не хочет понять ее.

— Вас это злит? — спрашивал Баттли.

В глубине души он был на стороне подопытного. Профессора интересовала физиологическая, даже философская, основа эксперимента. Но прежде, чем заняться энцефалограммами Гарри-дельфина, изучением его ощущений, директор института настоял провести опыты по программе генерала Биддмена. Определенные круги интересовались движением дельфина в воде — это дало бы возможности невиданно увеличить скорости подводных лодок!.. И еще в глубине души Баттли чувствовал свою вину перед подопытным. То, что Гарри-человек умер и остался дельфин, потрясло Баттли не меньше, чем Глена. Последствия этого трудно предвидеть и трудно назвать. Совесть Баттли встревожена. В пылу работы профессор отвлекался от этих мыслей, но ведь придет минута, когда со своей совестью останешься с глазу на глаз. У Гарри жена и ребенок, вспоминал Баттли слова своего молодого помощника. Глен прав. Но, помимо правоты, Глен молод и экспансивен. Он глубже переживает трагедию. Чем все это кончится?..

— Испытания надо продолжить, — настаивал генерал.

— А если Гарри не выдержит?

— Ваше дело, — не без иронии ответил Биддмен, — найти общий язык с владыкой моря...

Баттли не нашел что сказать.

— А еще, — фыркнул генерал, — дельфинам приписывают чуть ли не человеческий интеллект...

Однако повторных испытаний не состоялось. Гарри отказался от опытов, потребовал возвращения в чело-

веческий облик. Уговоры профессора, ссылки на контракт не помогали. Гарри настаивал на своем.

В окно лаборатории Глен видел, как шеф крупными шагами шел от вольера. «Ко мне...» — мелькнуло в его голове. Дверь открылась, Баттли вошел к Глену.

— Образуйте его, — попросил он. — Докажите Гарри, что выход для него в беспрекословном повиновении. Поставьте перед совершившимся фактом. Вы его друг, вам это сделать легче, чем мне.

— Но, мистер Баттли... — Глен в это утро не был настроен мирно, предложение шефа показалось ему бесстыдным, и он тут же решил воспользоваться советом профессора — оперировать только фактами. — Гарри посчитает нас преступниками!

— Как вы сказали? — Баттли посмотрел ассистенту в глаза.

— Преступниками!

— Глен... у вас рискованный выбор слов.

— Ну а если, — настаивал Глен. — И ради чего? Чтобы экспериментом пользовались военные? Эти гонки с торпедами!..

— Не будьте наивны, Глен, — попытался успокоить его профессор. — Нам подсунули эту программу. Поймите: вы и я находимся в услужении. Ради долларов, Глен. И Гарри погиб из-за денег. Чистой науки нет, Глен, запомните!

Впервые шеф заговорил о деньгах, и, как показалось Глену, он понял профессора: Баттли был так же ничтожен, как он, Глен Эмин, находится в тех же руках, что и Глен и все в институте. Пожалуй, Баттли не так презирает деньги, как ненавидит их, потому что делал за деньги и делает все, что от него потребуют. Это были путы, золотая цепь, которую ни разорвать, ни сбросить с себя. Профессор жалок в такой же мере, как Глен и как Гарри Пальман.

Но Глен не дал увлечь себя жалости. Главное в том — и это он хорошо видел, — что оба они преступники. Наука? — говорит Баттли. Наука не должна идти по трупам людей! Гарри умер по их вине, Баттли и Глена. Они совершили преступление. Это уничтожало Глена, вышибало из-под него почву.

— Идите! — настаивал Баттли.

Глен молча пошел к вольеру. В голове его было пусто. Что он скажет Гарри? Что может сказать?

— Старина... — начал он фамильярно, склонившись к дельфину.

Маленькие круглые глазки животного немигающе глядели в его зрачки, плавники шевелились, поддерживая голову дельфина над поверхностью. Голос Глена осекся. Ему вдруг почудилось, что перед ним нет Гарри, нет давнего друга — ничего нет человеческого, и его «старина» нелепо, чудовищно перед дельфином.

— Гарри... — попробовал он назвать дельфина человеческим именем. Но и это было плохо: дельфин разжал челюсти, унизанные сотней зубов.

Все же Глен пересилил себя.

— Гарри, — сказал он, — надо продолжать опыт.

— Нет, — передал Гарри отказ азбукой Морзе.

— Почему, Гарри? — спросил Глен, чувствуя, что голос его выравнивается, но по-прежнему ощущая холод в душе: ничего человеческого не было в их разговоре.

— С меня довольно, — ответил Гарри. — Больше я не хочу. Плавать вперегонки с торпедами — хватит...

— Но ведь не в этом главное.

— В этом! — ожесточенно ответил Гарри. — Не хочу больше. Верните мне мое тело.

— Гарри... — Глен чувствовал, что ему трудно лгать.

— Я не все сказал, Глен, — перебил Гарри. — Может, я согласился бы еще плавать, обгонять торпедные катера и делать все, что они там придумают. Но причина в другом, пойми меня, Глен. Я боюсь. Я в постоянном ужасе. Я исчезаю, Глен. Может быть, я не могу объяснить тебе, но я исчезаю, растворяюсь в дельфине — мое человеческое сознание гаснет. Вчера я укусил Лисси...

Лисси — один из пяти дельфинов, приручавшихся в океанариуме.

— Лисси мне ничего не сделал, — продолжал Гарри. — Я не должен был кусать Лисси!.. Теперь я думаю над этим, и меня берет страх. Я становлюсь животным. Вот и сейчас не могу припомнить имя своей дочурки... Верните мне мое тело, Глен. Я погибаю!..

— Гарри... — Ужас сковал Глена настолько, что он еле шевелил языком. — У тебя нет тела, Гарри, оно погибло. Ассистенты плохо сделали швы... — Глен чувствовал, что не надо говорить об ужасных подробностях, но уже не мог остановиться, его подхлестывал страх, передававшийся от чудовища, шевелившего плавниками и глядевшего на него парой пустых, точно дыры, глаз. — Гангрена сделала остальное, Гарри, у тебя нет тела... Нет тела! — повторил Глен, замороженный пустотой и ужасом глядевших на него глаз.

Четыре часа спинной плавник Гарри резал воду океанариума. Бассейн был круглый, и Глену, все это время остававшемуся на берегу, казалось, что Гарри закручивает невидимую спираль, и в какую-то секунду спираль разомкнется, произойдет что-то непоправимое.

— Гарри! Гарри! — звал он по гидрофону, но ответом была лишь белая вспененная полоска, там и тут мелькавшая на поверхности.

Глен был в отчаянии: может быть, вызвать Баттли? А что Баттли мог сделать?

Но вот Глену показалось, что круговое движение вдруг нарушено. Гарри приближался к нему. Глен поднялся со скамьи, надеясь поговорить с ним. Но дельфин, приблизившись к Глену, резко переменял направление. На глазах убыстряя ход, он разрезал океанариум по диаметру, как пуля вырвался из воды и, перемахнув через сетку, исчез в океане.

Глен замер с трубкой гидрофона в руке. Бросил трубку на землю. Плавник показался из воды раз, другой, удаляясь от берега. Глен бежал по кругу океанариума — бежал, не осознавая, что он бежит, не зная, что будет делать дальше. Решетка вольера выходила на сушу по обе стороны океанариума. Глен с разбегу ударился об нее, упал. Боли он не почувствовал, но, пока поднимался с земли, машинально отряхивал песок с рукавов рубашки, он понял непоправимость того, что произошло: они с Баттли убийцы. Они убили Гарри, и никакими словами, никакими оправданиями о целях высшей науки не исправить этого факта. Пусть будет проклята наука, убивающая людей! Глен стоял, вцепившись в решетку, сердце готово было вырваться у него из груди. «Будь проклята! Будь проклята!..» — твердил он, глядя в океан глазами, полными отчаяния, боли.

Плавник еще раз показался у горизонта и исчез.

III

Гарри плыл, энергично работая всем телом: плавниками, кожей, хвостом. Кажется, он начал понимать то,

что от него требовали в опытах. Его кожа вибрировала, на ней возникали тысячи микроволн, которые отталкивали, взморщивали воду в ее толще, заставляли скользить вдоль тела, но не просто скользить, а катиться круглыми капельками — Гарри скользил в воде как на шариках.

Тут он спросил себя, почему он не понимал этого раньше, а понял только сейчас? Ответить на вопрос ему было страшно. Вот уже несколько дней он открывает в себе что-то новое, непонятное и теряет прежнее, человеческое. С угра он не может вспомнить название улицы, на которой живет в Окленде. Это страшно, как то, что он забыл имя дочери. Номер дома сто пятый, а названия улицы он не помнит.

С тревогой он прислушивается к себе. Все ли он Гарри? Но ведь прежнего Гарри нет. И никогда не будет...

Не надо думать об этом. Все продумано, когда он кружился в океанариуме. Теперь надо уйти. Просто уйти.

Океан опять лежал перед ним неведомым миром, опять ждал его, и Гарри мчался ему навстречу.

Какая удивительная легкость движений! И какая гамма вокруг красок, звуков, холода и тепла!.. Да, да, лучше думать об этом — тысячи оттенков холода и тепла... Глубина, близость берега, течения, пятна облаков на поверхности — все это ощутимо в воде. Чувствуешь каждый солнечный зайчик... Как же название улицы, на которой он живет? Жил?.. А номер дома сто пятый. Сто пятый?..

Берег исчез. Остались солнце и океан. И глубина. Тяжелая глубина внизу. Или это новое непонятное чувство? Нет, тяжелая глубина. Она тянет в себя... Я устал, говорит себе Гарри, я смертельно устал. От опытов и от долгого плавания. И от Глена... Это Баттли послал

его сказать мне, что Гарри умер. Умерло все: имя дочери, название улицы, номер дома. Скоро умрет сознание. Останется жить дельфин — морская зубастая тварь. Будет жрать рыбу, гоняться за самками. Баттли и Глен убили Гарри Пальмана, чтобы узнать тайну плавания дельфина. Тайна осталась, а его, Гарри, не будет. Его уже нет. Маленький островок сознания в мозгу зубастого зверя тает, словно кусочек воска на горячей плите... Сколько ему еще быть человеком? Час, может, минуту?.. Как его имя? Гар?..

Тяжелым всплеском хвоста Гарри поворачивает вниз, в глубину. Ему хватит минуты — лишь бы не меньше... А в глубину падать легко: тяжесть втягивает его, как брошенный в воду гвоздь. Медленно сгущается темнота. Как пресс, сжимает тело давление. На сколько дельфин может задерживать дыхание?.. Темнота сомкнулась над Гарри. Вода сдавила его как угольный пласт. И почему-то нет страха. Вниз и еще вниз, вниз...

Когда давление стало невыносимым, когда оно втиснуло плавники в тело и вдавило глаза в орбиты, Гарри с силой вдыхает в себя водяную струю. Он даже не чувствует боли, только резкий толчок в себе. И уже падает в глубину, с легкими, изодранными в клочки...

ЕЩЕ ОДИН МЕРТВЫЙ ГОРОД

— Еще один мертвый город...

— Какой по счету — десятый? Вся планета в развалинах!

— Старое выеденное яйцо...

— Где же сокровища? Черт побери, не могли же они жить без роскоши! У них такие красоты...

— Слюни пускаешь, Гарри?

— Хватит вам! — откликнулся Томас Веллз. — Надо иметь уважение к древней цивилизации.

Это был единственный трезвый голос среди брюзжания неудачников. На Томаса тотчас накинудись:

— Мечтатель!..

Кто-то, глядя на скалы и на пустыни планеты, бросил:

— Подложить бы старушке пару аннигилятож...

Томас не слушал. Он опускал ракету ближе к городу. В конце концов парни правы. Забраться за тридцать парсеков от Спасителя и найти этот хлам. Какое, собственно, ему дело до старой цивилизации? Как всем, ему нужны золото и алмазы.

Но сокровищ на планете не было, точно назло искателям. Даже там, где они обязательно должны быть. На запястьях статуй вместо браслетов свинцовые ободки, в клипсах — зерна графита... Зато сами статуи, по признанию всех, изумительны. И картины из цветного стекла — витражи — поражали тонкостью красок. Но не будешь же забивать трюм Венерами и стеклом. Спаситель такой товар не примет, а добытчиков засмеют. Неприкакаянная планета! То ли дело встретить такую, где знают в металлах толк. Повезло же Мартину Линку: наткнулся на гуманоидов, поклонявшихся золотым идолам. Он сразу вошел в круг Первых, подвалы его замка ломаются от золотых статуй. И ловкач никому не сообщил координаты планеты. А может быть, уничтожил ее аннигилятом. Томас Веллз, как все, завидует Мартину. Томаса не устраивает старье — он опускает ракету на пустыре возле города. Ему, Томасу, не нужны статуи и настенная роспись, он предпочел бы что-нибудь звонкое и блестящее.

По трапу сходили неторопливо. Осточертели пыль и развалины. Все были раздражены, не ждали находок, ничего необычного.

Город, как все другие, начинался с многоэтажных зданий. Улицы выходили в поле, если можно назвать полем каменистую, вспаханную ветрами равнину с чахлыми кустиками голубоватой растительности. Красное солнце неярко освещало стены домов, вылитых из цветного стекла. Город был стар, очень стар, наверное, он пережил десятки тысячелетий. Но он был красив, как все на этой планете, сделанное когда-то жившими здесь людьми. Изящные линии портиков, острых башен, мостов радовали глаз, если бы этот глаз не смотрел на все с прищуром, как у друзей Томаса. Улицы были широкими и прямыми, когда-то по середине их росли, наверно, цветы, а теперь там и здесь стлались те же голубоватые кустики.

Ракета стояла ярдах в двухстах от начала улицы.

— Пошли?.. — сказал Нелл Уоррен, капитан, предводитель добытчиков. Слово прозвучало полувопросом, полуприказом. Парни плохо верили капитану. Он все более приобретал репутацию неудачника. А невезение в космосе измерялось годами растроченной жизни. Невезучим этого не прощали.

Кто-то хмыкнул в ответ. Кто-то ударил ногой камень, и тот рассыпался. Старое — все было старое на планете.

— Надоело! — сказал один — кто, по голосу определить было трудно, шлемофоны искажали тембр, голоса людей были похожи один на другой.

Все почему-то медлили, поглядывали вдоль улицы, может быть, примеряли, в какой первый вломиться дом. Ветер немного пылил, присыпал скафандры серой мукой. Безотрадным было все, чужим и холодным.

Вдруг Томаса Веллза, стоявшего плечо к плечу с капитаном, будто качнуло ветром. Он сделал шаг по направлению к улице, потом еще шаг. С первого взгляда была заметна странность в его походке, словно его

одновременно толкало вперед и назад. Он даже откинулся корпусом, сопротивляясь толчкам, но его тянуло вперед, и он все быстрее переставлял ноги, как это бывает, когда прыгнешь с бегущего тротуара.

— Веллз! — крикнули ему вслед.

Веллз не ответил. Он все быстрее перебирал ногами, двигаясь уже по середине улицы.

— Веллз! — заорали несколько человек, не понимая, в чем дело. Иные только что оглянулись и, видя, как странно бежит их товарищ, не знали, чем объяснить его бег — чудачеством или сумасшествием.

— Веллз! Веллз! — кричали теперь уже все, оглушая самих себя в шлемофонах.

Веллз не отвечал и вдруг, не прекращая бега, стал погружаться в почву — по колена, по пояс.

— Веллз! — заревели ему. — Назад!..

Еще секунду над дорогой поблескивал шлем, но вот и он исчез, — перед командой простиралась пустая улица.

Люди погибают по-разному: в метеоритном потоке, в лапах чудовищ, по воле других людей. Но чтобы погибали вот так, без крика исчезая в земле, — этого не видел никто.

— Гром небесный! — первым опомнился Гарри Смэт. — Бежим!

— Бежим, ребята!

Кое-кто схватился за поручни лестницы.

— А Веллз, капитан, как же Веллз?

Льюис Ли метнулся по следам Веллза.

— Назад! — крикнул капитан. — Не смей!..

— Но Веллз!.. — Льюис рвался в сторону города.

— Назад! — приказал капитан. — Я не хочу лишаться команды на этой развалине! — Уоррен топнул ногой. — Будь она проклята!

Было слышно, как парни учащенно дышали в ска-

фандрах. Вечный вопрос долга и самосохранения каждый пытался решить по-своему. Веллз исчез — это не было смертью или убийством. Он просто исчез у всех на глазах. Может быть, на планете есть кто-то, кто это сделал, значит, его можно увидеть. Но он может сделать то же самое с каждым из них. Надо бежать.

— Бежим! — настаивали одни.

— Как же Веллз?.. — твердили другие.

Топтались на месте. Смотрели на город. Чувствовали мурашки на спинах и ничего не могли понять...

Ветер бросался вокруг цементной пылью.

Решили ждать. Одни поднялись в ракету, другие остались внизу, у трапа. Ждать решили, пока хватит терпения. Поглядывали на город, оглядывались назад, нет ли кого за спиной. Никого не было. Смелчаки предлагали пустить в ход аннигиляторы. Но против кого? Это был мертвый город...

И все же в голове каждого шевелилась мысль, что они столкнулись с необычайным, с какой-то силой, которая могла противостоять им. Она не уничтожила их. Может быть, не уничтожила Веллза. Поэтому надо ждать. Но уже не было слышно шуточек и насмешек по отношению к городу, к старой цивилизации. В людях росла тревога. Она заставляла оглядываться через плечо, заставляла ждать Веллза.

В город никто не шел. Даже не помышлял, чтобы идти. А он лежал рядом, такой же, как сотни городов на планете. Почему, думалось каждому из команды, это случилось здесь? И что, собственно, случилось? Почему с Веллзом?.. Вот Гарри, трус и слюнтяй, Уоррен, ничемный из капитанов, но он владелец ракеты. Он стоял рядом с Веллзом, с честнягой Веллзом, храбрецом, которого каждый хотел бы видеть на капитанском месте. Может, потому все и ждали, что это был Веллз, а не кто другой? Где он теперь, что с ним?..

В каждом теплилась надежда, что Веллз не погиб. Если бы это была гибель, она была бы для всех. Надо ждать. Веллз должен прийти. Еще час, полчаса...

Других охватывала беспричинная злость. Унылая равнина, город, в котором нет ни души, ассоциировались с бесплодностью поисков, рысканий в космосе. И на других планетах были пустыни и пыль. Но не было городов с красивыми зданиями. Не было надежд на удачу. А здесь... Все говорило, что здесь богатства должны быть несметными. Города, картинные галереи. Кто-то любовался ими, захлебывался в роскоши. Почему не оставили после себя ничего? Где владельцы?.. И это исчезновение Веллза. Отличный парень Томас. Надо его подождать. На этом сходились все. Подождем час.

И Веллз пришел.

Солнце уже коснулось линии зданий. Косая тень легла от домов, оставив узкую полосу света — дорожку на восточной стороне улицы. По этой освещенной дорожке и шел к ним Веллз.

Из ракеты кубарем катились по трапу вниз. Те, кто ожидал на земле, смотрели в сторону Веллза. Он шел торопливо, не оглядываясь по сторонам, и нес в руке камень.

— Какого черта... — спрашивали внизу, у трапа. — Зачем ему камень?

— Зачем?.. — повторяли в недоумении.

Веллз вышел из улицы. Всем хотелось поскорее увидеть его лицо. Но лицо его было обыкновенным. Тогда опять стали смотреть на камень. Камень тоже был обыкновенным.

— Какого дьявола?.. — опять спросили в толпе, не переставая следить за каждым движением Веллза. В наушниках не было слышно дыхания, тишина стояла такая, что, если б не город, каждый подумал бы, что

он один во всем мире. Он и Веллз. Веллз идет к нему, и непонятно, Веллз это или кто другой. У каждого захватило дыхание и, кажется, кровь потекла в жилах медленнее.

Веллз подошел вплотную и сказал, каждый запомнил его слова, будто они исходили не от Веллза, а от судьбы по особо важным делам:

— Ребята, надо убираться отсюда немедленно. Нам дано пятнадцать минут. Если не упорхнем к этому сроку, с нами случится вот что.

Он бросил камень — так же, как бросил бы окурок от сигареты, — чуть в сторону от себя. Не успев коснуться земли, камень вспыхнул беззвучным взрывом. Упругая волна воздуха качнула команду. Веллза тоже качнуло.

— Пятнадцать минут, — повторил он, — четырнадцать... — поправился, взглянув на часы.

Железный трап загудел под топотом каблуков.

— Ну вот, — сказал Веллз, когда диск планеты поплыл к кормовым иллюминаторам. — Теперь я расскажу, что случилось.

Вокруг него сгрудился весь экипаж ракеты. Были здесь молодые лица и пожилые, с черными, карими и голубыми глазами. Не было только ухмылок и скептически поднятых губ. Веллза хорошо знали и прежде, он не тратил слов попусту. С момента возвращения к нему пригладелись. Это был прежний Веллз — ни одна морщинка на его лице не изменилась.

— Не знаю, что меня тянуло вперед, — начал он. — Я слышал, как вы кричали мне вслед, но не мог повернуть головы, ответить. Подо мной была твердая почва. Когда я начал погружаться в нее, я видел каждый камешек, песчинку, хотя ног своих я не видел. Потом

наступила тьма. Сколько это тянулось, не знаю, может, минуту, может быть, час. Но вот надо мной открылся колодец, шахта. Я стоял на дне шахты. Вверху и подо мной лежала тьма, только какое-то пространство в ней было светлым. Представьте язычок пламени в полном мраке, — вот в каком положении я очутился. Но что удивительнее всего, я видел свою тень, еще более черную, чем окружающая меня тьма. Как будто свет на меня падал сзади и сверху и тень лежала передо мной до жути черная, осязаемая, точно бархат. Вы знаете, я не робкий, но этой тени я испугался...

Слушатели молчали. Они знали выдержку Веллза: на Икарии он выкрошил аннигилятором зубы гигантского мегатерия и выбрался живым из чудовищной пасти. Если теперь он испугался собственной тени, значит было чего пугаться.

— Вот я и говорю, — продолжал Веллз, — эта тень довела меня до дрожи в ногах. Я бы, наверно, заорал благим матом, если бы вдруг не почувствовал, что я не один. Кто-то был рядом, следил за мной. Скорее машинально, чем подумав, кто это может быть, я спросил: «Кто здесь?» В ответ я услышал вздох. Но вздохнул не один человек, а несколько, — прежде чем мне ответят, я уже понял, что рядом люди. Мертвая планета оказалась вовсе не мертвой.

И тут я услышал:

— Мы знаем, кто вы и зачем пришли. Но нам хочется знать, почему вы такие. Как случилось, что при такой психологии вы овладели фотонной техникой, аннигиляцией? Расскажите нам о себе, о своей планете.

Голос был совсем рядом, говорили на нашем языке. Я даже подумал, что мне все это снится, что я заснул в каюте и кто-то дурачится по радио, выключив

свет, а дыхание, которое я слышал, доносится из динамика.

Но тень шевельнулась у меня под ногами — я поднял голову, — напомнила мне, что все происходит явно и надо отвечать на заданный мне вопрос. Однако что за манера — начинать разговор таким образом? Видят меня или нет? Если видят, то почему сами невидимы? Может, я в какой-нибудь капсуле, паук, брошенный в банку?.. Кто меня спрашивал? Голос был женский или детский — на высоких тонах... Все это проносилось в голове у меня, как листья, сорванные ветром с деревьев. Было что-то странное в самом вопросе — почему мы такие, — это слово особенно подчеркивалось в произношении. Оно было главным в заданном мне вопросе и звучало как обвинение. Винить нас было за что — спору нет. Но пусть бы сказали прямо, что мы негодяи, а то ведь спрашивали почему, — забирались в корень вопроса, в историю. Я в истории не силен — все мы тут недоучки. Но мой дед, член Коллегии Знатоков, был докой в этом вопросе, и он мне кое-что рассказывал, когда я подавал надежды на большее, чем космический гангстер. Дед сразу пришел мне на память, с седой бородой и слезящимися глазами. Он был еретиком в нашей семье да и в Коллегии тоже. Под конец жизни его лишили званий и привилегий и даже следили за ним, не обращает ли он в ересь других. Когда он рассказывал свои сказки, он понижал голос до шепота, и я невольно прислушивался к его словам. На беду себе: когда я пытался кое-что повторить из дедовых сказок, отец бил меня по губам и шипел: «Тише. За это — знаешь, что?» А на деда он кричал в полный голос, называл его старой жабой и тунеядцем. Отцу было нелегко, он ничего не добился в жизни и злился на деда за то, что старик разжалован и лишен пособий, на которые рассчитывала наша семья. Мне было жаль

деда, я любил его рассказы, но все реже пытался повторять их, чтобы не ходить с пухлыми от отцовских предупреждений губами.

Теперь в темноте, слыша рядом дыхание спрашивавших, я вспоминал сказки деда. Кое-что в жизни мне приходилось слышать и от других: во многом дед оказался прав, но все равно это было как сказка, потому что одни из тех, кто встречался мне на пути, верили в это, другие начисто отрицали. И я решил рассказать историю так, как слышал ее от деда:

— Наш род начался на Земле...

У меня появилось желание выложить все начистоту. Может быть, этому способствовала темнота, окружавшая меня, нечем было развлечься; может, я чувствовал, что в правдивом рассказе будет мое спасение, — надо же было выбираться как-то из шахты. Но главное в том, что меня не убили, не лишили рассудка, со мной разговаривали, и я отвечал:

— Земля была доброй планетой, с ласковым солнцем и синими океанами. Жили на Земле так же, как и у нас: были бедные, были богатые. Потом бедные поднялись против богатых, чтобы отобрать их имущество и поделить между всеми. Борьба была долгой, кровавой и закончилась в середине двадцать первого века победой восставших. Но побежденные богачи сумели завладеть космическими ракетами и покинули Землю. Они долго блуждали в пространстве, пока не нашли планету, на которой мы сейчас живем. Планету называли Спасителем.

— Спаслись... — сказал голос из темноты, — мне показалось, с усмешкой.

— Спаслись, — ответил я неохотно, потому что меня перебили.

— И много с тех пор прошло, как ваши предки нашли... Спасителя?

— Четыреста лет...

— А дальше что? — спросил голос.

— Так и живем на Спасителе, — сказал я. Слово, наверное, им не понравилось. Ну а мне не нравился их допрос, — что им от меня нужно?

— Как живете? — опять спросили меня.

— По-всякому, — сказал я. — Одни владеют богатством, другие, вроде нас на ракете, ищут добычу в космосе. Кому не удалось ни то ни другое, служат богатым.

В темноте долго молчали, потом спросили:

— А как же Земля?..

— О Земле у нас говорить не принято. Может быть, кто-нибудь из Первых знает о ней. Остальные забыли.

— Забыли?..

— Никто не знает ее координат.

— А если бы знали вы?.. — задали из темноты мне вопрос.

Я пожал плечами — вопросы мне надоели. Но они молчали, ждали ответа. Я сказал:

— Покажитесь.

— Зачем? — спросили меня.

— Поговорим на равных, — сказал я. — Вы меня видите, я вас нет.

Опять что-то вроде смеха прошелестело во тьме. Это меня укололо: я почувствовал себя котенком, игрой с которым забавляются взрослые.

— Покажитесь! — повторил я.

Тьма мгновенно исчезла. Передо мной был квадратный зал, один из тех бесчисленных залов, украшенных статуями, картинами, которые мы видели во всех городах. Полный блеска и воздуха, он казался от пола до потолка наполненным влагой, будто его залила огром-

ная капля росы. Посередине зала, ярдах в двух от меня, стоял узкий и длинный — почти через весь зал стол. За столом, напротив меня, были трое. Они были очень молоды, юноша и две девушки, почти девочки. Они и вели со мной разговор. Признаюсь, я смутился. Я ожидал увидеть Знатоков, в скуфьях и мантиях, а они были совсем ребята и красивы как боги. Я спросил их:

— Откуда вы здесь?

— Мы часовые, — ответил юноша.

— Не понимаю, — признался я.

— Охраняем планету, — пояснил он.

— От кого? — спросил я.

— От вас.

— От нас?..

— От вашей... команды.

Я подумал о его такте и вежливости. И умении вести разговор.

— Почему вы ее охраняете?

— Потому что она музей.

Я был сбит с толку: вот уж музей! Спросил:

— Мертвые города?..

— Это они для вас мертвые.

— Что вы хотите этим сказать?

— Посмотрите...

Они показали мне город. Исчезла стена, открылась равнина, и на равнине — город. Я узнал этот город по огромному куполу над внутренним холлом белого здания — художественной галереей. Мы еще удивлялись, что купол свинцовый, сколько металла убухано на обыкновенную крышу. Но теперь, когда город показывали ребята, купол был не свинцовый, а золотой. Я спросил:

— Почему золотой?

— Потому что он золотой и есть.

— Сейчас?..

— И сейчас.

Я не поверил. Когда мы нанесли визит городу, мы не нашли там ни блески золота.

— Мы видели купол свинцовым, — тупо повторил я.

Ребятишки улыбнулись и открыли внутренний вид галереи — ряд женских статуй, которые мы видели. Гарри посылал им тогда воздушные поцелуи... Теперь статуи выглядели иначе: на запястьях вместо свинцовых блестели золотые браслеты, в брошках и клипсах сверкали тысячи бриллиантов.

— Не может быть, — сказал я, — там свинец и графит!

— Для вас свинец и графит...

— Почему? — спросил я в упор.

Юноша, который до сих пор стоял за столом, сел на невидимую для меня скамью, — девочки сидели обе от него по левую руку.

— Видите ли, — сказал он, — это связано с историей нашей планеты.

Откровенно сказать, при виде этих молокососов я совсем осмелел. Если они разговаривают со мной и ничего мне не сделали, то они ничего не посмеют сделать. В конце концов у нас в трюме четыре аннигилитные бомбы, они разнесут старушку планету в клочки. Я стоял, думал об этом, а мальчишка сидел напротив меня и, глядя в глаза мне, хмурился. Вдруг он спросил:

— Вы уверены в своих бомбах?

Меня словно пырнули ножом.

— О чем... вы? — спросил я.

Девчонки хихикнули — вежливо так, противненько, а парень, словно и не спрашивал о бомбах, сказал:

— Эта планета называется Ольмия. Наша цивилизация зародилась и развилась здесь миллион лет тому назад. Но постепенно истощились естественные богат-

ства, воздух становился все разреженнее, солнце тускло. Мы нашли другие миры и переселились туда. Но мы по-прежнему любим Ольмию. Здесь наша история, культура и психотехника.

Заметив, что у меня дрогнул желвак, — в самом деле, я не понял, что он понимал под психотехникой, — парень сказал:

— Вы видели графит вместо алмазов. Это потому, что каждая наша вещь чувствует, какими глазами на нее смотрят. И... оберегает себя, защищается.

Мне было не по себе, девчонки глядели на меня, как на морского ежа. И в то же время в глазах их вспыхивали смешливые огоньки. Словом, нас на планете схватили за руку, с поличным, а меня притянули к ответу. И еще потешались над мной, как над дурачком. Я-то им про Спасителя от души, а они мне — хахоньки. Выходит, богатства были у нас в руках и ушли, как вода сквозь пальцы.

— Не верю... — буркнул я, хотя отлично верил тому, что было мне сказано. Другие, пожалуй, после «не верю» не стали бы со мной разговаривать, а эти — все-таки они были детьми — постарались уверить меня.

— Видите это кольцо? — спросила девушка, сняла с пальца золотое кольцо с двумя цветными камнями. — Нате...

Я, как дурак, протянул руку. Кольцо тотчас посереело, а камни превратились в черные угольки. Девчоночка засмеялась, а я понял, что мне пора ретироваться.

Но это от меня не зависело. Парнишка глядел мне в лицо и вдруг спросил откровенно:

— Нравится вам такая жизнь?

— Какая там... жизнь, — махнул я рукой, вспомнив, как мы шатаемся по вселенной: где бы что сцапать, выбиться в люди.

Мальчишка вздохнул, девицы посерьезнели.

— Чем вам помочь? — спросил он, опять до чрезвычайности откровенно. — Может быть, знаниями?..

И тут я совершил самую большую оплошность за свои сорок пять лет. Не оплошность — я оставался самим собой: притворяться при них было нельзя. Я подумал — не сказал, только подумал: а нельзя ли будет их знания как-то продать?..

И на этом все кончилось. Парнишка отшатнулся от меня, точно его ударили.

Как мне пришла эта дурацкая мысль? Мог же я выслушать мальчика до конца!.. Кто это сказал: «Рожденный ползать — летать не может»? Дед мне сказал эти слова. Так и случилось: если рожден негодяем, и мысли в голове негодяйские. Что я мог продать? Какие знания мог продать? Кому они нужны?.. Но мысль в голове прошла, мальчишка понял ее. Сразу нас разделила пропасть. Даже глаза у парня похолодели.

— Сейчас вы пойдете к своим, — сказал он. — Мы дадим вам ровно пятнадцать минут, чтобы вы стартовали с Ольмии. Ни секунды больше... Когда вы появитесь на улице города, поднимите любой, какой увидите, камень. Подойдете к ракете — вас будут спрашивать, где вы были. Бросьте камень на землю, и все увидят, что случится, если вы не уложите в четверть часа.

Он на секунду остановился и честно предупредил:

— Не позволяйте себе ничего лишнего...

Парень сделал для меня больше. Он показал мне ракету, как она стоит в конце улицы. Команду — кого в каюту, кого внизу, у трапа. Он показал мне, кто о чем думает. Вы, капитан, думали в этот миг, что меня, наверное, нет в живых, надо плюнуть на все, стартовать. Гарри думал, что, потеряв два года в полете, он придет домой к Битти с пустыми руками, а Битти заплачет — Роберту шестой год, останется он неученым, не выбьется в люди.

После этого паренек встал, подождал, не спрошу ли я чего-нибудь. Спрашивать мне было нечего. Тьма со-
мкнулась вокруг меня, и сразу же я оказался на улице.

Взял камень, как мне советовали, и пришел к вам.

— Да-а... — протянул кто-то, когда Веллз кончил рассказывать. — Все-таки стоило их шарахнуть парой аннигилиток.

Веллз ждал, что скажут другие. Другие молчали.

Было неясно, думают ли они так же или вовсе не думают ни о чем. Чтобы не оставлять неясной свою позицию в этом вопросе, Веллз решил высказать соображение — он, как все, имел право беспрепятственно высказаться.

— Насчет аннигилиток я не уверен, — сказал он. — Мы не успели бы нажать гашетку, как превратились бы в пыль.

— Ч-черт! — Гарри с чувством ударил кулаком по столу. — Какие возможности!.. Что стоило им бросить нам хотя бы горстку алмазов?

Опять все промолчали, и опять за всех высказался Томас Веллз. Необычно прозвучали его слова, даже грустно.

— Ничего не попишешь, ребята, — сказал он, — есть миры, в которые надо входить с чистой совестью.

Поднял взгляд и посмотрел на добытчиков:

— А кто из нас видел, с чем ее едят, эту штуку, — совесть?..

МАША

— Борис! Да проснись ты, слышишь?

Спальный мешок заерзал на пихтовой подстилке, растянулся, как гигантский кокон.

— Ни одной собаки! — Тряс Василий товарища. — Все исчезли...

Кокон опять зашевелился, показалась голова Бориса, заспанные глаза-щелочки.

— А мне снилось... море, — сказал он. — Такое синее...

— Ни одной!.. — Волновался Василий. — Как ветром унесло!

— Куда? — спросил Борис.

— Знал бы — не спрашивал!..

Борис сел, извлек откуда-то шапку, нахлобучил на голову: мороз — двадцатиградусный.

— Сбежали? — спросил он, безразлично пожевывая. — А море, ух, синее! — Потянулся так, что затрещали суставы.

Василий выругался с досады:

— Ты придешь в себя или нет?

Утро разгоралось в туманах. Розовый свет ложился на гладь заснеженной реки, трогал дальние вершины холмов и терялся над горизонтом в пучине уходящей ночи. Река поворачивала к северу, круглилась излучиной, раздвигала тайгу. Все было чистым, белым; странно чернели на белизне двое нарт, пепел костра. И кругом — ни звука.

Это действовало на Бориса больше, чем слова и толчки Василия. Вскочив на ноги, он закричал:

— Рустан, Рустан! Салка!

Крик понесся над рекой, слабо отдался от обрывов берега.

— Куда же они девались?.. — Борис оглядывался по сторонам.

Отпечатки собачьих лап, покружив у костра, устремлялись к берегу, к излучине. Борис и Василий бросились по следу.

Это была неплохая разминка, вроде зарядки. И мороз подхлестывал подходяще. Но главное — почему и как далеко ушли собаки?

Запыхавшись, друзья обогнули мыс, круто вдавшийся в реку, и остановились. Стая была здесь.

Накануне вечером Борис и Василий взорвали на берегу сползший откос. Тут же хотели остаться на ночь,

чтобы с утра приступить к пробам, но глыба нависла так угрожающе, что друзья сочли за благо удалиться и найти для ночлега более удобное место. И сделали правильно: глыба отвалилась и на высоте четырех-пяти метров открыла узкую щель. Собаки ныряли в щель и появлялись оттуда с добычей. Здесь же, между камней, пожирали куски. Увидя Бориса и Василия, подхалимски завертели хвостами: мы-де никуда не бежали, все здесь и, в общем, не плохо позавтракали.

— Рустан! Салка! — позвал Борис. — Ко мне!

Вожаки отделились, пошли; за ними потянулись другие, залиывая окровавленные пасти.

— Что вы нашли? Какую мерзость? — с отвращением спрашивал Борис.

Сытые звери повизгивали, чувствуя, что в голосе людей нет угрозы, делали попытки потереться мордами об унты Бориса и Василия.

Те отступили: собачьи пасти были в крови до самых глаз, облеплены бурой шерстью; кругом валялись куски кожи, спутанные мотки желтой, с чернотой, гривы.

Одолевая брезгливость, Василий нагнулся над изгрызенным куском:

— Борис!..

Тот осматривал клочок кожи, и, когда поднял глаза, в них было удивление и вопрос:

— Не пойму.

— Это непостижимо, Борис. Мамонт!..

Оба, как по команде, подняли взгляд к зияющей щели. Остроухая лайка пробиралась туда, воровато оглядываясь.

— Румка! — заорал Борис. — Куш!

Собака повернула прочь, остальные шарахнулись от людей в стороны.

Пока Борис отгонял собак, Василий карабкался по

камням к отверстию. Товарищ догнал его у самой дыры, и то, что предстало взорам друзей, потрясло обоих до оторопи.

В черной пустоте вырисовывался бок громадного животного. Бурая шерсть висела клочьями, как омертвевшая кедровая хвоя. Часть кожи и мяса была сгрызена, виднелось обглоданное ребро... В глубине угадывались очертания еще большего зверя. Но внимание друзей было приковано к ране: из нее — невероятно! — крупными, как горошины, каплями сочилась густая кровь!

— Ехать надо сейчас же, — говорит Борис, стряхивая с одежды снег. — Немедленно!

Побывав в пещере, они еще не могли прийти в себя. Перед глазами — полутьма, и в ней, как гора, зверь, привалившийся боком к скале, с опущенным хоботом и закрытыми глазами. Это кажется, что он прислонился к скале, — ребята все осмотрели. Животное стоит, опершись на четыре ноги, толстых, как стволы двадцатилетних сосен, хобот развернут, глаза закрыты. Кажется, что животное дремлет, может вдруг свернуть и развернуть хобот. Туша не тронута. Первому, попавшему собакам на завтрак, не повезло: мясо и шкура на левом боку у него содраны. Второй исполн — как живой, подойти к нему жутко. Мертвый? Замороженный... Под пальцами ощущалась грубость и в то же время эластичность кожи, холодной, как лед, но не мерзлой, — она подавалась под пальцами, хотя, прикасаясь, каждый чувствовал мурашки, бежавшие по спине... И не потому, что в пещере холодно. Гораздо теплей, чем снаружи: воздух, проникая сквозь отверстие, оседал на полу легким прозрачным снежком.

Прежде всего надо было закрыть дыру. Животное

сохранилось в постоянной температуре. Отверстие заделали парусиной, завалили снегом.

— Случай необычайный! — Василий согласен с Борисом. — Надо ехать немедленно.

— До Среднеколымска пять дней пути. Возьми обе упряжки, езжай, Вася, поднимай всех!

Завтрак друзья завершают молча, каждый обдумывает свое.

Так же молча запрягают в нарты упряжки — одну за другой. Нарты Василий берет одни. Грузит корм для собак, продукты — ничего лишнего, — и через минуту видна лишь черная точка в вихревом снежном облаке.

Борис садится к костру. Находка действительно необычна. Встречались кости, бивни, останки с шерстью и кожей. Но такой удачи не знал никто. Если б не собаки. — два целых, так бы и сказал — живых мамонта! Это странное ощущение, что они живые, овладело Борисом с первого взгляда, когда он увидел капли черной крови: животное в спячке, в анабиозе!

Память услужливо развертывает все, что Борис читал об анабиозе: биологические процессы замедленны. Отсутствуют внешние признаки жизни. Наблюдается при вмерзании в лед небольших организмов — инфузорий, насекомых. П. И. Бахметьев открыл закономерность анабиоза, когда нет полного промерзания организма и тканевые жидкости остаются при низких температурах в переохлажденном, но жидком состоянии. Здесь то же самое! Борис вспоминает мамонтов, чувствует, как от волнения подкатывает к горлу комок. «То же самое!..» — повторяет он. И смеется сам над собой: там инфузории, здесь гора, зверь! Куда ни заведет фантазия!..

И все-таки не фантазия! Он сам чувствовал, видел: живые!..

Порыв погас в душе так же быстро, как и возник:

сколько могли быть во льду в лабораторных условиях несчастные инфузории? Неделю, месяц? А тут — пятьдесят тысяч лет! Можно ли сравнивать?..

Можно или нельзя, а перед глазами опущенный хобот зверя, закрытые глаза — спит!

Борис был человеком, в котором тесно переплелись мечта и практика, фантазия и дело. С детства он рвался в Арктику, к полярным сияниям, к подвигам. Окончив геологический факультет, уехал с товарищами на Омолон, приток Колымы. Правда, не все оказалось здесь подвигом, было много простой черной работы, но и немало романтики в этих просторах, снегах. А главное — люди! Какие сердца, характеры!.. Повстречался с Василием. Они сразу нашли друг друга. Василий тоже романтик, но другого склада: трезвый, умеющий рассчитывать наперед, он удивительно гармонировал с порывистым фантазером Борисом, умел остановить товарища вовремя, умел и поставить настоящую увлекательную задачу.

То, что они пустились в зимний рейс, — мысль Василия. Лето на Колыме коротко. Со своей группой они прошли немало. Но сделать обоим хотелось больше. Вот почему, испестрив карту значками, которые скрывали тысячи неожиданных возможностей, они решили вернуться к этим местам зимой. Выход лантанидов на Колыме, на который они наткнулись осенью, перед самыми снегопадами, взволновал друзей богатством редкоземельных элементов — именно тем, в поисках чего они рыскали по тайге и тундре все лето. И тут открытие под зиму!.. С большим трудом удалось договориться об экспедиции с начальством георазведки, и в этом заслуга Василия. Борис отбирал оборудование. До хрипоты спорил с Гариным, заместителем начальника базы: «Оборудование нужно самое лучшее, Павел Андреевич! Церий, рубидий — с плохими приборами они ускользнут, как во-

да между пальцами!..» Гаранин, мужик скуповатый, но грамотный, приборы давал. «Пиши расписку», — требовал за особенно ценные, с деталями из платины и иридия. Борис писал, заверял, что ничего не испортит. «Рацию дам через десять дней, — обещал Гаранин, — аккумуляторы на зарядке». Но кто согласится ждать, если начальство в любой момент может раздумать и отменить экспедицию?.. Соголасовав маршрут и надавав обещаний, что в сторону не отойдут ни на шаг, — «В случае чего, где вас искать?..» — вполне резонно ставили им вопрос, — Борис и Василий вырвались из-под опеки начальства.

Это был хороший поход: костры, охота, дневник... Надежды друзей оправдались: они открыли торит... Мало ли еще что открыли? А сейчас за спиной целый окоченевший мамонт. Его надо только оживить. На миг Борис останавливается, будто споткнувшись на слове: «Оживить? Он сказал — оживить?» Что-то в этом слове еще за пределами мысли, но Борис поражен как громом:

— Оживить!..

Опыты на рыбах, летучих мышах показывали возможность оживления! Даже когда было поверхностное обмерзание. Борис вспоминает эластичную кожу мамонтов, холодную, как лед, но не лед! Хочется еще потрогать ее.

— Как оживить? — Борис ударяет кулаком по ладони. — Как?..

Он хоть сейчас готов оживить. Только бы знать, как это сделать.

Ночь наползает неторопливо. Поднялась луна, огромная, оловянная... Мороз, холода жмут нещадно. Борис подбрасывает в огонь сучья, пламя взмывает

выше, пляшет, волнуется. Это помогает думать. О том же — как оживить мамонта.

В тишине слышатся отчетливые шаги. Борис поднимает голову: кто сейчас может быть? Пешком?.. Может быть, это кажется?.. За костром темнота и ночь. И луна — лишняя, как пуговица, пришитая к небосводу.

Шаги слышатся явственнее. Тишина такая, что не поймешь, близко шаги или за километр от костра. Кто это может быть?.. Кругом ни жилья, ни человека. Шаги — уже вот они.

— Кто идет? — спрашивает Борис.

Слышно натруженное дыхание человека. Борис вскакивает и почти сталкивается с Василием.

— Борис... — тяжело опускается тот у огня.

Без рукавиц, обледенелый по шею, Василий кажется призраком.

— Там... полынья, — говорит он. — Влетели с разбегу. И сразу — под лед: собаки, нарты. Сам тоже. Если бы не вмерзшее корневище...

Василий с отчаянием смотрит в лицо Бориса.

— Двести километров пути, — говорит он. — Без ружья, без спичек...

— Ладно! — Борис понял товарища. Достает спальный мешок, белье. — Не пропадем...

Помогает Василию раздеться, трет ему посиневшие ноги. О подробностях не спрашивает — не надо. Потом они сидят у костра, Василий пьет чай. Борис охотно поделился бы с другом мыслями о мамонтах, о том, что они живы. Но Василию нужен покой.

Ложатся молча. Василий засыпает сразу. Борис думает, каким сложным и трудным будет завтрашний день. «Оживить мамонта...» И тот же злой вопрос: «Как?..» Борис долго возится, не в силах уснуть. Перед глазами — пещера, собаки, синее крымское море. «Почему море, — думает Борис, — когда кругом мамонты,

мамонты... Один, — считает он, — другой, третий...», — пока сон не овладевает им.

Разговор между друзьями происходит утром, за завтраком.

— Пешком по апрельскому снегу, — говорит Борис, — десять-двенадцать дней. Наступит весна — мамонта не убережешь...

Василий кивает: не убережешь.

— Рисковать мы не вправе, — Борис решительно поднимает глаза, — мамонта надо оживить.

Василий не доносит кружку до рта. Что он, Борис, сошел с ума? Оживить мамонта?..

Но взгляд Бориса тверд, слово продумано. И первое, что срывается с губ Василия, — тот же вопрос:

— Как?..

Борис горячо излагает теорию анабиоза. Животное, несомненно, в анабиозе, его надо разбудить, вернуть к жизни!

Василий раскрывает рот спросить, как это сделать, но Борис останавливает его:

— Медленным прогреванием тела, каждой клетки...

— Прогреванием?.. — спрашивает Василий. Мысль Бориса ему понятна. Но ведь это абсурд! И не абсурд... Какое-то время Василий борется сам с собой. Конечно, абсурд!

Борис смотрит ему в глаза, ждет ответа.

«А может, и не абсурд, — думает Василий. Он уже увлечен энтузиазмом Бориса. — Но как это сделать?.. Проклятый вопрос, вокруг которого вертишься, как волчок. Конечно же, прогреванием!» Василий испытывает чувство, которое охватило накануне Бориса: есть слово, но содержание слова еще за пределами мышления. «Однако...» — Василий старается взять себя в руки. Но первое, что приходит ему на ум, — возражения.

— Костром пещеру мы не прогреем, — говорит

он. — Солнца на Колыме недостаточно. Высокочастотным током? Нужны заводские условия...

Борис по-прежнему смотрит ему в глаза.

Василий перестает возражать, хотя мог притянуть еще тысячу возражений. Он видит спокойную позу животного, мирно опущенный хобот.

— Что у нас есть? — спрашивает он.

Борис облегченно вздыхает: Василий принял его мечту.

Василий действительно принял. Наконец слово начинает обрывать плотью, оно не просто звук. Оно требует найти решение, и Василий ищет решение. У них почти ничего нет, чтобы осуществить замысел.

— Что у нас есть? — повторяет Василий. — Снег, вода, камень, ветер?.. Впрочем, — делает резкий жест. — Есть лед. Вода и лед!..

В душе у него до сих пор стоит ужас вчерашнего купания, как он цеплялся застывшими руками за ледяную кромку, но в голове — другое.

— Электричество будет! — говорит он. — На днях, перед отъездом я читал об опытах бразильского ученого Рибейро или Ривейро, — вода и лед могут работать как термопара.

— Василий!..

— Как термопара! — подтверждает Василий. — Ток образуется при затвердевании — или при расплавлении, безразлично! — лишь бы одна фаза вещества была твердая! Термодиэлектрический эффект! Нужны электроды в постоянный процесс замерзания. Ток будет!

Опыт они поставили тотчас.

Пока Василий разорял один из приборов, извлекая платиновые пластины, Борис делал прорубь, стараясь не вспоминать о расписках, оставленных на базе Гаранину. Семь бед — один ответ, думал он, орудуя ломом. Мамонт дороже приборов...

Вода в проруби подернулась ледком. Это и нужно было. Одну пластину опустили в воду, другую положили на лед, подключили вольтметр. Стрелка прыгнула вправо: пятьдесят три вольт!

— Васька!.. — Борис обнял друга с таким жаром, что тот едва устоял на ногах.

План был прост. Не потому, что авторы его отличались гениальностью, а потому, что в их распоряжении были простые средства: два электрода и моток кабеля, к счастью, вольфрамированного в тончайшей теплопропускаемой изоляции. Расплести кабель и завить нити в спираль — чисто техническая работа, занимался ею Борис. Василий мастерил многопластинчатый щит, каждая долька которого соберет и направит ток в нагревательную спираль. «Термодиэлектрический эффект, — черт, пока выговоришь на морозе... — ворчал он. — В нем-то и штука! При замерзании воды на границе между твердой и жидкой фазами возникает разность потенциалов. Здорово подметил этот... Рибейро! И название придумал — термодиэлектрический».

Нелегко было обвить спиралью громадного зверя от конца хобота до пят. Но и с этим справились в два дня.

Мамонт возвышался горбатой горою, тускло отсвечивал металлом, — самое удивительное сооружение, представшее человеку, фантазия наяву! Борис ходил довольный: затея ему по вкусу.

— Начнем? — обратился к Василию.

— Шилом море греть?.. — не удержался тот от улыбки.

— Не будь скептиком! В наш век делают не такое! — Борис опустил щит в воду.

Ток пошел.

— Теперь — ждать, — удовлетворенно сказал Борис. — И не давать проруби замерзнуть.

Установили трехчасовые вахты. Днем и ночью на краю проруби маячил кто-нибудь из друзей, бултыхая в воде самодельной клюшкой; когда на конце клюшки намерзал ледяной ком, ее оттаивали у огня.

Система действовала безотказно, но результатов не было. Гора, завитая в проволоку, стояла недвижимо, и больше шансов было за то, что не сдвинется вовсе. Под проволокой ощущалось тепло, но результатов никаких.

— Ничего, — успокаивал Борис себя и Василия. — Гору за час не прогреешь.

На четвертый день бока животного увлажнились, вспотели. Это было принято за добрый признак, стали готовить выход из пещеры. В воздухе потеплело, на Колыму пришла весна.

Пористый известняк подавался легко. Сколотые глыбы употребляли на стену — замуровать поврежденного мамонта, сохранить его для исследования. Работа шла успешно, и, когда стена была готова, выстлали из камней от пещеры до берега покатым спуск.

К этому времени температура тела животного повысилась — тепло можно было ощутить рукой. Ребята ждали: что-то должно было случиться.

Утром на седьмой день, когда рассвело, увидели, что хобот животного подвернулся, будто сжатый в усилии. Друзья не спускали с мамонта глаз.

Часом позже, когда вставшее солнце заглянуло в пещеру, у животного дернулось веко. К полудню животное вздохнуло и открыло глаза.

Борис потянул Василия за руку. Тот стоял затаив дыхание. «Если сейчас не обрушится свод пещеры, не дрогнет земля, — думал Борис, — грош цена сказкам

Шехерезады и всем чудесам мира. Мамонт ожил! Ожил! Неужели Васька не видит?» Но Василий стоял рядом и не дышал от ожидания. Крик радости, готовый сорваться с губ Бориса, замер, так и не вырвавшись. «Умри! — сказал он себе. — Стой и жди!»

Животное не двигалось с места, лишь изредка с шумом засасывало воздух, будто кто вздувал и отпускал кузнечные мехи. Это был критический момент: зверь или выживет, или упадет замертво... Время шло, дыхание выравнивалось. Ток ребята не выключали.

За полдень животное шевельнуло хоботом, медленно свернуло его, распрямило. И вдруг повернуло голову к Василию и Борису.

Ребята стояли как загипнотизированные, не в силах опустить глаз, уклониться от страшного взгляда. Солнце заходило, в нише сгущались сумерки — от этого было еще тревожнее и страшнее. Зверь все глядел, и друзьям казалось, что взгляду не будет конца, а они так и останутся прикованными к полу. Но животное отвернулось и опять застыло как камень. Борис и Василий вышли из пещеры.

Обоим было не по себе. Раньше думали — какая радость, если зверь очнется, а теперь ни у кого не находилось слов. Борис разомкнул цепь.

В тот же миг они услышали звон: лопались провода, мамонт сделал шаг. Камни застонали под тяжестью зверя — громада двинулась к выходу. Методически поднимая и опуская ноги, прошла по откосу, приблизилась к проруби и опустила хобот в воду.

— Что теперь будем делать? — шепотом спросил Василий.

— А я почему знаю? — так же шепотом ответил Борис.

— Эта гора разнесет нас вдребезги.

Животное утоляло жажду, со свистом втягивая воду в хобот и отправляя струю в пасть. Проходили минуты, полчаса. Свистящие звуки не прекращались, будто у проруби работал насос.

— Обопьется, — тревожился Борис, — надо отпугнуть его от проруби!

— Попробуй... так отпугнет, — возразил Василий.

Жажда была велика, животное — это была самка — не могло оторваться от воды.

— Эй!.. — не выдержал Борис.

Животное повернуло голову от проруби, попятилось и... рухнуло на бок, на ветки, приготовленные для ковра.

Друзья подбежали в страхе, думая, что все кончено. Но бока животного ровно вздымались, из хобота вырывалось сопение. Животное уснуло. Борис и Василий тихонько натянули на гору парус: ночь все-таки холодная...

Наутро, задолго до рассвета, Борис взял топор и ушел в тайгу. Нарубив березовых прутьев с набухшими почками, — для мамонта, рассудил он, еда подходящая, повернул назад. Огибая мыс, услышал Василия, говорившего с кем-то вполголоса, повторявшего одно и то же слово. Борис удивился и осторожно выглянул из-за скалы.

Громадный зверь стоял на ногах и чуть шевелил хоботом; Василий — шагах в пяти от него — что-то протягивал исполину и ласково, скороговоркой лепетал: — Маша, Маша, Машуля, Маша!..

Мамонт двинул хоботом и тоже, видимо, вполголоса хрюкнул в сторону Василия, так, что тот присел на месте, — от неожиданности ли, от страха, Борис не понял. Предмет выпал у него из рук и рассыпался по снегу. «Пачка галет!» — улыбнулся Борис и взвалил прутья на плечи.

Подкрепление пришло вовремя. И моральное и материальное. Василий не ожидал такого звука от мамонта, а зверь, преспокойно сглотив галеты, глядел на него, словно просил еще. Борис бросил ему прутья, мамонт, осторожно выбирая по две-три веточки, стал закладывать их в пасть.

Тут только Василий пришел в себя окончательно и стал рассказывать, что произошло.

Он готовил завтрак, как вдруг услышал позади сопение. Обернувшись, обмер: гора двигалась на него. «Раздавит! — подумал Василий. — Расплющит, как котлету!..» Чтобы задержать зверя, швырнул ему первый предмет, попавшийся под руку, — алюминиевую тарелку. Тарелка шлепнулась дном кверху. Мамонт остановился, стал переворачивать ее, исследовать, что такое. Это дало Василию время опомниться. Он схватил пачку с галетами и попробовал заговорить с животным, которое, оставив тарелку, имело, видимо, желание познакомиться с ним поближе. Что из этого вышло, Борис видел и слышал.

— Значит, Маша?.. — спросил он, смеясь.

— А черт знает, как ее назвать!

— Так и будет, пусть Маша, — согласился Борис.

Животное было занято кормом, не обращало на людей внимания.

— Этого не хватит, — сказал Борис, — пойдем еще.

Ходили дважды, принесли гору ветвей. Маша ела так же деликатно — отправляла в пасть по две-три веточки.

Через несколько дней первобытный зверь и люди освоились друг с другом. Маша оказалась вполне приятной особой: отсутствие страшных бивней придавало ее физиономии добродушие, даже кротость, ма-

ленькие глазки посматривали насмешливо, с хитрецей. И хотя она любила галеты и мучные лепешки, выклянчивать, досаждать людям считала ниже своего достоинства.

Тысячелетняя спячка сказалась на ней странным образом: она будто забыла прошлое, а новое действительно открывала заново. Остались только главные побуждения: есть, пить и чувство стадности. Она тянулась к живому, а так как живыми были Борис и Василий — не отходила от них и от лагеря, тем более что друзья заботились о ней и она это чувствовала. Конечно, со временем в ней должно будет пробудиться прошлое, но сейчас это был добрейший зверь; подходить, правда, к ней страшно: четыре метра высоты, с двухметровым хоботом... Ребята старались тоже не докучать животному. Так между ними установилось дружеское взаимопонимание. Когда друзья шли в лес за кормом, Маша следовала за ними, обламывала ветки, питалась, но стоило повернуть к стоянке, возвращалась за ними, как тень.

Между тем командировка кончалась, ребятам надо было думать о возвращении.

— Вдруг не пойдет?.. — спрашивал Василий, показывая на Машу.

— Пойдет! — уверял Борис.

И Маша пошла.

Двигались медленно. Утром, в обед и вечером рубили ветки, кормили животное. Маша привыкла к уходу и ни за что не хотела переходить на подножный корм. На ветках показались листочки, Маша с наслаждением чавкала, лакомясь молодняком. При этом она заставляла уважать себя и свою солидность: ребята не могли тронуться, пока она полностью не насытится. Если пробовали идти, становилась в позу и начинала трубить с такой настойчивостью, что на ближайших деревьях

дрожала листва. А так как Маша ела по-прежнему с расстановкой, с чувством, отбирая прутик к прутику, то процесс насыщения затягивался на полдня.

Тогда решили перехитрить животное: днем не останавливались на обед, и Маша, привыкшая, что кормежка наступает на привалах, терпеливо шагала следом, сбывая на ходу ветки с деревьев.

Ребята шутили:

— Приспосабливайся! Кто не трудится, тот не ест!

На базу, в девяти километрах от Среднеколымска, пришли в конце мая, когда там уже проглядели в ожидании все глаза. В поселок сразу решили не идти. Остановились посоветоваться. Первым пойдет Василий — предупредить о наступающем чуде. Но стоило Василию отдалиться, как Маша стала призывно дудеть вслед: она привыкла видеть ребят вдвоем и не хотела, чтобы кто-то покидал ее. А может, чувствовала себя царицей, а ребят верными слугами и не хотела лишаться никого из них.

Пришлось прибегнуть к обману. Нарубили гору веток, и, пока она поедала их, Василий сбегал в поселок, предупредил, чтобы там не пугались: идет мамонт.

С Василием пришел Павел Андреевич Гаранин. Маша, увидя его, застыла от удивления, но, видимо, решив, что штат ее слуг увеличился и от этого хуже не будет, пошла за троими в поселок. Гаранин, чувствуя за спиной тяжелое сопение, поминутно оглядывался, семенил впереди ребят.

У околицы мамонта и людей встретили собаки, накинлись с лаем, держась, однако, на почтительном расстоянии. Но Маша, опустив хобот к земле, издала такой устрашающий трубный звук, что Шарики и Лайки разлетелись, как сухие листья, и больше подходить к мамонту не решались.

Надо ли говорить об удивлении, потрясшем ученый и неученый мир, когда стало известно, что на колымской геологической базе объявился живой мамонт? Шумиху подняла зарубежная пресса. «Не может быть!» — заявила парижская «Фигаро», перехватив каким-то образом радиосообщение из Якутска. «Еще один... «морской змей»...» — съехидничала в Лондоне «Таймс», набившая руку на разоблачении не сбывшихся в течение столетий чудес. «А вдруг?» — темпераментно спросили газеты в Риме.

Потом до колымской тайги докатилась первая партия любопытных: туристы, палеонтологи, газетчики, фотографы, художники, экскурсанты... Начались обмеры животного, охи, ахи. Поселок запрудила толпа, на площади, на огородах появились палатки. Люди в пестрых рубашках, в беретах, каких никогда не видали на Колыме, толкались на улицах, штурмовали продмаг, совались в контору, куда нужно и куда вовсе не нужно.

— Не мешайте работать! — взмолились геологи.

Ответом было одно: «Мамонт», — произносимое врасстяжку или в нос, со всеми, какие только мыслимы на Земле, акцентами.

— Товарищи, господа!.. — отбивалась комиссия ученых, созданная филиалом Сибирского отделения Академии наук.

— Мамонт!.. — твердили в один голос и господа и товарищи.

В центре поселка, на площади, наскоро сколотили изгородь. Сюда была поставлена виновница торжества. Толпа шумела за изгородью. К животному допускались только члены комиссии, фотографы, Борис и Василий. Маша относилась ко всему спокойно, когда рядом были Борис и Василий; лишь не видя их, начинала трево-

житься, звать и добивалась своего: друзья приходили, и спокойствие восстанавливалось.

Однако наплыву любопытствующих конца не было. Ковбойки, береты стали надоедать Маше, ребятам тоже.

— Так долго продолжаться не может, — сказал Василий. — Надо что-то придумать.

— Боюсь за Машу, — согласился Борис. — Она хуже ест, больше тревожится.

Друзья потребовали ограничить доступ к животному. Комиссия, которой зеваки осточертели до тошноты, согласилась с их просьбой. Туристский лагерь был выселен с площади на поляну, в тайгу, километра за полтора от базы. Установили для посетителей два дня в неделю — среду и воскресенье.

Борис и Василий делали все для своей любимицы: кормили, купали в жаркие дни из шланга. Водили ее в тайгу. Была опасность, что Маша уйдет, в ней пробудятся инстинкты, прошлое. Но ведь не все же держать ее в загородке!

Другие тоже к ней были ласковы, даже баловали животное, но никто так, как Борис и Василий, не чувствовал — хочется сказать — ее «душу»... Маша привязалась к ребятам, и они привязались к ней, понимали ее желания, беспокойство, каждую перемену в настроении. Радовались вместе с ней и тревожились.

И тосковать начали вместе с нею.

Если отбросить шумиху и удивление, с которым каждый подходил к ней, можно было заметить, как животное одиноко. Маша была как курган в степи: и солнце над ним, и ветер, а рядом все-таки никого. Тоска пробуждалась в животном, страх одиночества. Борис

и Василий чувствовали в ней перемену, еще не осознавали, что это, но перемена вызывала у них тревогу.

От поселка шла шоссейная дорога. Автомашины привлекали внимание Маши, она симпатизировала им, особенно грузовым, — считала их за безопасных зверей. Но однажды в поселок пришел с двумя мотками кабеля большегрузный «МАЗ». Его надрывное завывание — дорога была разбитая, «МАЗ» шел с пробуксовкой — чем-то обеспокоило животное. Маша подняла хобот, шерсть на загривке встала дыбом. Тут шофер, оставив машину возле крыльца правления, не выключил мотора, и «МАЗ», попыхивая дымом, ворчал, будто злясь, не желая успокоиться. Изгородь, за которой стояла Маша, находилась рядом с правлением, ветерок подхватывал дым, нес в сторону животного. Может, это и послужило причиной... Не успели ахнуть, как Маша ринулась к машине, — жерди забора треснули, как спички, — и через секунду «МАЗ» лежал в кювете вверх колесами. Мотор заглох, слышалось тяжелое дыхание зверя. — Маша! Маша! — звали Борис и Василий.

Животное обернулось, шатаясь, пошло к ним, роняя на траву капли крови — на боку алела ссадина.

Это было первое происшествие с мамонтом, оно взволновало ребят. Борис и Василий чувствовали, что они уже не могут сдерживать зверя.

Действительно, мир открывался перед животным заново. Но это был странный и непривычный мир, с новыми запахами и звуками, с животными, у которых по ночам, как солнце, горели глаза. Такие же глаза светились на угловатых, стоящих рядами глыбах, над которыми утром висели дымы; от этого становилось страшно, как будто кругом загорался лес. Это была другая страна, в которой жили двуногие существа, все одинаковые, как деревья в лесу. Все в стране одинаково: животные со светящимися глазами, снующие всегда по

одной тропе, голоса двуногих и шорохи их шагов, похожие на шум непрекращающегося дождя... Во сне эта страна исчезала. Кругом вставала тайга, удивительно близкая и понятная: лились прозрачные реки, светились солнцем равнины, и рядом, бок о бок, паслись знаковые великаны — Маша видела хоботы, загнутые клыки, ощущала привычный запах... Почему они приходят только во сне, куда деваются днем?.. Может быть, ищут ее?.. Просыпаясь, Маша прислушивалась и озиралась по сторонам. Ведь они только что были здесь!..

Все тревожнее становились сны. Вот она бежит сквозь тайгу, рядом никого нет: стадо отвернулось от нее, ушло. Нет даже запаха, нет следов... Маша переплывает реку. Они где-то там, за холмом. Но вместо холма она натывается на бревенчатый частокол... С тех пор как она опрокинула железного зверя, вокруг нее вкопали столбы. Маша боится их. Если бы это были деревья, Маша расшвыряла бы их, вырвала с корнем. Она бежит вдоль частокола, опять возвращается на то же самое место. А стадо, наверное, за холмом. Только она одна. Одна во всем свете...

Характер животного портился. Маша не стала терпеть толпу, пляску вокруг себя фотографов. Беспокойно внюхивалась в пряный июльский воздух, трубила по ночам, дрожала, порывалась в тайгу. Никто не знал, что с животным. А дело обстояло просто: Маша ждала и искала друга.

А тут на строительство пришли тридцатитонные самосвалы — громадные звероподобные машины. Что-то случилось с сигналами: отсырели в сибирском климате или уж так выпустили с завода, но каждая машина пела по-своему. Были басовитые, охрипшие, были звонкие, с визгом. Это беспокоило Машу, и ребята добились, чтобы ее перевести в более отдаленный лагерь — в тридцати километрах от Среднеколымска.

Вышли из поселка дождливым утром. В лесу было тихо, глухо; деревья в тумане казались непомерно высокими, роняли на землю крупные капли. Шерсть на животном отяжелела, висела клочьями, и жалко было смотреть на эту громаду, ожившую в чужом мире и чужую всем. Ребята шли молча, чувствуя глубокую душевную боль.

У реки остановились. Паром не работал. В верховьях прошел ливень с ураганом, сорванные деревья в одиночку и группами плыли по воде, их кружило, сталкивало, обламывало в водоворотах ветви.

Все трое стояли у площадки парома — зверь и два человека. Не знали, что делать. Смотрели на воду, слушали, как падают с деревьев капли. Паром сиротливо прижался к берегу, лишь канат, натянутый до предела, гудел, как басовая струна.

Вдруг над рекой пронесся далекий хриплый гудок. Это ревел самосвал. Какой-то глупый, наверное, молодой шофер вызывал паром, не понимая, что через такую воду паром не подадут.

Маша насторожилась.

Рев повторился, гулкий, страшный в тумане, будто прилетевший из неведомой страны. Маша ответила долгим, протяжным звуком, задрожала, глаза ее засверкали.

Снова с той стороны донесся рев, вибрирующий, низкий; ветер колыхнул муть тумана, гудок усилился. Маша вздыбила шерсть, ответила раздирающим фантастическим воем.

Видимо, забавляясь, шофер не прерывал гудка, тоскливый рев несся над рекой, заполняя лес, воздух, врвался в душу. Маша рванулась по берегу в одну сторону, в другую и вдруг с разбегу кинулась в кипящую водоворотами реку. Голос крови звал зверя.

Сигнал ревел беспрерывно. Шофер не видел, не знал

о трагедии, разыгравшейся здесь, на берегу. Из воды поднялась коричневая спина животного, одиноко взметнувшийся хобот — самка рвалась на призыв, не зная, что ревет железная машина. Спина показалась еще раз и скрылась в тумане.

— Маша! Маша!.. — метались в отчаянии Борис и Василий.

Река отвечала шумом и треском сталкивающихся деревьев.

Сыну Диме

СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

— Ну, пошел! — Второй пилот дружески толкнул Андрея в плечо. — Счастливо!

Андрей отнял руки от косяков двери и боком вывалился в пространство. Прыгать ему приходилось не первый раз. В аэроклубе у него насчитывалось шестнадцать прыжков. Но это в молодости, когда за спиной у тебя инструктор, а внизу поле с ромашками и улыбки друзей. Другое дело сейчас, когда тебе тридцать два, ты инженер-картограф и давно не выходишь за го-

род. У тебя кабинет на шестом этаже в областном центре, и каждый день ты по несколько раз поднимаешься и спускаешься в лифте. Трудно отнять руки от надежной двери. Но тебя хлопают по плечу — не дрейфы! И вот Андрей кувыркается в воздухе. Его кружит встречный поток, переворачивает, но, прежде чем дернуть за кольцо парашюта, Андрей самоотверженно считает до десяти. По инерции его все это время несет под брюхом самолета, хотя он уже и начал падение вниз.

А внизу тайга. И внизу болота. И где-то геологический отряд Чепелева, которому надо доставить новые карты.

С треском раскрылся над головой парашют. Андрей вздыхает: парашют — это хорошо, это всегда хорошо!

Рядом со свистом пронесся мешок — блеснул целлофаном, как дождевая капля. В мешке продукты, карты, смена белья, письма геологам Чепелева. Пилот сбросил мешок вслед за Андреем. Приятно с медленного полета под парашютом смотреть, как мешок таранит воздух и начинает закручиваться, входя в штопор. Андрей ждет, когда над мешком раскроется парашют. Шесть секунд — парашюта нет. Еще шесть секунд — парашюта нет. Мешок превращается в блестящую точку. Парашют не раскрылся. Мешок врезался в тайгу со скоростью пушечного ядра.

«Вот как!» — подумал Андрей, стараясь приметить место, куда угодил мешок. Яркая зелень: кустарник или... болото. Андрей более внимательно оглядел местность. С юга на север шел мелкосопочник, к западу лежало болото — синие и зеленые рукава, подернутые гусиной ряской, тянулись к сопкам, отделяя одну от другой. В этом было что-то, встревожившее Андрея. Не что-то — он ясно помнил, что в сто первом квад-

рате ни холмов, ни болот нет. В сто первом квадрате тайга. Болота начинались километров за сотню к югу...

Рассуждать было некогда, надо работать стропами, чтобы не окунуться в болото. Андрей потянул к себе несколько стропов. Маревый ветер подхватил парашют и понес его, точно парус. Миновав озерко внизу, Андрей отпустил стропы и плюхнулся на песок «на три точки».

— С прибытием! — сказал он, погасил парашют и отцепил его.

Надо было искать мешок. Эту задачу Андрей определил как поиск иголки в стогу сена. В какой стороне искать? Когда из-под парашюта Андрей видел мешок — блестящую точку — последний раз, точка была к западу от него, на одной линии с заходящим солнцем. В этой стороне его и надо искать. Пристроив парашют на спине в виде котомки, Андрей пошел по направлению к солнцу. Путь лежал через сопку. «С вершины, — подумал Андрей, — увижу, не зацепился ли мешок стропами за кустарник».

Мешка нигде не было. С запада к сопке подходила трясына, заплывшая зеленью ряски. Скорее всего мешок угодил в трясину, и ничем его оттуда не выудишь. Об этом страшно было подумать. Андрей обшаривал сопку до темноты. А когда понял, что ничего не найдет, сел на землю и обхватил голову руками.

— Поговорим спокойно, — сказал он себе. — Что у нас есть?

В карманах оказался коробок спичек — пустую пачку из-под сигарет Андрей бросил на аэродроме, — перочинный нож, кошелек с мелочью, пистолет с четырьмя зарядами и два носовых платка. На левой руке часы «Старт».

— Немного, — рассуждал вслух Андрей. Вслух го-

ворить было приятнее, голос заглушал тревогу, поднимавшуюся в душе. — Рассмотрим вещи по качеству.

Полезными были спички и пистолет. Кошелек можно было выбросить хоть сейчас. Нож, величиной с указательный палец, с одним лезвием, — лучше, чем ничего, и только. Платки Андрей сунул в карман поглубже, о них не может быть речи. Парашют можно приспособить под импровизированную палатку.

— Вот и все, — закончил Андрей учет имущества. — Робинзон... — попробовал он пошутить над собой. Шутки не получилось, скорее ирония с привкусом горечи.

Ирония тоже не подходила Андрею. Экспедиция кончалась провалом, карты, которые он должен доставить геологам, на дне трясины... А его собственная судьба?

Пока Андрей рассуждал о картах, о неудавшейся экспедиции, он рассуждал трезво, будто рассматривал события со стороны: потеря мешка, блуждание по склонам сопки происходило не с ним, а с кем-то другим. Теперь, осознав, что он один в тайге без компаса, без продуктов, Андрей почувствовал, что начинает терять самообладание. На тысячу километров вокруг тайга, он один в центре бесконечного царства. Стоило это осознать, как человеком овладел страх. Андрей вскочил на ноги: бежать — может быть, поблизости люди!..

Откуда здесь люди? Перед мысленным взором Андрея разостлалась карта, которую он готовил сам. На карте тайга и речка Сурмяная. Лагерь Чепелева в излучине речки. Никаких холмов и болот! Сопки начинаются в сто одиннадцатом квадрате. В сто первом, где должен был высадиться Андрей, — речка и лес!..

Что же делать? Андрей лихорадочно ищет выход. Он знает Сибирь, бывал в экспедициях. Без компаса можно прожить и без карты можно. Нельзя прожить без огня и без пищи. Спички у него есть. Есть пистолет и четы-

ре заряда. «С этим надо выжить, — решает Андрей, — с четырьмя патронами и с коробком спичек».

Машинально Андрей собирает хвою, обламывает сушняк. Спички он достает, когда убеждается, что горка топлива достаточно высока. Только тогда разжигает костер.

Как его могли выбросить в сто одиннадцатом квадрате? По ошибке? Из-за нечеткости записи? Сто один — сто одиннадцать... Небрежно написанный нуль посчитали за единицу? «Вот тебе и нуль...» — горько усмехается Андрей. И сам он: почему не рассмотрел в иллюминатор, что местность другая? Карта ему известна... Конечно, карта — одно, а местность — другое. А все-таки?.. Ответов на вопросы Андрей не находил. Его выбросили в сто одиннадцатом квадрате.

Утром Андрей еще раз обходит холм краем болота — может быть, попадется дичь. Шагает он осторожно, пригибаясь среди кустарника, чтобы никого не спугнуть. Но ему ничего не попадается, кроме ягод синевато-пепельной голубики. Голубика растет везде. Андрей выбирает созревшие ягоды, ест.

Как выбраться из болота?

«В тайге нет дорог, — рассуждает Андрей. — Нет предупредительных знаков: «Осторожно, впереди спуск!» Тайга — это бурелом, хляби. Тайга — это гнус, вьющийся над тобой, одиночество и опасность. Сломал в буреломе ногу — и ты погиб. В тайге, правда, можно идти куда хочешь. Но здесь нет даже этого: кругом болота. Только холмы один за другим тянутся к северу».

Андрей идет по холмам на север.

Отряд Чепелева вышел на поиски олова на равнину между Полярным Уралом и низовьем Оби. Чепелеву удалось обнаружить касситериты, но он со всей решительностью утверждает, что руды бедны и не представ-

ляют промышленного интереса. Чепелев просил другое или хотя бы параллельное основному заданию. В управлении учли его просьбу, разрешили переключить поиск на актиниды. Задача геологам понравилась, обещала успех. Двадцать два года тому назад здесь прошла группа В. Л. Собенко и скорее для будущего наметила месторождения. Чепелеву это облегчало работу. Срочно были подняты и отпечатаны карты похода Собенко — занимался этим отдел Андрея. Так же срочно надо было доставить карты Чепелеву. В летнюю распутицу доставить их можно было только на самолете. В тайге и среди болот аэродромов не было. Андрей имел практику по прыжкам с парашютом, заведомо поручил доставить карты ему.

Уже полдня Андрей идет от одной сопки к другой. Они, как горбы, поднимаются над болотом. Минуешь одну — из воды вырастает другая.

— Как бы не влезть в трясины, — говорит Андрей тихо, спустившись с очередного холма. — Ничего хитрого: нырнешь — и нет тебя. Горсточка пузырей, а потом все успокоится...

Забирает левее или в правую сторону, туда, где кажется суше. Прыгает, как козел, с кочки на кочку.

Конечно, его будут искать. Андрей представляет, как это произойдет. Чепелев поторопит управление, ему ответят, что человек с картами должен быть у него. Человек этот — Андрей Салтанов. Чепелев скажет, что Андрея нет. Последует вопрос: почему нет?.. Чепелев ответит, что он не знает. Тогда в управлении обеспокоятся и объявят поиск Салтанова. Но пройдет какое-то время, прежде чем разговор состоится: два дня, а может, четыре.

Несколько раз Андрей срывается с кочек в воду. Выбирается на сушу, обессиленный, нехотя срывает ягоды голубики. Еда явно не по труду.

Под вечер Андрей устраивает охоту. Делает он это по-звериному просто: залегает среди кустов и старается не шевелиться. В результате трехчасовой лежки, когда лицо и руки его опухают от укусов зверстующего гнуса, ему удается подстрелить селезня.

Андрей разводит костер, сушится и готовит мясо.

Утром оглядывает с вершины пятнистое — в бурых и в зеленых латках — болото. Ни души, ни дыма. «Скверно», — думает Андрей, но старается взять себя в руки. Где-то должна быть река. К ней надо выйти. Река — это поселки и люди. Опять Андрей скачет с кочки на кочку, наперегонки с голодом. Когда его начинает мутить от голубики, залегает в кусты. Но, видимо, слишком рано. Осторожная дичь смелеет к вечеру. Не меньше шести часов лежит Андрей в кустах. У него три заряда. Он ни разу не должен промахнуться. Мысль об этом ему и в голову не приходит. Когда стайка гусей опускается в двадцати шагах от него, Андрей тщательно выбирает цель — матерого гуся, стоящего к нему ближе всех. Нажимает на спусковой крючок. Выстрел хлопнул, как бич. Андрей даже не понял, что это выстрел. И гуси не поняли: вытянули шеи, завертели головами из стороны в сторону. Ни один не упал, не задержал крыльями. «Почему?..» — удивился Андрей. Гуси погалдели и успокоились. Случилось то, чего Андрей не предполагал: промазал! А гуси не улетают! Они все так же в двадцати шагах от него!.. Андрей несколько раз вздыхает, чтобы унять волнение. Нажимает на спуск. Не промахнулся! Птица бьется крыльями на песке. Прыжками Андрей мчится к добыче. Но гусь поднимается в воздух! Прямо из-под рук человека! Андрей чувствует на лице ветер от его крыльев. Подпрыгивает, стараясь ухватить птицу на лету. Не удалось!..

— Черт!.. — ругается Андрей, осматривая пистолет.

Единственный заряд остался в обойме.

В ночь пошел дождь. Андрей соорудил из парашюта палатку, просидел до рассвета. Утром дождь усилился, никакой охоты не могло быть: живность попряталась.

Голубика Андрею осточертела. За полдень в какой-то луже Андрей заметил мальков и выловил их четырнадцать штук. Съел сырыми. Это было все, что Андрей сумел добыть в этот день.

Опять пришла ночь. Опять Андрей кутался в парашют. О костре нечего было думать: кругом болото. Утро подобралось в тумане, серое, незаметное. Андрей побрел наугад. В воздухе проносились гуси и утки, но Андрей их не видел. Это был третий день без пищи, не считая вчерашних мальков. Голова у Андрея кружилась.

Если его искали, его не могли увидеть в тумане. Пожалуй, и не искали: в такую погоду вертолеты не поднимаются с аэродромов... Андрей продолжал идти, не видя, но чувствуя солнце по правую руку. Если чувство его обманывало, значит, он кружил возле сопки.

Больше всего Андрей желал крыши над головой. Холод проник ему внутрь и заставлял дрожать. Только бы крышу, мечтал Андрей, времянку, остяцкий чум...

И судьба над ним сжалилась. Андрей наткнулся на пещеру. Сначала увидел перед собой что-то черное, треугольник, маячивший впереди. Палатка?.. Но почему она черная? Оказалось, что это каменная гряда, а треугольник — расселина. Андрей шагнул в расселину и почувствовал, что здесь сухо. Это приободрило его: сухо — значит, он разведет костер. Андрей энергично трет ладонь о ладонь, сбрасывает с себя парашютный ранец.

Пещера небольшая. Андрей оглядывает ее, ни на чем

не останавливаясь: место для костра есть. Пол и стены сухие. Выходит наружу, ищет хворост. Приносит в пещеру охапку. И еще приносит охапку. Засунув руки под мышки, отогревает и сушит их. Только тогда вынимает из-за пазухи спички, кусок бересты — бересту он припас давно, когда дождь только начался. Первая спичка ломается. «Спокойнее!» — подбадривает себя Андрей. Зажигает вторую спичку — запахло дымом. Будет настоящий костер!

Все удастся. Пещера наполняется теплом и светом. Повеселевший Андрей внимательнее оглядывается по сторонам. До верха пещера завалена камнями. «Пусть завалена, — думает Андрей, — мне хватит этого пространства, где горит костер и можно расстелить парашют». Расстилает шелк, нежится возле огня. Как бы кстати пришелся кусок ветчины, грудинки!..

— Об этом не думай... — говорит он себе и проглатывает слюну.

Но он думает. Борется с собой и с чувством голода. А когда, обессилев, закрывает глаза, его побеждает сон. Говорят, что голодному снится еда. Андрею снится не хлеб, не мясо — черное небо. Снятся звезды, но звезды чужие. Даже во сне Андрей удивляется небу с чужими звездами. Что-то ищет в них, не может найти, и эта потеря делает его несчастным. Андрей стонет и просыпается. Поджигляет костер. Немного успокоившись, ложится опять. Теперь ему снится тайга. Он идет по тайге, настроение у него светлое — в конце пути его ждет спасение. Как и откуда оно придет, Андрей не знает, но спасение близко. Проснувшись, чтобы поджечь огонь, Андрей раздумывает над странными снами. То, что он видел себя в тайге и думал о спасении, естественно: эта мысль не выходит у него из головы. А вот откуда небо с чужими звездами? Очень странное небо.

Андрей опять засыпает и тут же, как от толчка, просыпается. Что-то изменилось вокруг. Что-то стоит рядом с ним постороннее. Несколько секунд Андрей смотрит на пламя — чем он встревожен? «Часы! — соображает он наконец. — Тикают часы!..» Но часы тикают громко, на всю пещеру! Никогда Андрей не слышал, чтобы часы тикали так громко!.. Может быть, это не его часы? Подносит к глазам циферблат.

Секундная стрелка скачет по кругу. Ее скачки не совпадают с ударами!.. Как замороженный Андрей смотрит на стрелку. Сердце? Может быть, это сердце?.. Андрей прислушивается к себе: стучит не его сердце!

Все в Андрее натягивается как струна. Что-то должно случиться, ждет он. Сейчас. В эту минуту...

И слышит плач. Кто-то всхлипывает, мучается в тоске... Будь это ветер, завывание вьюги, даже звериный вой — все принял бы Андрей как должное. Но плач... Костер, пещера отодвигаются от Андрея. Плач где-то рядом, вздох, и в то же время непохожий на что-либо слышанное Андреем раньше — нечеловеческий!.. «Я сплю, — думает Андрей. — Вижу сон...» Но это не сон — Андрей чувствует жар костра. И слышит рыдания. За спиной, впереди, в нем самом — не поймешь. Страх охватывает Андрея. Так бывает в бреду: холодеет кровь, останавливается сердце. Если не крикнуть, не скрипнуть зубами — станет совсем!.. Андрей борется с охватившим его, сковавшим страхом: вздохнуть, пошевелить ресницами — и он спасен!.. С невероятным трудом поворачивает голову к выходу из пещеры. Над равниной синий, непостижимо далекий рассвет.

Это приводит Андрея в себя. Он поднимается от костра, спотыкаясь, идет из пещеры. Сердце бьется вымученно и редко. Не оглядываясь, Андрей идет вниз-вниз по склону.

Останавливается у подножия холма. Переживает, чтобы унялась дрожь в коленях. «Что произошло? — спрашивает себя. — Может, я заболел?..» Нет, мысль работает ясно. «Наверно, это галлюцинация, — решает он. — От голода. Надо достать еду».

Трясет головой, распрямляет плечи. Но как ни подбадривает себя, в мозгу, в подсознании его остается тревога. Больше: необъяснимый страх. «К черту!..» — говорит он громко, все еще откровенно бодрясь. И не может заставить себя обернуться к пещере.

Охота на этот раз удалась: Андрей подстрелил утку. Но в пещеру ему возвращаться не хочется. Вдруг он опять услышит?.. Андрей не вернулся бы, если не спички, которые он оставил сушиться возле огня.

Какое-то время Андрей занят костром, приготовлением пищи. Ест. Все это делает торопливо — поест и уйдет. Страх не оставляет его: что это было? Или, может, ничего не было?..

Поднявшееся солнце заглядывает в пещеру. Освещает завал, на который вечером Андрей не обратил внимания. Станный завал. Андрей вглядывается в груды камней. Зачем ему камни?.. Надо сворачивать парашют, уходить — только что он думал об этом. Но в голове путается, двоится: странный завал!.. Камни, кажется Андрею, принесены кем-то, навалены до потолка. Не глыбы, а камни определенной величины, доступной, чтобы их можно было поднять человеку. «Стена! — догадывается Андрей. — А что за стеной?..»

Можно отогнать от себя вздорные мысли. Можно подняться и уйти из пещеры. Можно разобрать стену. Пока Андрей раздумывает, руки опережают его — тянутся к завалу.

Андрей работает быстро: надо разобрать стену, пока солнце заглядывает в пещеру. Пока есть силы. Как во-

время ему удалось убить утку! Истрачен последний заряд, но это счастье, что ему удалось убить утку!..

Стена оказывается тонкой, под сводом пещеры прорезывается отверстие. Андрей яростно рушит камни. Разгадка плача там. Но почему сейчас в пещере ни звука? Может, то, что делает Андрей, глупо. Может, опасно?..

Перегородка разобрана. Дневной свет входит во вторую половину пещеры. В центре ее колодец. Андрей делает к нему два-три шага. На дне колодца женская статуя!.. Солнце освещает свод и стены пещеры, в колодец падает отраженный свет. Статуя золотая!.. Вот почему она спрятана! Андрей наклоняется над колодцем и цепенеет: статуя поворачивает к нему лицо. Смотрит на него живыми глазами!..

Андрей наклоняется ближе:

— Ты... ты... — В горле перехватывает дыхание. Андрей еле выдавливает из себя: — Кто ты?..

Неправдоподобный вопрос! Все, что происходит потом на протяжении часа, двух, — неправдоподобно! Но Андрей видит статую, задал вопрос. И статуя его видит — зрачки у нее дрогнули.

— Откуда ты здесь? — спрашивает Андрей. Никто на Земле не мог сделать такой статуи, таких глаз! — Откуда ты?..

Статуя отвечает! Звук ее голоса напоминает звук валторны, звон ключевой струи. Андрею непонятны ее слова, но он видит ответ — другого сравнения не подберешь: видит небо, черное, какое он видел во сне, и на небе солнце-звезду. Звезда неизвестна Андрею. Статуя из чужого далекого мира!

Андрей не отрывает от нее глаз. Руки и ноги статуи перебиты, левой руки по локоть нет. Головной убор изуродован. «Антенна... — догадывается Андрей. — Здесь должна быть антенна!..» Статуя понимает Анд-

рея, показывает на миг, какой она была в прошлом: на голове убор в виде гребня, ноги стройны, на груди, почти под подбородком, где теперь круглое пятно, — медальон с изображением планеты.

— Как ты попала на Землю?..

У Андрея тысяча вопросов. Роятся в голове — какой поставить очередным? «Не спеши, — сдерживает он себя, — сначала надо узнать, откуда она, как попала на Землю?»

Статуя показывает заснеженную равнину под низким солнцем — древнюю тундру. В метели идет золотистое изваяние... Был ли это телекинез? Или статую высадил межпланетный корабль? Живая она или робот?.. Не живая, поясняет статуя, и не робот. Формы ее передают формы существ далекой планеты, это радует и удивляет Андрея: люди чужого солнца, такие, как мы!

Андрей спрашивает:

— Как тебя звать?

— Сэа, — слышит в ответ. — Звезда...

— Сэа... — Андрей жалеет ее, изуродованную, заброшенную.

— Мне не больно, — говорит статуя. — Мне страшно...

Андрей вздрагивает, вспоминает ночные рыдания. Статуя наделена чувствами, которые можно назвать человеческими: чувством тоски, одиночества.

— Рассказывай дальше, — просит Андрей.

Статуйей овладели шаманы, сделали из нее божество. Они возили ее по тундре с собой, заставляя предсказывать будущее. Она давала прогнозы о рыбной ловле, охоте. Если предсказания были неблагоприятными, шаманы истязали ее, благоприятными — оставляли в покое. Она выбирала положительные прогнозы: ей хотелось сохранить жизнь. Как это звучит — «Сохранить

жизнь», — отметил Андрей. Сэа надеялась, что ее вернут на родную планету.

Так и произошло бы, останься антенна неповрежденной. Сэа держала бы связь со своей планетой. Может быть, она успела передать что-то о встрече, но, когда головной убор был сломан, связь прекратилась. Те, кто ее послал, уже не могли вернуть обратно. Если же им удалось принять передачу о встрече с людьми, увидеть, что произошло в минуту контакта, они пришли к выводу о враждебности цивилизации, с которой продолжать контакт нет смысла.

Когда это было? Андрей знает легенду о богине, скрываемой северными народностями, — Золотой Бабе. Истоки легенды уходят в тысячелетия. О статуе упоминается в скандинавских сказаниях. На Русь известие о ней принесли новгородцы, ходившие за Урал на промысел драгоценной пушнины. Запись о золотой статуе внесена в Софийскую летопись в четырнадцатом веке: «Неверные (не принявшие христианскую веру) племена за Уралом поклоняются огню, камню и Золотой Бабе». Очень давняя это история. И где бы ни упоминалось о золотой статуе, везде рассказывается о погоне за ней, о желании овладеть добычей. За статуей охотились варяги и новгородцы, Ермак, тобольский митрополит Филофей, ученые, купцы и авантюристы. Последние упоминания о статуе относятся к 1918 году. Но миф о ней просуществовал более полутора тысячелетий. Женщина, писали о ней, золотая статуя, прорицательница, имеет инструменты, которые издают звуки наподобие труб: пророчества богини сбываются. Миф прошел сквозь необозримую толщу времени. И если держится с таким упорством, значит, он граничил с действительностью.

Вот она, действительность, перед Андреем. Первая его мысль — вызволить статую из колодца. Но статую

не может держаться, не то чтобы идти на перебитых ногах. Вытащить ее из колодца у Андрея не было сил.

— Давно ты здесь? — спрашивает Андрей.

Ответ непонятен и смутен. Андрей видит череду нарт, пробирающихся ночью по тайге и болоту. По горизонту бродят отсветы зарев. Может, это при Ермаке, когда статую увозили от казачьего поиска? Может, при Филофее, разорявшем капища иноверцев?..

— Кто-нибудь приходит к тебе?

— Никто не приходит.

В пещеру она была доставлена тайно. Шахту в скале выбили остяки. Спрятали божество.

Солнце поднялось выше входа в пещеру, прибавилось сумерек. Андрей огляделся: свод и стены пещеры в трещинах, глыбы нависают над головой. Достаточно дунуть ветру — Богиня будет погребена.

— Что я могу для тебя сделать? — восклицает Андрей.

Статуя не отвечает. Подозрения шевельнулись в груди Андрея: ему не удастся спасти ее, спастись самому?..

Но у статуи пророческий дар!

— Я сумею спастись? — спрашивает Андрей.

— Выйдешь к большой реке, — отвечает статуя. — Тебя спасут люди.

«А тебя?..» — хочет спросить Андрей, но не решает произнести эти слова.

За время разговора статуя не спускает с Андрея глаз. Удивительные ее глаза! То они кажутся линзами фиксирующего объектива. То — когда статуя отвечает на вопросы Андрея — глаза начинают жить, в них светится разум людей неизвестной планеты. Впечатление, что глаза живые, исходит из подвижных зрачков. Расширятся — Андрей словно падает в их бездну. Сузятся — отталкивают его от себя.

Одна ли она на Земле? Статуя напоминает Афину Палладу, богиню искусств и мудрости, дочь Зевса. Может, в Элладе существовала другая такая же статуя? Может, Афина и эта Богиня Севера — сестры?.. Почему греки отождествляли своих богов с людьми? В противоположность египтянам, у которых боги имели звериный облик? Почему так бурно расцвела греческая культура?..

Пока Андрей думал над этим, статуя запела. Что это было за пение! В нем слышался плач саксаула, ропот песков, стон ветра в степи и таинственный шепот звезд. Но больше в песне было тоски и бескрайней скорби. Пело живое существо, наделенное чувствами, пело человеческое сердце.

Андрей отирает со лба холодный пот. Не прощается ли Богиня? С ним? Со своими надеждами, с жизнью?..

Пение продолжалось. Надрывало Андрею сердце.

— Тебя надо спасти! — вырывается у Андрея.

Сухие, невыразительные слова! Надо расшвырять камни, увести Богиню с собой!.. Но что Андрей может сделать? Все в нем дрожит от голода и скитаний. Статуя смотрит ему в глаза, а он стоит на коленях перед колодцем, и жалкие слова срываются с его губ: «Тебя надо спасти, Сэа!..»

Статуя прекращает пение.

— Я пойду! — клянется Андрей. — Все сделаю для тебя!

— Иди... — говорит ему статуя.

Андрей протягивает ей руку. Это невольный порыв, но он идет от души Андрея. Ему хочется ободрить Богиню, заверить, что он ее не покинет. И это самое смелое, на что решился Андрей за свою тридцатидвухлетнюю жизнь. Секунду его рука висит над колодцем. За это время он вспоминает щупальца гидры, длань

Командора из трагедии Пушкина, но не отдергивает руки. Медленно Богиня поднимает свою искалеченную руку и подает ему. Рука ее неживая, холодная, жесткая, как металлическая перчатка. Андрей с жаром пожимает ее.

— Иди, — говорит она.

Андрей отворачивается, идет через завал к выходу.

— Иди!.. — Андрей ускоряет шаги — бежит.

Последующие дни и ночи сливаются для Андрея в мутный поток. Он пробирается через сопки на север. Не останавливается, не жжет костры, его единственная цель — дойти до реки. Богиня сказала, что он дойдет.

Андрей не знает, что его ищут. Но его ищут не здесь, а в сто первом квадрате. Летчики уверены, что высадили его правильно. Дважды Андрей проходит в семивосьми километрах от лагеря геологов, от рыбаков на озере Светлом. Но этого он не знает. Он идет, как во сне, ждет, когда увидит реку. Питается грибами, рыбешкой, выброшенной на берег, — тем, что попадаетея ему на пути. Так он идет шесть дней, проходит больше ста километров. Выйдя наконец к реке, падает без сознания.

Андрея увидели с катера и спасли работники рыбоинспекции Трушин и Озеров. Когда его переносили на катер, Андрей бредил о звездах на черном небе, о пленной Богине. Инспектора не обратили внимания на бред — мало ли о чем бормочет больной, истощенный до крайности человек.

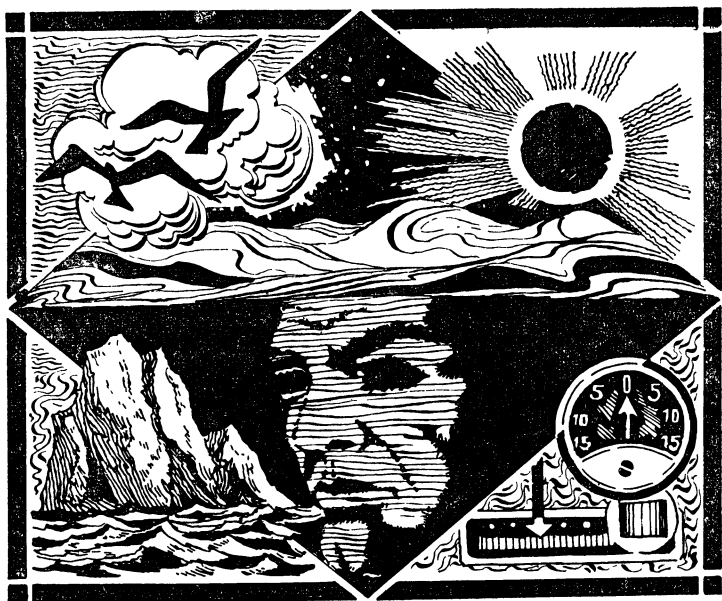
В Бондарном они сдали его фельдшеру Аллилуеву. Тот оказал Андрею первую помощь и, будучи человеком без фантазии, не прислушивался к словам больного. Как только опасность смерти от истощения миновала, Аллилуев отправил Андрея на самолете в Тюмень. Там Андрей пролежал в беспамятстве в больнице четыре месяца.

Сейчас он выздоровел, работает по-прежнему инженером-картографом. За время болезни он начисто забыл свою экспедицию и находку. Когда ему говорят, что он блуждал по болотам одиннадцать дней, Андрей удивляется, расспрашивает, как это было. Никто не знает, как это было. С таким вопросом норовят обратиться к нему, и на этом разговор обычно кончается.

Иногда Андрей ощущает приливы необъяснимой тоски и словно чувствует зов, далекий, настойчивый, но непонятный и смутный. В такие минуты он обхватывает руками голову, силится что-то вспомнить. Домашние жалеют его, стараются уберечь от тяжелых воспоминаний. Начальство тоже оберегает его — ни слова о неудавшейся экспедиции. Так оно и бывает в жизни: пеленают человека со всех сторон, чтобы не зацепить старую ссадину. Ему бы, наоборот, сделать допрос с пристрастием, чтобы он вспомнил все одиннадцать дней шаг за шагом. Но его, как ватой, обложили предупредительностью и вежливостью. Встретиться бы Андрею с Трушиным, с Озеровым, чтобы те напомнили ему о черном небе, о золотой пленнице. Но Трушин и Озеров далеко.

Все далеко от Андрея: сопки, золотая Богиня. Лишь иногда что-то взволнует его, и — на работе ли, дома — задумается Салтанов. Да еще в последнее время замечают за ним, любит он глядеть в звездное небо. Выйдет на балкон — и глядит. Чего он глядит? В такие минуты домашние зовут его к телевизору — слушать цыган или смотреть многосерийный фильм с бравой разведкой. Андрей идет неохотно.

Может быть, память его восстановится? Хотя бы восстановилась. И поскорее.

КАРАКУМСКОЕ МОРЕ

Я снова пишу об Анатолии Шатрове. Я обещал написать о нем и выполняю обещанное. Будет здесь и об Ольге, его подруге. Мне нравятся они оба. Мне нравится будущее, в котором они живут. Я мог бы заглянуть дальше, в конец третьего, в четвертое тысячелетие. Но это уже другое будущее, о нем пишут другие фантасты. Как всегда, оно немножко не соответствует их описаниям: издали трудно рассмотреть все детали — все-таки сороковой век!.. Я не хочу забираться так

далеко и спорить с коллегами, что правильно, а что нет. Я беру 2047 год. Это время недалеко от нас — мы сами строим его сегодня. И согласитесь — приятно видеть построенным то, что начинаешь делать собственными руками.

С Анатолием я расстался в Северокарске, где построен колодец для добычи металлов из рудных растворов. Программисты и наблюдатели пошли в отпуск. Анатолий тоже в отпуске, ждет Ольгу, которая должна прилететь с Венеры, — они договорились вместе побывать на Кавказе. Это мой второй рассказ о них, и я уже задумываюсь над третьим.

Как-то Ольга спросила:

— Почему вы пишете о нас с Анатолием? Есть же Алла, Аркадий, есть Федор, они тоже работали в Северокарске.

Я ответил:

— Анатолий — хороший парень.

Ольга согласилась со мной.

Когда же Анатолий поставил мне этот вопрос, я сказал:

— Лучше Ольги нет девушки, правда?

Анатолий энергично кивнул.

Таким образом, все остались довольны: Анатолий, Ольга и я. Они потому, что любят друг друга, я потому, что люблю обоих.

Работы в Северокарске закончились в конце августа. Замеры были отправлены на Диксон, где в пегматитовых лавах нарезался новый колодец. Анатолий уехал отдыхать к родным, в Томск. А четвертого октября он стоял на площади Байконура, ожидая автобус на космодром. Вместе с ним ожидали автобус семь или восемь добрых, счастливых на вид пассажиров. Каждый

ехал на космодром по своим делам, но — так уж казалось Анатолию — почему им не быть добрыми к нему и друг к другу, если сегодня прилетает с Венеры Ольга!..

— Молодой человек, — обратилась к нему старушка, — который час? — Лицо старушки сияло.

— Я тебе говорю, олух, — спорил тощего вида юноша с краснощеким здоровяком, — кварки навели в физике такой же порядок, как в девятнадцатом веке в химии периодический закон Менделеева!

— Конечно, — кивал здоровяк, — о кварках теперь пишут в учебниках средней школы...

Спорщики счастливо улыбались друг другу.

И все это потому, что Ольга возвращалась с Венеры!

Не успели выехать за городскую черту, как на востоке разрезала небо ослепительно-белая полоса. Далекий гром приглушил разговоры в салоне автобуса — корабль садился на космодроме. По мнению Анатолия, шофер должен был прибавить газ, чтобы автобус понесло как на крыльях. Но шофер не сделал этого, хотя у него было симпатичное лицо и он понимал, конечно, что Анатолию надо быть на космодроме как можно скорее... Все равно Ольге и экипажу ракеты придется пройти санитарно-охранный контроль, вспомнил Анатолий и не рассердился на шофера. — человек он, без сомнения, умный и понимает, что спешкой тут не поможешь.

За окном лежала степь, холмы, похожие на горбы верблюдов: шел караван, опустился под землю, остались на поверхности горбы — шершавые, поросшие шерстью-бурьяном. Верблюды опустились под землю в поисках воды. Об этом рассказывает легенда, которую Анатолий прочитал здесь, в Байконуре. Он отлично знал, когда прибывает корабль с Венеры, но в Байко-

нур прилетел на два дня раньше срока: вдруг корабль придет с опережением графика?.. «Так не бывает», — сказали ему в космопорте и отослали обратно в город: космопорт не место для празднующихся. Чтобы как-то сладить со временем и с собой, Анатолий два дня провел в городской библиотеке. Тут и нашел легенду о верблюдах, утонувших в песках. Легенда ему запомнилась.

Племя тогуров уходило от преследовавших его орд Чингисхана. Это было незлобивое племя, предпочитавшее мечам простые кетмени, а боевым коням — овец, дававших шерсть и сытную брынзу. Солнце палило с неба, ветер сушил людям губы и животным глаза; пустыня была огромной, племя тогуров — малым и слабым: из тех, что монгольские воины вырезали от мала до велика. Чтобы выжить, у тогуров был единственный путь — бегство. Старики племени знали секреты, как выращивать дыни, как лечить от чумы, хранили книги с бессмертными стихами Фирдоуси и не хотели, чтобы все это умерло, растоптанное завоевателями. И осуждать беглецов не надо: для многих в те жестокие времена бегство было единственным путем к жизни... Племя уходило навстречу ветру и солнцу и последние капли влаги из бурдюков отдавало детям — своему будущему. Первыми в пустыне погибли овцы, потом буйволы, потом лошади. Стали умирать люди. А пустыня становилась все безнадежнее. Беглецами овладело отчаяние. «Все мы погибнем...» — плакали женщины. И когда от племени осталась горстка людей с десятком верблюдов, старики сказали: «Сбросим поклажу с животных, они отблагодарят нас». Старики были мудрыми и верили в мудрость мира. А миром для них было все: барханы, верблюды, солнце и саксаул. Слабеющими руками люди сбросили с верблюдов шатры и котлы — немудреную утварь — и отпустили поводья.

Верблюды пошли свободно. Но совсем не туда, куда гнали их люди. Повернули в сторону и стали петлять между барханами. Люди, измученные вконец, старались не отставать от них. И вот они увидели чудо. Животные, шедшие друг за другом, на глазах племени стали погружаться в песок. Скрылись их ноги, шеи. И головы погрузились в песок — остались только горбы. И вдруг на том месте, где исчезли верблюды, ударил столб синей воды — все выше, светлее. Вода стала разливаться у подножия барханов. Люди упали на землю, пили воду, а синий столб все бил, бил беспрерывно. Это было спасение. У воды появились шатры, а потом и кишлак вырос среди холмов, в которые превратились верблюжьи горбы.

«Может, это было вот здесь?..» — Анатолий провожает взглядом холмы. Ему нравится легенда, сложенная народом. Хотя ничего сказочного он в ней не видит. В пустыне встречаются участки зыбучих песков. Это каверны, в центральной части которых источник чистой воды. Долгое время люди не понимали, откуда эта вода, и только в пятидесятых годах прошлого века была выдвинута теория о подземных морях Средней Азии.

При мысли об этом сердце у Анатолия начинает биться сильнее: возьмет его Дарин на исследование Каракумского моря или не возьмет? Последний раз в Северокарске, когда Петр Петрович говорил с ним в Доме Искусств, Анатолию казалось, что этот вопрос решится положительно для него. Но больше говорить с Дариным ему не пришлось. Как только колодец дал первый металл, Петр Петрович уехал, считая свою работу законченной. Сейчас он где-то на юге, в сухих русях Узбоя.

— Порт Байконур! — объявил шофер. — Конечная остановка!

Космопорт представлял собой громадное поле, залитое стеклбетоном. Вокзал, радарные службы, пункты слежения и приема располагались по краям поля. В центре, где приземлялись межпланетные корабли, светлел керамитовый круг, не поддававшийся буйному пламени при взлете и посадке ракет. Здесь стояла «Аскания», прибывшая с Венеры. На расстоянии она казалась тростинкой, выросшей на синем стеклянном пруду. Это было красиво, если бы не четыре головастые башни дезактиваторов, обступивших «Асканию» и обдувавших ее нейтрализующими парами... Тут же расположился подвижной город — амбулатория, гидрарий с холодной, горячей, легкой и тяжелой водой. Все на случай, если экипаж подвергся в пути солнечному ветру или потокам радиоактивных лучей. Сотня человек обслуживала башни, гидрарий.

Это можно было наблюдать на экранах вокзала, но встречавших больше заботили цветные табло с красными, желтыми и зелеными окнами. Всюду горел желтый спокойный свет. Это означало, что дезактивация идет нормально, отклонений к худшему нет. Встреча с близкими должна быть скорой. Среди встречавших жены и дети, несколько пожилых людей — отцы и матери космонавтов — те, кого вызвали телеграммой. Жесткая мера, но правильная: зевак и праздношатающихся, как убедился теперь Анатолий, на космодроме не было.

Наконец вспыхнул зеленый цвет. Из сумятицы вокруг корабля выкатились несколько электрокаров, направились к космовокзалу. «В котором из них Ольга?» — думал Анатолий, вышедший на террасу вместе с другими встречавшими. Ситалловые кабины блестели на солнце — пассажиров не было видно. «В котором Ольга?» — продолжал всматриваться Анатолий. Ольга оказалась в четвертом.

И вот они идут по тополевой аллее, и желтые осенние листья шуршат у них под ногами.

— Ну как? — спрашивает Анатолий.

— А ты как? — вторит Ольга.

— Видишь, приехал.

— А я прилетела...

— Как Венера? — опять спрашивает Анатолий.

— Нормально. А твой колодец?

— Тоже нормально.

Оба смеются, а листья шуршат у них под ногами.

Ольга загорелая, с подстриженными, как у всех космонавтов, волосами, с бровями вразлет и от этого, кажется, широко расставленными глазами.

— Дай я на тебя погляжу, — говорит Анатолий.

Они садятся на белую из струганых брусьев скамью и смотрят в лица друг другу.

— Толька, всегда ты такой... глазастый, — говорит девушка. — Смотришь — будто считаешь веснушки на моей переносице. Веснушки от солнца. Знаешь, что такое венерианское солнце?..

Анатолий не знал. Если б и знал, не перестал бы глядеть на Ольгу. Но с этого «всегда» начинается у них близость встречи. Ольга чувствует себя на Земле, а ему хорошо рядом с нею. Но ведь у Ольги в Краснодаре родители и десятилетний брат Димка. Родители не приехали, Димка, как ни рвался на встречу, остался дома. Ольга вызвала телеграммой одного Анатолия.

Анатолий собирает со скамьи крупные листья и, сложив их букетом, подает Ольге. Она вдыхает свежий, немного терпкий их запах, смеется: какое счастье!

Он провожает ее на аэродром — в Байконуре она не задерживается, летит в Краснодар.

— Через семь дней! — Ольга показывает на пальцах: пять на одной руке и два на другой — так нагляднее, и пусть Анатолий не хмурится. — Надо сле-

лать отчет, — говорит она, — побыть с папой и мамой. И с Димкой. Ты же знаешь моего братца: сегодня изобретает робота-водолаза, завтра рвется со мной на Венеру...

Ольга машет Анатолию из иллюминатора самолета, а он уже высчитал, что увидит ее одиннадцатого. С этого же аэродрома он улетает в Томск.

Через неделю они на Кавказе. Вертолет мчит их вверх по Лабе — выше, к истокам. Здесь они знают кристально-чистую речку Дам-Хурц, хмурые Магиши, уходящие вершинами к тучам. Но они летят дальше, в маленький поселок с веселым птичьим названием — Пхия. Лет восемьдесят тому назад здесь хозяйничали лесорубы. У них и песня была: «Э-ге-гей! Привыкли руки к топорам!..» После их деятельности — и песни — остались кругом лысые склоны да обнаженная Лаба в каменных берегах. Потом здесь поставили лесозащитную станцию, четверть века боролись с эрозией, сажали леса. Сейчас горы опять зеленые, и поселок стоит в лесу — дачи для туристов и космонавтов.

Вертолет опускается на площадку в центре поселка и тотчас улетает обратно. Анатолий и Ольга идут вдоль улицы, посматривая на номера коттеджей.

— Отец, — рассказывает Ольга, — не против моей работы...

Поговорить в вертолете не удалось: мешал шум винтов, надо было смотреть на реку, на горы. В Лабинске на аэродроме, куда они прилетели почти одновременно, Ольга из дому, Анатолий из Томска, тоже разговаривать было некогда: едва успели на маршрутное аэротакси. Ольга рассказывает теперь:

— А мама твердит свое: «Не женское это дело — вращаться вокруг Венеры. Поживи на Земле хоть с полгода, тебе и замуж пора, и диссертация у тебя чисто земная — о протококковых водорослях. Чего тебе

надо в космосе?» Я возражаю: о протококковых можно писать и в космосе — благодарнее хлореллы ничего нет. А Венера — мы заставим ее дышать, покроем оазисами. Один оазис назовут нашим именем — оазис Быстровых, — ведь это здорово!.. «Еще чего, — говорит мама и вздыхает: — Сумасшедшее время».

— Мать не так уж и не права! — Анатолий неожиданно берет сторону матери. — Я тоже за то, чтобы тебе пожить на Земле.

Ольга искоса глядит на него — она сейчас похожа на Алку, осуждающую ребят за отсутствие у них тяги к романтике. И голос похож на Алкин, когда она говорит:

— Шатро-ов!..

Русла Узбоя похожи на лунные трещины. И жара похожа на лунную. И воздух — сухой и горячий, как в разогретом скафандре.

— Петр Петрович, радиатор кипит...

Шофер останавливает машину, развернув ее против ветра. Дарин спускается по ступенькам, почва хрустит у него под ногами — комья глины рассыпаются от прикосновения каблуков. Глина обезвожена, сожжена солнцем.

— Страдающая земля, — говорит Дарин. — Трудно поверить, что все это плывет на водной подушке...

Шофер молча облизывает пересохшие губы. Пить! Все здесь просит воды, и все — каньоны, песчаные острова — намыто водой. Так где же она, вода?..

Воспаленными от солнца глазами Дарин смотрит в сизую дымку пустыни, потом на карту: шестьсот километров проехали они по каньонам, по белому снегу солончаков. И это если считать по прямой. А сколько поворотов, извилин!

— Вода здесь, — говорит он, показывая на рыхлую пропыленную землю. — Под ногами!

Догадку о море под Каракумами подтверждали не только артезианский зондаж и каверны зыбучих песков. Подсчет водных ресурсов рек, сбегających в Каракумы, говорил в пользу этой догадки. Только Сырдарья и Амударья несут воды в Арал. Сотни рек — Теджен, Мургаб и более мелкие — пропадают в песках. Где их воды? В подземном море?..

Задача перед Петром Петровичем гигантских масштабов — определить границы и глубину скрытого моря. Карандашом он накладывает на карту знаки: к востоку от Каспия, к западу от Амударьи, к югу от Аральского моря. Еще надо поставить знак где-то в центре пустыни. Штурм подземного моря начнется сразу со всех сторон. Впрочем, штурм — не то слово. У Дарина только шесть замеров — новых четырехместных машин.

— Едем, — говорит он шоферу.

— Куда теперь, Петр Петрович?

— В Лениногорск.

— В центр Каракумов?

— В центр.

Оба садятся в кабину. Вездеход идет по песчаным буграм — вверх-вниз. Солнце шарахается над ними, как желтый надувной шар. Шофер поглядывает в зеркальце над собой, видит огромный даринский лоб, нависший над картой, и думает, что такого пассажира он еще не возил по Каракумам.

— Кто такой? — спросил он у завгара, когда тот велел ему расчехлить для поездки резервный новешенький вездеход.

— Бог земли и воды, — ответил завгар.

Не давая открыть рта для второго вопроса, висевшего у шофера на языке, прибавил:

— И огня!

Шофер все же спросил:

— Не слишком много для одного?..

Завгар без малейшей улыбки ответил:

— Не много. Это Петр Петрович Дарин.

— Из Северокарска?..

— Знаешь, а спрашиваешь, — буркнул завгар. —
Сказано — бог!

Бог оказался, в общем-то, человеком: вместе глотали пыль, пили теплую опресненную воду, а когда шофер донельзя выбивался из сил, Дарин садился на его место и крутил баранку не хуже любого водителя автоколонны.

Только до разговоров Дарин не был слишком охотник. Шофер тоже попался не из болтливых.

— Давайте по самым глухим местам, — попросил Дарин, когда улицы города остались позади.

Часа через два шофер откликнулся:

— Почему?

— Земеры сделают тут такое, — ответил Дарин, — что на тридцать километров в окружности невозможно будет вздохнуть от пыли.

Весь маршрут Дарин положил на карту синей извилистой линией. И теперь, когда они едут в Лениногорск, карта у Дарина на коленях.

— Петр Петрович, — спрашивает шофер, — почему у новых земеров такое название — «Вулканы»?

— Они вулканы и есть, — отвечает Дарин.

Километрах в ста ниже Лениногорска, осмотрев с вершины горы песчаное море, Дарин ставит на карте последний знак. Потом долго рассматривает в записной книжке ряды фамилий — членов экипажей машин. Дойдя до экипажа командного земера, вносит в список фамилию последнего кандидата. Тут же, из вездехода,

связывается по радио с Ташкентом, с Северокарском и, выслушав ответ, дает диктограмму:

— Вызовите Шатрова в Лениногорск.

Сверху река казалась веткой, брошенной на берег, на острова. Русло двоилось, троилось — ветка давала отростки в стороны. Там, где солнце сквозь деревья падало на поверхность, вода блестела, как серебро. Воздух, прохладный и невесомо-прозрачный, тоже казался влагой, наполнившей с краями долину. Река на дне ее играла и нежилась в ярком свете.

— Чудо! — Ольга смотрела на реку, на долину. — Только, какое чудо!

Анатолий молчал, он был согласен с Ольгой.

— Говорят, — продолжала она, — будто нельзя родиться заново. Можно! После Венеры на Земле!

Они встали до солнца. Они хотели увидеть рассвет, и увидели его — от розовой искры на дальней вершине до распахнутой синевы, наполненной солнцем. Теперь они спускались, помогая друг другу на крутизне. Тропку они оставили — зачем она им, если интереснее идти напрямик, через лес.

Спустились к реке.

— Наперегонки? — предложила Ольга.

Через минуту они плывут. От колючей горной воды захватывает дыхание.

— Держись! — брызнула Ольга горстью радужных брызг.

Анатолий встряхнул головой — брызги ослепили его. А Ольга уже далеко.

— Где ты научилась так плавать? — кричит он.

— В Кубани!

Потом они лежат на берегу, на теплой от солнца гальке. Говорит Ольга:

— Страшная планета, не спрашивай меня о Венере, Толя! И солнце над ней страшное — косматое. Если взглянуть на него так просто, в иллюминатор, оно кажется синим. И огромным! Словно падает на тебя. Испугаешься... А Венера — чудовище. Мы не видим ее, хотя находимся рядом с ней. Мы ее чувствуем. Порою она стучится в борт корабля. Ты читал «Солярис» Лема? Не читаешь фантастики... Есть что-то похожее между Солярисом и Венерой. Особенно выбросы. Наша станция на стокилометровой высоте над поверхностью планеты. Но выбросы — гигантские столбы пыли — дотягиваются до нас, словно пальцы чудовищных рук. Когда мы пускаем планер сеять хлореллу, мы дрожим за биологов. Но пробы воздуха надо брать, надо делать работу... Что происходит внизу, на поверхности, мы не знаем. Только электроника рассказывает нам урывками о жизни планеты. Роботов хоть не пускай. Через пять-семь минут их заносит песком. Мы пробовали к роботам привязывать зонды на вольфрамовой нити и этим растягивать связь до получаса. И знаешь, что получалось? Нить начинала светиться, как в лампе накаливания, перегорала. Каждая песчинка несет заряды. Нижние слои атмосферы — океан электричества. Возможна ли жизнь на такой планете? Честно сказать — не знаем. Но откуда столько углекислоты в атмосфере? И похоже, что углекислота органического происхождения... В то же время Венера притягивает к себе как пропасть. Увидишь ее вблизи — безотчетно тянешься к ней. Здесь и тайна, и свирепый характер планеты, и желание покорить ее — победить. Никакие машины не одолеют ее. Разве что земеры...

— Земеры?..

— Ах, твоя любимая тема!.. Молчи! — Ольга прикрывает губы Анатолия рукой. — И я помолчу. Подремлем на солнышке. Мы ведь так рано встали...

Ольга отняла руку от лица Анатолия, положила себе под голову, закрыла глаза. Только шум бегущей воды нарушал молчание осеннего леса. Синие пихты дремали, грезили прошедшим кавказским летом.

В поселке Анатолия ждала телеграмма. Дарин просил немедленно приехать в Лениногорск.

— Ну вот, — говорила Ольга, провожая Анатолия к вертолету. — Безумный век! То ли дело двадцатый. Я читала в путеводителе, что от Пхии до Лабинска в то время ехали целый день. Видел заброшенную дорогу на берегу реки? По ней ходили полуторки. Знаешь, что такое полуторки? Ну, все равно... Главное, что они шли целый день. И я с тобой была бы весь день, а теперь — меньше часа.

— Я же ненадолго, — успокаивал ее Анатолий.

— Откуда ты знаешь?

— Это разведывательный рейс. В крайнем случае он продлится неделю, пусть десять дней.

— Мне не хочется, чтобы ты ехал...

— Ерунда! — Анатолий махнул рукой. — Я застану тебя еще здесь.

— И все-таки, Толя... у меня отпуск!

Теперь она стоит на площадке, считает дни, когда увидится с Анатолием. «Побыли вместе сутки, какое там — меньше суток! И уже над горами не вертолет, а точка, даже не слышно шума. Возвращайся же!..» — Ольга вздыхает, задумывается: что такое полуторки?.. Можно же было когда-то от верховьев реки до Лабинска ехать двенадцать часов!..

Еще через сутки Анатолий в Лениногорске.

Штаб Петра Петровича Дарина занимал центральную гостиницу. Он мог бы занять любое здание. Лениногорск, промышленный, быстро растущий город, готов

был предоставить даринцам все привилегии. Город смотрел на них как на спасителей. Воды — вот о чем он мечтал. Дарин достанет воду из-под земли. Из центра Земли!

Анатолий приехал в разгар подготовительных работ. Петра Петровича в городе не было — он опять мотался по Каракумам. Анатолия встретил техник Урбанцев, вместе с Дариным приехавший в пустыню с севера.

— Толька! — воскликнул он. — Здравствуй! — Урбанцев обрадовался: не так много тут прежних кадровиков.

— Федор, Аркадий здесь? — спросил Анатолий.

— Какое там! На Диксоне затевает новый колодец!

— Жаль, — сказал Анатолий. — Сюда бы их.

— А тебя, знаешь, куда? — Урбанцеву не терпелось выложить новости. — На командный «Вулкан», к Дарину.

— На командный?..

— Поедем смотреть? — предложил Урбанцев. — Я только оттуда, от земера, но ради тебя вернусь. Посмотришь, что за машина!

Урбанцев был влюблен в технику. Новые земеры он осваивал раньше всех.

Сто километров до командной машины проскочили за час — помогло асфальтированное шоссе от Лениногорска к югу. Некоторое время колесили среди барханов и выскочили прямо к палаточному городку, размещившемуся под боком у гигантской машины.

Анатолий привстал от удивления. Иссиня-черный снаряд был похож на ракету, опрокинутую в пески. Диаметр у него был не меньше четырех с половиной метров!.. «Четыре, шестьдесят пять!» — коротко подсказал Урбанцев. В длину земер был как пассажирский вагон.

Открытая машина Урбанцева в соседстве с ним казалась комнатным пылесосом.

— Осмий! С двухпроцентным вольфрамом! — Урбанцев подвел Анатолия к снаряду вплотную. — Послушай звон! — постучал по борту чем-то железным.

Фрезы были выпущены, червячный вал опоясывал замер. Глубокий вдавленный след прорезал пустыню — в пункт назначения машина пришла собственным ходом. Анатолий подошел к головной части, пощупал фрезы.

— Новинка! — Урбанцев не отставал от него. — Синтез иридия и алмаза. Нестираем на любом грунте. Это, брат, штука!

Остальную часть дня они сидели в палатке, изучали машину по чертежам.

— Задача — исследовать подземное море. — Урбанцев вертел в руках сжатый блестящий циркуль. — Ну а кто его видел, какое оно там, море? Надо будет выходить из машины, плавать в воде. Видишь четыре капсулы?.. — Капсулы стояли в отсеке, ближе к корме. — Это индивидуальные водснаряды, подвижные торпеды для плавания. Назначение их различное. Этот для химических проб воды, этот, с выдвигаемыми фрезами, — для взятия грунта. Предназначен тебе. — Урбанцев вставил ножки циркуля в торпеду. — Сильная вещь, скажу тебе: может врезаться в гору до ста и даже ста двадцати метров — двигатель атомный... Тот же замер, только для индивидуального пользования. Дарин так и сказал — это Шатрову.

Анатолий слушал не перебивая.

— Завтра будем торпеду испытывать, — закончил объяснения Урбанцев. — Здесь недалеко озеро Соленое. С противной водой, как огуречный рассол. Но плавать в ней можно.

На Соленом оказалась вторая база по обслуживанию земера. Здесь испытывалось подводное оборудование — подвижные торпеды-капсулы. Анатолия встретили Глеб Ильин и Виктор Черкезов, члены экипажа «Вулкана». В своих капсулах они сделали уже по несколько погружений. Теперь они давали Анатолию кучу советов:

— Управление ручное — пустяк. Нажмешь на педаль — торпеда в ходу...

— То же с фрезами. Тебе ведь придется брать грунты различной плотности. Контейнеры загружаются механически.

— Главное в нашем деле — сноровка.

— И точность движений.

— И глазомер...

— Хватит, ребята, — сказал Урбанцев. — Баснями соловья не кормят. Давайте на глубину!

Первое погружение Анатолий сделал под инструктажем Урбанцева. Потом Урбанцев уехал. Анатолий начал знакомиться ближе с ребятами. Оба парня были из Душанбе, инженеры-мелиораторы, направленные к Дарину по рекомендации института.

— Работал с Петром Петровичем? — накинулись они на Анатолия, как только узнали, что он строил колодец.

Послушав рассказ о Северокарске, узнав все, что можно было узнать о Дарине и работе, Виктор и Глеб еще раз убедились в том, как им повезло.

Погружения в графике подготовки значились ежедневно. Анатолий вгрызался в дно озера, в берега — фрезы работали безотказно. Ребята занимались своими делами: химическим анализом воды на различных глубинах, магнетизмом в водной среде. Пустовала только капсула командира: Петр Петрович, миновав Ленино-

горск, уехал в Москву согласовывать детали проекта «Каракумское море».

Двадцатого октября проект был подписан. В тот же вечер Дарин приехал к замеру. Экипаж, трое ребят, выстроился для встречи плечом к плечу, как на смотру.

— Вольно! — сказал Петр Петрович и каждому пожал руку. Анатолию — крепче, чем всем остальным. А может, это ему показалось. Ильин и Черкезов тоже могли бы поспорить, что Дарин посмотрел на каждого из них теплее, чем на другого.

Два дня на озере работали вчетвером. На третий день лагерь был ликвидирован, капсулы перевезены к замеру, погружены в кормовой отсек.

Палатки и прочее лагерное имущество пришлось перевозить Анатолию с шофером машины, азербайджанцем Керимом. Анатолий спросил, почему дорога идет не прямо, а огибает широкий песчаный участок, ровный, как стол.

— Зыбучий песок, — ответил шофер. — Смерть для всего живого!

Пять замеров подтягивались к исходным позициям — на берега Каспийского и Аральского морей и на север Каракумов, к колодцу Азиз. Шестой, даринский, замер готовился к пуску. Ему предстояло добратся до глубинных вод подземного моря. Спуск наметили по лучу наклона в семьдесят градусов. Глубина заранее установлена не была. Зондаж радиосредствами показывал наличие водоносных слоев в диапазоне от семисот до тысячи пятисот метров. Были ли это пески, налитанные водой, или водяные купола в горных породах, выяснить предстояло «Вулкану» и его экипажу. Пуск замера был назначен на двадцать шестое число.

Накануне, будучи с Дариным в Лениногорске, Анатолий говорил по видеосвязи с Ольгой.

С экрана ее большие, в темных ресницах глаза казались еще больше. Целую минуту Анатолий вглядывался в них, прежде чем спросил:

— Знаешь, на кого ты похожа?

— На кого? — засмеялась Ольга.

— На Чару Нанди!

— Браво, Шатров, — ответила Ольга. — Ты подаешь надежды...

— Нет, правда!

— Для влюбленных все девушки — Чары.

— Правда же! — настаивал Анатолий.

— Это ты и хотел мне сказать?..

— Завтра уходим в море.

— Для Каракумов звучит неплохо, — одобрила Ольга. — Счастливого плавания.

— Как отдыхаешь? — спросил Анатолий.

— Мучаюсь с Димкой.

— Что с ним?..

— Переэкзаменовка по русскому языку. Иди сюда! — сказала она в сторону.

На экране появилось мальчишеское лицо с большими, как у Ольги, глазами.

— Привет! — сказал Анатолий. — Учишь грамматику?

— Учу, — вздохнул Димка.

— Почему плохо пишешь? — спросил Анатолий.

Димка подвигал губами, но ничего не сказал.

— Не читаешь фантастики! — строго сказал Анатолий.

Мальчик улыбнулся, подмигнул Анатолию.

— Чара Нанди, — сказал он, — из «Туманности Андромеды». А мне бы с тобой на земер!

— Прямо сейчас?.. — спросил Анатолий.

Димка закивал головой, но тут внизу экрана загорелись радужные полосы — предупреждение, что время разговора кончается. Димка исчез, появилась Ольга:

— Беспокоюсь за тебя, Анатолий...

— Через неделю встретимся, — успел ответить Анатолий — экран погас.

Утром, в пять часов пятнадцать минут, «Вулкан» начал погружение в глубину.

Инженеры недаром придумали земеру такое название. Как только фрезы коснулись грунта, пыльный шлейф вырвался из-под них и унесся в пустыню. Сначала он стлался параллельно земле, потом, когда фрезы углубились, стал загибаться к небу все круче, пока не достиг зенита. А когда снаряд погрузился в почву и пошел в глубину на полной мощности двигателей, черный столб пробил облака, стал расплываться по центру неба, как гриб извержения. На высоте полутора километров его вершину осветило солнечными лучами, столб порозовел, выпустил из себя черный дождь. Ветер подхватил пыль, понес над пустыней, а из туннеля, точно из жерла, рвались все новые облака. Теперь они расходились вширь, становились гуще, и казалось, вот-вот их разрежут зигзаги молний... Пыль и песок застлали все небо, но смерч уже оседал: стены туннеля уходили все глубже, суживали бушующий вихрь. Потом над местом пуска стал расти холм рыхлой породы. Земер ушел на глубину ста, ста пятидесяти метров, а холм продолжал расти, волнуясь и скатывая с вершины осыпи, как живой. Только через час земля перестала гудеть и холм успокоился. Но туча песка и пыли продолжала висеть над пустыней.

Анатолий, не отрываясь, смотрел, как самописец накладывал линию на контурной карте. В рубке управления было тихо, хотя за бортом «Вулкана» бушевали шестьдесят миллионов лошадиных сил. Snаряд уходил в землю по крутой траектории, заданной ему вычислительными устройствами. Люди следили за стрелками приборов, анализаторами. Боковые датчики показывали состав породы, прорезаемой землером. До глубины двухсот метров на шкале упрямо держался химический знак кремния. Потом пошли колчеданы, бокситы с примесью серы и опять прочно установился кремний.

— Кремнезем, — сказал Глеб, хотя все видели то же, что и он. — Силиций о два...

Анатолий следил за тем, что находилось сейчас над ними, — перо самописца приближалось к озеру Солемому. Вот оно чертит линию по самому озеру. Странно чувствовать, что над тобой где-то плещется вода...

Земер миновал горизонты в триста метров, в четьреста. Датчики стали показывать присутствие воды. Но это еще не была вода, скорее водоносный слой. Миновали отметку шестьсот метров, потом семьсот.

— Сейчас... — сказал Дарин.

Земер качнуло. Число оборотов фрез пошло резко вверх. Дарин остановил фрезы.

— Идем в воде, — сказал он.

Чувство невесомости — как будто опускались на парашюте — на мгновение охватило всех, заставив схватиться за поручни кресел. Но тут же толчок прекратил состояние невесомости. Земер всей тяжестью сел на грунт.

Дарин перевел рычаг вниз пульта. По бокам рубки в металлических стенах чудовищной толщины открылись иллюминаторы — абсолютно черные глаза в неведомое. Дарин включил прожекторы. Черная мгла сменилась густо-зеленой, как бутылочное стекло, — зе-

мер стоял в воде. Дарин прибавил света. К зелени стекла прибавилось золотое сияние берега, круто уходящего в вышину. Золотистый свет отражался и сверху. Земер стоял в туннеле, в трубе, заполненной водой.

— Любопытно... — сказал Виктор Черкезов.

— Попробуем двинуться вперед, — предложил Петр Петрович, дал малые обороты червячному валу.

Земер шел по туннелю. Перо самописца тоже пришло в движение. Линия на контурной карте пересекала Соленое озеро с юга на север, вышла на его берег. Датчики наружной среды показывали чистую воду, без примесей.

— Дистиллированная вода, — комментировал Глеб.

Виктор Черкезов сделал глотательное движение.

— Поднести стаканчик, Витя?.. — заметил Глеб.

Виктору, точно, хотелось пить, на реплику товарища он буркнул:

— Два с сиропом. Похолодней.

Дарин, улыбаясь, медленно вел снаряд по туннелю. Поднял башенку перископа, чтобы видеть путь впереди. Впереди была та же труба — туннель.

— Так и должно быть, — заговорил Петр Петрович. — В течение миллионов лет вода, просачиваясь в песок, вымывала себе ходы. Профессор Берген говорит, что подземное море отличается от обычного: воды промыли пещеры, туннели, сделали грунт похожим на губку. Не исключены отдельные мешки, наполненные водой. Да вот, кажется, и мешок...

Перископ показывал впереди черную пустоту, в которой терялись лучи прожекторов.

— Стоп! — Дарин остановил снаряд.

Краем глаза Анатолий заметил, что самописец на карте остановился у границы зыбучих песков.

Капсулы одна за другой, как рыбы, скользнули из открытой шлюзовой камеры.

— Держаться всем вместе! — приказал Дарин. — Без моей команды ни на шаг!

Так они и поплыли, четыре огонька в зеленой толще воды. Позади остались прожекторы земера — маяки. Впереди была непроглядная темень, которой, казалось, не будет конца. Отплыв от земера метров четыреста, Дарин приказал повернуть назад. Туннель выходил в подземную полость — мешок, налитый водой. В обе стороны от туннеля шла стена из желтого песчаника, вниз она уходила на неопределенную глубину. Вверху стена загибалась сводом. Эхо-локатор из командирской капсулы подтвердил, что пловцы находятся в подземной пещере, похожей на грушу, поставленную вверх узким концом.

— Бутылка с водой! — пояснил Глеб, имевший привычку комментировать очевидные истины.

— Что вы сказали? — переспросил Дарин.

— Я говорю — мы в бутылке... — повторил Глеб.

— Да, — согласился Дарин. — Виктор, что дали пробы воды?

— То же самое, что и в туннеле, — вода без примесей.

— Анатолий, возьмите пробы из стен вправо от туннеля и влево. Я поищу из пещеры выход.

Выход эхо-локатор показал в противоположной от земера стороне. Объем пещеры был около кубического километра. Выявился еще один туннель — вправо от земера.

— Очевидно, туннели ведут в другие пещеры, — предположил Петр Петрович. — Как магнитное поле, Ильин?

— Магнитное поле сильнее, чем на поверхности! — возбужденно ответил Глеб. — Я наблюдал тенденцию

повышения во время спуска. Под нами кобальтовые или железные руды!

— Неудивительно, — вмешался в разговор Анатолий, — в песчанике вкрапления магнетита.

— Я же говорил, — сказал Глеб, — под нами кобальт или железо.

— А вода?

— Вода химически чистая, Петр Петрович, — заверил Виктор.

— Температура?

— Двадцать градусов.

— Обследуем ближайший туннель, — предложил Петр Петрович. — За мной!

Второй туннель оказался в трехстах метрах от первого. В слабом свете плывущих торпед он открылся, как зев в загадочную страну. Один за другим исследователи втянулись в темное жерло.

Туннель был таким же, как тот, где стоял земер, — с желтоватыми стенами, вымытыми водой в песчанике.

— Брать пробу? — спросил Анатолий.

Дарин не успел ответить: два глухих взрыва колыхнули стены и воду вокруг исследователей.

Они знали, что к земеру надо свернуть влево от выхода из пещеры. Яркие звезды прожекторов — последнее, что они видели перед тем, как втянуться в раскрытый зев.

— Свет погас! — крикнул Ильин.

— Петр Петрович, что-то случилось с земером... — отозвался Черкезов.

— Спокойнее! — ответил Дарин. — Не упускайте друг друга, двигайтесь вдоль стены. Шатров! У вас более сильные лампы, прибавьте свет!

Петр Петрович говорил спокойно — даже слишком

спокойно, и это выдавало его внутреннюю тревогу. Было ясно, что с земером случилась беда. И никто так реально не понимал беды, как сам Дарин. Взрыв мог произойти от контакта аккумуляторных батарей с водой. Каким-то образом вода проникла в снаряд. Но как? Земер тысячу раз был испытан на давление земных толщ, на температуру до двух тысяч градусов. И вода земеру не страшна. Значит, дело в открытых шлюзовых камерах. Вода нашла трещину или неплотный паз и заполнила земер. Система электропитания внутри земера выведена из строя. В ядерные реакторы вода не проникнет, они полностью изолированы. Но запустить реакторы будет нельзя: затопленный земер мертв...

И только когда пришло это слово, Дарин понял трагизм их положения. Воздуха в капсулах на пять часов. Прошло больше половины этого срока, пока исследователи занимались работой. Что будет через два часа с ними?..

Земер стоял темный, точно притаившийся или заснувший. Но это не был сон. Это была смерть. Она глядела стеклянными провалами иллюминаторов. За ними была вода. В шлюзовую камеру можно было проникнуть, но продуть ее, войти внутрь снаряда было нельзя — электросеть обесточена.

— Петр Петрович... — позвал Черкезов.

— Никаких вопросов, ребята, — ответил Дарин. — Положение и опасность всем понятны.

— Что будем делать?

— Думать.

Выбраться из-под километровой толщи грунта по следу, проложенному снарядом, рассчитывать было нечего: след заплавлен породой, переработанной земером. Пробить толщу каким-либо другим способом тоже было немыслимо. Плыть по туннелям в надежде как-

то выбраться через них — ничего не даст: сеть туннелей и емкостей может быть на тысячу километров...

— Путь один — вверх, — сказал Анатолий. — Может быть, под куполом есть воздух.

— Вверх! — согласился Дарин.

Они поплыли вверх. Фонари торпед тускло освещали стену, казавшуюся бесконечной. Только эхо-локаторы говорили, что где-то выше горло «бутылки» сужается. «Будет ли там хоть капля воздуха?» — спрашивал себя Дарин. Ребята молчали. Они молчали потому, что молчал он. И надеялись на то, на что надеялся он.

Воздуха под куполом не оказалось. Крыша сомкнулась сразу — казалось, она плавает на воде.

— Все, Петр Петрович? — тихо спросил Черкезов. Спроси он громче, он не выдал бы своего состояния, но в тихом вопросе Виктора звучал страх. И, наверно, поэтому Глеб крикнул:

— Как же так?..

— Тише!.. — ответил Дарин.

Они плыли под потолком. Хоть бы где-нибудь была трещина!.. Неужели — черт возьми! — Анатолий ожесточался: неужели тупик? Он не хотел сказать слово «смерть». Ему казалось, что, если он мысленно произнесет это слово, он будет кричать, как Ильин: «Как же так?..»

— Петр Петрович — ловушка?.. — Глеб сдавал с каждой минутой.

— Будьте мужественны, — ответил Дарин.

Глеб замолк. Слышно было его прерывистое дыхание.

«Неужели нет выхода?» — твердил Анатолий. Он ни на мгновение не мог подумать, чтобы Петр Петрович по-

гиб, что погибнет он сам, Анатолий. На минуту перед ним встало лицо Ольги: «Мучаюсь с Димкой...»

— Петр Петрович, — спросил он, — какие показатели глубины?

— Над нами семьдесят метров породы.

Семьдесят метров! Анатолий вспомнил Урбанцева, его слова о том, что капсула с фрезами может врезаться в грунт на сто, даже на сто двадцать метров. Капсула может пробить крышу над ними!.. Надежда, как молния, вспыхнула в уме Анатолия. И тут же погасла: чтобы сделать эту работу, нужно время. Нужен воздух!

Анатолий взглянул на электронный манометр — стрелка была почти на нуле. Хотя бы шанс на спасение!.. Сколько еще можно протянуть, полчаса?.. Анатолий старался не поддаваться панике, хотя чувствовал, как на спине у него между лопатками проступает холодный пот.

Тяжело дышал в капсуле Черкезов. Дарину тоже дышать было нелегко, но он сдерживался. Все четверо молчали, экономя каждый глоток драгоценного воздуха. А наверху, над песчаной крышей, — воздушный расплеснувшийся океан. Анатолий на секунду закрыл глаза, представил глубину синего неба. Какими ослепительно привлекательными были горячий ветер, холмы!.. Снова открыл глаза — не поддаваться страху! А что делать?.. Стрелка манометра коснулась нуля. Конец?.. Руки Анатолия инстинктивно сжались на рычагах запуска капсулы — рвануться в толщу крыши, кромсать ее фрезами!

Семьдесят метров... Опять взгляд Анатолия упал на стрелку манометра. Вспомнилась другая стрелка — самописца, остановившаяся на границе зыбучих песков.

— Петр Петрович! — почти крикнул Анатолий. — Насколько мы ушли от «Вулкана»? По горизонтали?

— На двести метров, — ответил Дарин.

Вздохнул, почти всхлипнул в капсуле Глеб Ильин.
— А что? — спросил Дарин, только бы не слышать, как ребята задыхаются в капсулах. — Ты хочешь...

Анатолий не слышал его. Видел пустыню, верблюдов, погружавшихся в песок на глазах людей. Видел столб синей воды.

— Светите мне все! — крикнул он. — В купол!

Всплыл к потолку, врезался фрезами в камень. Веером брызнул щебень, пошел в глубину. Анатолий нажал на рычаги — глыба песчаника отвалилась от потолка. Вода замутилась.

— Светите!

С бешеным визгом работали фрезы.

Анатолий не слышал, как задыхались люди. Он тоже раскрывал рот, как рыба, глотая тяжелый мертвый воздух. Только бы успеть, думал он, пробить крышу! Если над ними зыбучий песок, то где-то есть выход к поверхности — есть каверна!

— Петр Петрович! — крикнул он.

— Здесь я... — ответил Дарин.

Он понимал Анатолия: погибать — так в борьбе. У него был готов приказ Анатолию дробить породу. Секунда — Петр Петрович отдал бы приказ, если бы не безнадежность: над головой семьдесят метров толщи. Дать приказ для успокоения не поворачивался язык: себя Дарин мог обмануть, ребят — нет. Шаторов сам догадался, что делать. Петр Петрович благодарен был Анатолию. Юность умеет дерзать. И надеяться. Дарин прислушивался к визгу работающих фрез. Полная мощь, отметил он. Времени бы. Хоть каплю времени!..

Анатолий думал о Дарине, об Ольге. Но главное — успеть. Во что бы то ни стало успеть! Раскрошить купол, найти выход. Уже не глыбы — песок сыпался вниз. Еще, ну еще, твердил Анатолий. Сдерживал ды-

хание, почти не дышал, выигрывая секунды. Когда сдерживать горький воздух не стало сил, крикнул:

— Петр Петрович!

— Слышу, — ответил Дарин.

— Ильин! Черкезов!

— Я! Я!.. — отозвались ребята, точно на переключке.

— Держитесь!

Песок сыпался желтый, как неочищенный сахар. Перед глазамиплыли синие, фиолетовые круги. Мертвой хваткой Анатолий сжимал рычаги управления. Фрезы шуршали, обрушивая песок. Какое счастье, что песок сыплется вниз, в воду, иначе фрезы давно бы застопорило.

— Ребята!

Никто не отозвался.

— Черкезов! Ильин!

— Здесь... — хрипло ответил Дарин.

— Только бы!.. — мечтал Анатолий. Может быть, от одной минуты зависит жизнь. Жизни!

В висках стучало, глаза ничего не видели. Анатолий не выпускал рычагов, слился с ними — превратился в металл.

Так он сжимал их, пока сквозь красный туман в глазах не блеснуло синее небо.

— Толька мой, Толька, я же знала, что ты у меня такой!

Ольга склонилась над Анатолием, вытирала на его лбу капельки пота.

— Лежи, — говорила она. — Тебе нельзя говорить. Да ты и не сможешь. Я сама обо всем расскажу тебе.

Анатолий хотел пошевелить рукой, но даже не мог улыбнуться от слабости.

— Ну вот, видишь? — сказала Ольга. — Хорошо, что ты хоть можешь слышать меня.

Анатолий глядел на нее. В глазах его был вопрос. Ольга поняла, о чем он хочет спросить.

— Жив Петр Петрович, — сказала она. — И Черкезов и Ильин живы.

Слова Ольги доходили издалека. Желтый песок сыпался, сыпался перед Анатолием — не было ему конца. «Живы...» — повторяла Ольга, и это наконец коснулось сознания. Желтизна стала солнечной, чистой. Анатолий узнал стену, на стене оконный квадрат. За окном солнце, понял он, — солнце! И голос Ольги здесь, рядом.

— Все, все, все хорошо, — говорила она. — Тебя вместе с капсулой выбросил столб воды, ударивший среди зыбучих песков. Выбросило ребят и Петра Петровича. И всех троих спас Петр Петрович — открыл капсулы. Вы молоды, вам не хватило двух глотков воздуха.

И это Анатолий понял. Неясным было — откуда здесь Ольга? Она осталась на Кавказе!..

Он заставил себя повернуть голову и увидел ее. Ольга глядела ему в глаза.

— А теперь я с тобой, — говорила она. — Мы же с тобой — видишь?

ЦВЕТЫ АЛЬБАРОССЫ

Чудеса начались сразу, как только ракета опустилась на луг. Григорий приземлил ее на воздушной подушке: уже сотню лет инструкция требует при достаточной плотности атмосферы пользоваться компрессорами. Но при любом, даже сверхосторожном спуске воздушный столб срывает верхний почвенный слой, корабль садится в облаке пыли. Здесь ракета села, не подняв с поверхности ни пылинки. Под каждой из ферролитовых лап шасси клонились живые цветы.

Борис и Григорий смотрели на них сквозь стекла иллюминаторов.

— Давление воздушной струи — четыре тонны на сантиметр, — сказал Григорий. — Можно было бы раздавить слона...

Цветы оставались целыми, нежными, с полупрозрачными лепестками.

Датчики показывали наличие кислорода, двадцать два градуса тепла по Цельсию и отсутствие в воздухе биогенных носителей.

— Прямо-таки не терпится потрогать цветы руками! — ответил Борис. — Выйдем!..

— Подожди, — Григорий включил приемник.

— Зачем? — Борис поднял недоумевающий взгляд. — За восемь часов облета хоть бы кто-нибудь охнул на наши вызовы...

— А что мы теряем? — сказал Григорий, глядя, как наливается зеленую индикатор. Борис недовольно сопел у него над ухом, ему не терпелось ступить на почву планеты — вечно жгучее желание открывателей.

Верньер медленно, не считаясь ни с чьим желанием, двигался по шкале УКВ. В диапазоне четырех метров он наткнулся на звон.

— Слышишь? — спросил Григорий, останавливая планку и оборачиваясь к Борису.

— Что-то новое!.. — воскликнул Борис.

— Новое, — согласился Григорий.

— Поет планета?..

Из решетчатого кружка динамика лился непрерывный, настойчивый звон. Казалось, что звенит рой возбужденных ос. Или миллион серебряных колокольцев...

Планета была открыта лет тридцать тому назад — в пересчете на земные обыкновенные годы. Световые

ракеты смяли обычное время, сделали его частным временем каждого корабля. Они же показали полную непригодность гигантских космических лайнеров, которыми увлеклось человечество в начале двадцать первого века. В Пространстве лучшими показали себя небольшие ракеты, с экипажем в два-три человека. Когда снаряжалась комплексная экспедиция, объединялось до двадцати кораблей. Впереди ставились заслонные керамитовые ракеты, которые рассекали облака пыли, прокладывали туннель последующим, идущим за ними в нитку.

Даже в двадцать втором столетии человечество еще приглядывалось к Пространству. Полеты были трудными, как плавание на каравеллах, уходивших когда-то путями Колумба и Магеллана. Космос не давал человеку ни уютного света кают-компаний, ни широких экранов. Каждый полет требовал от космонавтов работы, выносливости, невероятной смелости и физической силы.

Седьмая комплексная экспедиция была направлена к Ригелю Ориона в 2111 году. У небольшой белой звезды, в четырнадцати парсеках от Солнца, экспедиция открыла голубую планету с удивительно постоянным фоном: в атмосфере не было облаков, поверхность планеты казалась ровной, как бильярдный шар. Об открытии сообщили на Землю, попросили назвать планету Зарей. Понравился цвет: планета, наверно, была покрыта водой или синим туманом. Оказалось, что Заря есть уже в Кассиопее, а вторая Заря — в Павлине. В Космографическом Центре попробовали перевести название на латинский, на близкие к нему языки и в древнем провансальском нашли замену: Альба — рассвет. Но и здесь открывателям не повезло: Альб оказалось шесть... Выход все же нашли: планете дали название Альбаросса.

Это Седьмую звездную удовлетворило. Но исследовать планету тогда не удалось — слишком далеким был путь до Ригеля. Исследование было поручено Девятой комплексной, тоже посланной к Ориону. Флотилия замедлила ход, кроме ракеты Григория Ломма: ему на исследование было дано сорок часов. А потом предстояло догонять экспедицию в течение двух недель. Так навигатор Ломм и механик Борис Рожков оказались на Альбароссе.

Планета действительно была синей, как весеннее небо. Но не океан и не дымка придавали ей синеву: от экватора до полюсов планета оказалась покрытой цветами.

— До безумия хочется подержать их в руках... — говорил Борис, налегая на рычаг гидросистемы, открывавшей выходной люк.

— Сейчас, сейчас... — сдерживал Григорий нетерпение друга.

Подъемник опустил их на цветочный ковер. Кабина открылась автоматически. Борис и Григорий вышли, не закрывая, однако, за собой дверь.

Ни один, ни другой не знали, что ожидает их.

Борис тотчас опустился на корточки. Цветы были обыкновенные — синие колокольчики. Нет, не обыкновенные: их нельзя было сорвать — невозможно переломить стебель.

— Проволокой прикручены?..

Борис рассматривал красную полоску на пальцах. Как обычно, он потянул стебель к себе, цветок наклонился, Борис ощутил на руке влажность его лепестков. Но сорвать цветок не удалось: стебель, как струна, резал пальцы. Сейчас Борис дул на медленно бледнеющую полоску.

— Попробуй! — кивнул он Григорию.

Тот ничего не ответил, думал, что Борис дурачится: светлый прозрачный воздух, пьянящий большим количеством кислорода, солнце, синяя даль, похожая на спокойное море, рождали мальчишеское желание пуститься с Борисом вперегонки, плюхнуться в колокольчики и, задрав рубаху, подставить спину теплему солнцу.

Борис повторил:

— Попробуй!..

Выбрав цветок покрупнее, Григорий потянул стебель к себе. Тонкая прохладная нить врезалась в пальцы.

— Да-да... — сказал он, отпустив стебель и шевеля пальцами в воздухе.

— Что ты на это скажешь? — спросил Борис.

— То же, наверное, что и ты...

— Здоровенные парни, — развил его мысль Борис, — покорители космоса, не могут сорвать цветочек с клумбы. Что скажут девушки?..

— Без иронии, Боря. Это непростые цветы.

— За двести лет никто не встречал цветочков на проволоке... — не унимался Борис.

Григорий вошел в кабину, загремел в ящике инструментами. Вынес обыкновенные, испытанные на Земле и на космических трассах кусачки. С трудом, действуя в две руки, друзьям удалось перекусить стебель цветка.

— Один... — сказал Борис, держа цветок на ладони. — А их миллиарды!

Колокольчик лежал маленький, легкий, слегка холодил ладонь. На срезанном стебле блестела капелька сока. Друзья разглядывали его, как живое чудо, не сразу заметив звенящий звук, дрожавший над лугом. Звук был настойчивый, непрерывный — такой же, как из приемника на корабле.

Они отошли от ракеты километра на полтора. Планета была меньше Земли — до горизонта подать рукой.

— Дальше идти не стоит, — сказал Григорий, — везде те же цветы.

Космонавты остановились. Стенящий звон лился над лугом.

— Их кто-то выращивает, — говорил Борис о цветах. — Такая планета не может быть необитаемой: солнце, воздух, тепло. Где же хозяева?..

Борис волновался. Григорий молчал: те же вопросы вставали и перед ним, а ответов не было. Зато странностей было сколько угодно.

Ровная поверхность планеты казалась сглаженной, а цветы — посеянными. За ними не было видно почвы: космонавты не могли до нее продрасться сквозь сетку переплетенных стеблей. При каждом шаге сетка пружинила, на ней не оставалось следов — цветы не мялись. Как они получали питание, влагу, если над планетой не было облаков? — Борис и Григорий убедились в отсутствии облаков за восемь часов облета. Или вот этот звон. Что звенит — небо, воздух, цветы?.. К нему можно привыкнуть — космонавты уже привыкли — но как объяснить его?

— Я тоже не уверен, что планета необитаема.... — Григорий оторвался от моря цветов, взглянул на товарища.

Борис стоял, обернувшись назад, глаза его буквально лезли на лоб: от ракеты по направлению к космонавтам неторопливо шли два человека. Это были земные люди. Они шли, оглядываясь по сторонам, иногда останавливались, жестикулировали. Машинально Григорий отметил, что один из них в оранжевом свитере, другой в синем. И сейчас же он рассмотрел их черты. По лугу шли Борис и Григорий... Они копировали же-

сты, походку Григория и Бориса — были их двойниками!..

Космонавты не отличались робостью: Борис делал четвертый рейс, Григорий — шестой. Но сейчас при виде самих себя на чужой планете, под чужим солнцем их взяла оторопь. Борис-второй, что шел от ракеты, остановился, высвобождая ботинок из жестких стеблей колокольчиков. Григорий-второй протянул ему руку, чтобы товарищ мог на нее опереться... Все это было сделано так, как сделали космонавты минут десять-двенадцать назад. Борис высвободил ногу и, повернувшись к Григорию, улыбнулся. «Сказал спасибо...» — вспомнил Григорий. И опять они, разговаривая, пошли по лугу.

— Может, я сплю, Григорий... — бормотал Борис, схватив друга за плечо.

Григорий чувствовал себя не лучше Бориса и, наверно, обратился бы к нему с тем же вопросом, не захвати у него дыхания от этого зрелища. Двойники подходили ближе. Они не глядели на Григория и Бориса: озирались по сторонам, оглядывали поле, цветы, словно не видели космонавтов или перед ними никого не было. С каждым шагом расстояние между ними и людьми сокращалось.

— Что же это, Гриша?.. — растерянно, по-детски спросил Борис.

Оставалось пятьдесят шагов, тридцать...

— Эй!.. — крикнул Борис.

Никакого эффекта. Двойники даже не взглянули на космонавтов.

— Стойте!

Двойники подходили. Григорий-второй улыбнулся, глянул на небо — у настоящего Григория мурашки ползли по спине, — затем повернулся к Борису, сказал что-то, шевельнув беззвучно губами.

— Стойте!.. — опять крикнул Борис.

Ничто не помогало. Осталось с десятков шагов. Борис угрожающе согнул руки в локтях, готовясь отразить нападение. Двойники не моргнули глазом. В жутком молчании подошли вплотную и вошли, влились в живых людей.

Но не это оказалось самым паршивым: от ракеты шла вторая пара — Борис и Григорий, а из подъемника выходила третья...

— Вот это влипли! — сказал Борис, отирая со лба капли пота. — Что бы я ни дал сейчас, чтобы очутиться на родном космодроме...

Тотчас, скрыв третью пару, ракету, перед людьми возник космовокзал — семиэтажное белое здание с башенкой радиомаяка, знакомое космонавтам каждым окном, изгибом архитектурной линии. Борис оглянулся: позади, у горизонта, стояло несколько ракет, заправочные машины, поодаль — купола ангаров, где проходили осмотр и ремонт после возвращения корабли, — все то, что Борис ожидал увидеть и что должно было быть на космодроме Солнечный Гай в причерноморской степи.

Между тем двойники, вторая пара, подходившие к ним, были уже недалеко: опять Борис остановился, высвобождая ботинок, Григорий протянул ему руку. Борис-двойник улыбнулся, пошевелил губами...

— Отойдем в сторону, — сказал Григорий, все еще чувствуя спиной холодок.

Они отошли, наблюдая за двойниками. Те как ни в чем не бывало приблизились к месту, где космонавты только что встретили первых своих двойников, остановились словно в раздумье. Потом Борис-второй обернулся назад, рот его открылся от удивления.

— Увидел вторую пару, — комментировал Борис-настоящий и сплюнул: — Ну и рожать...

Григорий старался осмыслить происходящее, даже следил за своим двойником, отмечая, что Борис абсолютно прав: физиономии у обоих были до отвращения глупыми.

Вторая пара, повернувшись лицом к ракете, вернее к фасаду призрачного вокзала, топталась на месте, поджидая третью пару, которая в это время вышла из стены здания. Потом, поглотив третью пару и беззвучно обменявшись словами, двинулась к Григорию и Борису, каким-то образом выделившись из третьей пары, которая теперь стояла на том же месте и ожидала чего-то, глядя на фасад здания.

— Где же ракета?.. — шепотом спросил Григорий Бориса.

Не успели стихнуть его слова, как ракета возникла на том месте, куда он глядел, — у левого подъезда вокзала. Вторая ракета возникла в стене здания, куда глядел Борис. Рядом из стены вышла четвертая пара, в синем и в оранжевом свитерах.

— С меня хватит!.. — Борис, не обращая внимания на двойников, ринулся к ракете. Григорий едва поспевал за ним.

Нижний люк корабля был открыт, подъемник распахнут, но, когда Борис хотел взяться за дверцу рукой, он ощутил только воздух.

Через час на видимом пространстве синего луга стояло восемь ракет, часть улицы, на которой жил в Одессе Григорий, аллея пирамидальных тополей, и на всей территории, оранжевые и синие, бродили призраки. Друзья старались ни о чем не думать, ничего не желать. Они уже накопили опыт: стоило о чем-нибудь

вспомнить — о вокзальном здании космопорта, обыкновенной пуговице, — все тотчас появлялось перед глазами, и уже не было никакой возможности от него избавиться. Так появились статуи пионера и пионерки, виденные Борисом в одном из уголков приморского парка, решетчатый щит кинорекламы, клумба с цветущими флоксами, пара крутобоких морских валунов... С мелочью еще можно было мириться. Хуже, когда появлялись здания вроде вокзала. В стену запросто можно было сунуть руку, войти. Но удержать руку, удержаться в здании самому было нельзя: внутри были темнота и нестерпимый холод. Борис залетел с ходу в космовокзал, но тотчас выскочил обратно к Григорию: темнота поглощала звук, невозможно было определить, где остался товарищ. Попробовали они войти, взявшись за руки, но тут же потеряли ориентировку и вышли назад, на солнце, пожалуй, случайно. После этого с полчаса наблюдали за двойниками, которые тыкались в стену и выскакивали обратно — зрелище не из приятных...

— Штука!.. — сказал Борис, встряхивая головой, будто отгоняя дурной сон. — Что будем делать дальше?

— Надо обойти вокзал. Ракета должна быть где-то за ним.

Двинулись вдоль фасада, свернули за угол здания. Но тут у них на пути вырос многоквартирный дом, вросший наполовину в вокзал; за домом поблескивал гофрированным алюминием ангар.

— Чертовщина! — выругался Борис.

Пришлось вернуться назад, к центральному входу в вокзал.

— Так мы сотворим себе заколдованный круг из домов и ангаров!.. — возмущался Борис.

— Ни о чем не вспоминай! — советовал ему Григорий.

Тотчас, скрыв левую часть вокзала, перед друзьями

возник театр их космического городка: одна сторона оказалась ниже другой, будто театр перекосило землетрясением.

— Не могу! — Борис схватился за голову. — Гриша, не могу, понимаешь?..

— Возьми себя в руки!..

— Они нас задавят! — Борис указал на здания.

Нотка отчаяния в его голосе неприятно резала слух, но хуже, что Борис не замечал этого. Только не поддаваться страху, твердил Григорий себе, не поддаваться страху! Пусть это непонятно, но не поддаваться панике... В то же время он оглядывался по сторонам, ожидая чего-то, еще более непонятного. Это ожидание у него тоже рождало страх.

Солнце опустилось за горизонт, и без всякого перехода, словно взмахом крыла, космонавтов накрыла ночь.

— Хотя бы все это нам приснилось... — бормотал Борис, укладываясь спать на цветах рядом с Григорием.

Темнота спасла их от созданных ими призраков. Не видно стало двойников, бродящих по лугу, театра, тополевого аллеи.

— Хотя бы... — согласился Григорий, не находя слов, чтобы ответить товарищу, другая мысль билась в его мозгу: только бы не сойти с ума...

Утро ничего не изменило в их положении. По-прежнему маячило здание космопорта, за ним — алюминиевый ангар, салютовали мраморные пионеры. Все так же кружили по лугу призраки.

— Будьте вы прокляты... — с ненавистью погрозил им кулаком Борис.

Он плохо спал ночь, был удручен нелепым положением, в каком они очутились с Григорием.

— Надо пробиться к ракете любым путем! — жестко сказал Григорий. У него настроение было не лучшее, но он сдерживал себя, стараясь не раскисать.

— Как пробиться?.. — спросил Борис.

Григорий снял с себя оранжевый свитер. Это был добротный свитер, сотканный из толстых волокон.

— Держи! — подал Борису и, хладнокровно надрав ткань, начал распускать свитер с воротника.

Получился солидный клубок, цветом похожий на апельсин.

— Теперь определим направление. Мы стояли вот так, — Григорий указал на призраки, стоявшие на том месте, откуда космонавты впервые увидели двойников. — И смотрели сюда, — Григорий кивнул на очередную пару, появившуюся из стены космовокзала. — Они идут от ракеты. Станем на их пути...

Было неприятно становиться лицом к лицу с двойниками, ждать, пока они пройдут сквозь тебя. Но ничего другого не оставалось.

— Ну вот... — сказал Григорий, когда призраки пронизали их. — Вот и прошли... — повторил он, облегченно вздохнув, — но так, чтобы не заметил Борис: призраки прошли бесшумно, неосвязаемо, и все же столкнуться с ними было неприятно до дрожи.

— Идиоты... — дернул плечами Борис, оглядываясь на двойников.

— Подойдем к стене, — Григорий намеренно не обратил внимания на выходку друга: ругать двойников имело столько же смысла, сколько просить солнце повернуть вспять. — Держи, — сказал он Борису, протягивая клубок. — И гляди, чтобы нитка была натянута.

Намотав конец нити на руку и согнув плечи, как против ветра, Григорий вошел в стену здания. Борис разматывал клубок ему вслед, замечая, что нить уходит

в стену все медленнее. Четыре, пять шагов — нить повисла прогнувшись. Борис натянул ее, но вот она дернулась раз, другой и упала вниз. Борис потянул с поспешностью, нить выпрямилась, но тут же упала снова, словно Григорий, отступая, пятился назад. Несколько раз он дернулся, пытаясь натянуть нить, прорваться вперед, потом нить ослабла, и из стены боком, неуверенно вышел Григорий. Лицо его было синим от холода, глаза полны страха.

— Не пускает... — Григорий присел на корточки, тяжело дыша и растирая заочевенные руки. — Вышвыривает и давит страхом...

Борис глядел на товарища. Клубок и несколько витков оранжевой нити лежали на цветах. Солнце, поднявшееся над крышей космовокзала, осветило клубок, запуталось в оранжевых петлях.

— Это все? — удивленно спросил Григорий, прикинув на взгляд количество петель.

Стена вытолкнула второго Григория, с синим лицом и сведенными руками.

— Черт!.. — выругался настоящий Григорий. У него тоже начали сдавать нервы, потянул в сторону Бориса: — Отойдем!

Они пошли прочь от стены космовокзала. Григорий молчал, Борис ждал, не прерывая его молчания. В нем закипала злость. Горячий по натуре, он не терпел неясностей, тем более необъяснимого. Лететь к Ориону, бороться с космосом — двести лет космонавты борются, бывает, гибнут. Но там ясны причины и следствия: пески на других планетах, вулканы... А здесь небо над головой, серебряный звон. И ты сам с собой, повторенный тысячу раз. Зачем это нужно? Кому?

— Мне казалось, — заговорил наконец Григорий, — что я блуждал в потемках бесконечно долго. Полная потеря чувства времени, понимаешь? Темнота не толь-

ко поглощает свет и звук — она растворяет время. И это страшнее всего. Я провалился в бездну, меня охватил страх. Больше я ничего не помню, только бесконечный ужас падения... В космосе нелегко, но там хоть звезды, Борис. А здесь ничего, кроме страха. Как ты меня вытащил, не понимаю... Там, по-моему, нет и воздуха, не помню, чтобы я хоть раз вздохнул.

Бессвязная речь Григория ничего не объяснила Борису. Он протестовал каждой жилкой своего тела против положения, в котором они оказались. Кто-то или что-то играло ими, игра была слишком неравной и неизвестно, чем могла кончиться. Борис видел беспомощность их, двоих, перед неизвестной планетой, они ничего не могли сделать. Это бесило его и еще более ослабляло перед лицом неизвестного. Наконец он прямо поставил вопрос:

— Попали в ловушку?..

— Не знаю, Борис. Ничего не знаю. Пробриться сквозь темноту к ракете нам не удастся. Надо искать выход к спасению в чем-то другом. Если это ловушка, то чья, зачем?

Солнце неудержимо лезло к зениту. Сутки на планете были меньше земных на одну треть: восемь часов день и восемь часов ночь. Планета вращалась в плоскости экватора. Время было одинаковым на всех параллелях.

— Борис, — спросил вдруг Григорий.

— Что?

— Ты заметил, что двойники не дают тени?

Ни двойники, ни тополя, ни здания космопорта не отбрасывали и признаков тени.

— Чертова планета, — выругался Борис. — Одни загадки!

— А еще, Борис, — продолжал спрашивать Григорий, — ты хочешь есть или пить?

— Не хочу...
— А сколько прошло, как мы сюда прилетели?
— Сутки.
— Что же все это значит?
— Хоть убей... — начал Борис.
— Чужая жизнь, Борис. Разумная жизнь! Вот он каким получился контакт с инопланетной разумной жизнью.

Григорий высказал то, что обоим стало понятно чуть ли не с первого часа высадки на планету. Нелегко было признаться в этом во всеуслышание, признать, что никто из друзей этой жизни не понимает. В чем смысл бесконечного кружения двойников? Темноты и безвременья внутри зданий?.. Что представляют собой цветы?.. За два столетия поисков разума во вселенной у людей выработался некий воображаемый образец, стандарт разумного существа: братья по разуму чем-то должны быть похожи на людей, у них должны быть добрая воля, стремление к взаимному пониманию — сложился гомоцентризм. Правда, кое-кто в середине двадцатого века делал предположения, что носители разума не обязательно будут подобны людям, может быть, разум предстанет нам в виде плесени, пленки... Но такой взгляд не принимался всерьез. Утверждался и окончательно утвердился гомоцентризм. Тем более что за все годы люди так и не встретились с разумом в космосе.

— Тогда будем рассуждать прямо, — сказал Борис, — зачем этой жизни превращать нас в игрушку, в беспомощных слизняков?

— Может быть, она испытывает нас на разум, как мы выпутаемся из этого положения.

— Хочешь сказать — экзамен?..

— Нелегкий экзамен. И нам, чтобы хоть в какой-то мере быть признанными, надо искать достойный выход.

— Какой?..

— Во-первых, не метаться как захлопнутым крысам.

— Гм... — ответил Борис. — Во-вторых?

— Не предпринимать ничего враждебного.

— Гриша, — вздохнул Борис, — будь у меня в руках нейтронный пульсатор...

Не успел Борис произнести эти слова, как в руках у него блеснуло оружие. Это не было призраком: пульсатор оттягивал руки, на нем была личная монограмма Бориса «БР»; спусковой крючок стоял на предохранителе — как был поставлен в ракете.

Борис растерянно глядел на оружие.

— Брось... — тихо сказал Григорий.

— Бросить?..

— Брось! — повторил Григорий.

— А что, — сказал Борис, — брошу. Никогда не поздно будет поднять.

— Не думай о нем, — сказал Григорий, уводя товарища в сторону. — Видишь ли...

Сказать в оправдание планеты можно было многое. Она могла уничтожить пришельцев по выходе из ракеты, могла не допустить корабль на поверхность. Могла, ознакомившись с непрошеными гостями, умертвить их, развеять на атомы, задавить тьмой. Все-таки она ничего такого с ними не сделала. Моделировала их до бесконечности, воплощала их мысли в зримые образы. В то же время планета не дала им погибнуть от жажды и голода. Почему они сыты, непонятно обоим. Все непонятно в этом удивительном мире. Почему над планетой нет облаков, а воздух не высушен, в нем нормальная влажность? Может быть, это сфера, футляр — жизнь спрятана в оболочку, как в скорлупу?.. Цве-

ты — что они? Элементы энергосистемы, клетки гигантского мозга?..

— Как долго мы будем в этом плену? — спросил раздраженно Борис.

— Не знаю, — сказал Григорий.

— Что же нам делать?

— Ждать. И думать, как выйти из положения. Не теряя лица...

Борис засмеялся.

— Ждать у моря погоды...

— Возьми себя в руки! — сказал Григорий.

В эту ночь им не спалось.

— Когда за нами могут прилететь, Гриша? — спросил Борис.

Он лежал ничком на цветах. Было невыносимо видеть звезды, чувствовать себя пленником.

— Не раньше, чем через месяц, — ответил Григорий. Бориса он понял: в экспедиции поймут, что с ними что-то стряслось, прилетят на выручку. Времени уйдет не меньше месяца.

— Не выдержу... — угрюмо сказал Борис.

Григорий ничего не ответил.

— Не выбраться нам отсюда! — заговорил Борис, приблизив белеющее в темноте лицо к Григорию. — Чувствую, как за мной наблюдает что-то огромное, миллионоглазое, изучает, щупает, читает мысли. Может убить, может помиловать, оставить вот так, в плену, забыть обо мне. Лучше тысячу раз погибнуть в космосе, врезаться в астероид — там все понятно. Но быть беспомощным кроликом... не выдержу, Гриша.

— Спи! — коротко ответил Григорий.

Борис уткнулся в руки лицом. Слышно было его тяжелое дыхание. Григорий не мог утешить товарища.

Он видел безвыходность положения, жуть, окружавшую их со всех сторон. В темноте все так же кружили призраки, подходили к ним, ложились бесшумно рядом — каждые двенадцать минут. Григорий пытался не глядеть по сторонам, но у него уже сложился этот двенадцатиминутный ритм. Григорий открывал глаза и вздрагивал всякий раз, когда очередной двойник склонялся над ним. Действительно, можно рехнуться. Собрав волю, Григорий приказал себе: спи!

Кажется, ему удалось вздремнуть. Но тут же едва слышный шорох разбудил его. Открыв глаза, Григорий увидел, как поднялся Борис, постоял, а потом пошел в темноту.

— Боря! — окликнул его Григорий.

Не отвечая, Борис ускорил шаги. Григорий вскочил и кинулся вслед за ним. Оба они запомнили, где лежит нейтронный пульсатор — у крайнего угла мраморной лестницы, — и теперь бежали туда, один в десяти шагах от другого. Григорий догнал Бориса, когда тот, опустившись на корточки, шарил в цветах. Оружие они схватили одновременно.

— Не смей!.. — прошипел Григорий.

— Уйди! — угрожающе ответил Борис.

— Боря!.. — пытался успокоить друга Григорий.

Борис крутил ему руку, стараясь вырвать пульсатор.

— Размозжу... это гнилое яйцо... — бормотал он. — Пусти!

— Рожков! — крикнул Григорий, толкнул товарища в грудь.

Борис покачнулся, ослабил руку. Григорий вырвал пульсатор и, размахнувшись, швырнул его в податливую темноту космовокзала.

— Назад! — сказал он Борису, ринувшемуся было в здание. — Приди в себя!

Борис, как ребенок, всхлипнул, обмяк, дал увести себя от ступеней вокзала.

— Обоим нам нелегко, — говорил Григорий. — Ну, подумаем, что можно сделать?

Они заснули, примиренные, прижавшись друг к другу.

Григория разбудил Борис незадолго до рассвета:

— Гриша...

Тот бесшумно поднялся, сел.

— Что-то изменилось, — сказал Борис. — А что, не пойму.

Григорий минуту слушал.

— Перестало звенеть! — сказал он.

— Правда, — согласился Борис. — К чему это?..

Они просидели до рассвета, вслушиваясь в бесконечную тишину.

Рассвет не принес никаких изменений: слонялись двойники по поляне, боролись возле ступеней за нейтронный пульсатор, потом, примирившись, сгорбившись, шли через поле к ним. Борис скрипнул зубами.

Григорий, чтобы отвлечь товарища, начал было читать из русской старинной басни:

— Волк, думая залезть в овчарню, попал...

Но Борис глянул ему в глаза, и Григорий смолк: остроты не получилось. И сам он чувствовал, что фальшивит. Ему ли острить — Борис моложе его, весельчак в компаниях среди космонавтов, на Земле — рубаха-парень. Не его вина, что он попал в такую странную переделку. Здесь нужны психологи, физики, а Борис просто механик. Но если здоровый нормальный человек до такой степени скис, то все это очень плохо — Григорий смотрел на тупое, бессмысленное кружение двойников. Хуже не придумаешь.

Нечего было делать. Абсолютно нечего было делать. Это низводило людей до животного состояния. И это было ужасно. Человек будет человеком до той поры, пока находится в труде, в движении. Отними у него эту необходимость, он превратится в амебу, в скота.

Тяжело Борис поднялся с цветов — просто так, чтобы не глядеть на очередную возню у ступеней вокзала. Григорий поплелся за ним. На пути у Бориса встали морские валуны — никто из друзей не помнил, чьим воображением они здесь поставлены. Борис не стал обходить валуны.

— Сгинь! — пнул ботинком один из них.

Камень исчез. Космонавты остановились. У обоих захватило дыхание: сон или конец кошмару?.. Борис медленно обернулся к Григорию. Тот глядел на место, где лежал первый камень. Там были цветы. Только цветы. Медленно Борис поднял ногу на второй камень:

— Рушь! — Пнул, что было силы, ботинком.

Камень исчез.

— А-га-а!.. — заорал Борис, вкладывая в голос торжество и надежду. Уперся взглядом в ракету, стоявшую возле космовокзала: — Рушь!..

Ракета исчезла.

— Рушь! — обернулся к клумбе цветущих флоксов.

Флоксы испарились, будто их не было. Борис захлебнулся в восторге. Тут же набрал в грудь как можно больше воздуха.

— Рушь! — гаркнул на кособокий театр.

Театр беззвучно рухнул.

— Ру-ушь! — вскинул кулаки Борис на здание космопорта.

Мраморный красавец дворец исчез. В блеске солнца на его месте встала натуральная их родная ракета.

— Бежим! — крикнул Борис Григорию. — Быстрее,

тебе говорю! — Сделал к ракете два-три гигантских шага. Тут же остановился: — Рушь!.. — крикнул свирепо многоквартирному дому.

Дом покачнулся, исчез.

— Ух ты! — радостно вскрикнул Борис. И Григорию: — Шире шаг!

Возле ракеты обернулся и уничтожил все корабли, маячившие на горизонте. Оставил только аллею из тополей и бестолково кружившихся по полю двойников.

— Подъем! — схватился за дверь подъемника.

В последний момент Григорий едва успел нагнуться, поднять единственный сорванный ими цветок.

— К чертям! — говорил Борис, запуская моторы. — Ни одной лишней минуты, иначе эти голубчики, — показал в иллюминатор на двойников, — полезут в ракету. Где их тут размещать?.. — В привычной обстановке юмор возвращался к нему. — Старт!

— Но все же — как с ними быть? — спросил Григорий.

— Пусть остаются. На память.

— И тополя?

— И тополя тоже!

Когда через час на прощальном витке космонавты пролетали над этим местом, внизу не было ни аллеи, ни призраков. — синий спокойный луг.

— Еще одна загадка планеты, — сказал Григорий.

— Пусть ее разгадывают другие, — буркнул Борис. — Не я...

Однако, отославшись, Борис почувствовал, что с вопросами ему одному не справиться. Вахта тянулась медленно, а число вопросов росло. Видя, что Григорий не спит, Борис постучался в его каюту.

Григорий лежал на кровати, и, хотя надо было

писать отчет о событиях на Альбароссе, отчета он не писал — думал.

— Гриша, — спросил Борис, поняв, что минута для разговора удачная, — сколько мы пробыли на планете?

Григорий пожал плечами, не понимая, зачем это нужно Борису.

— У меня тут расчет, — продолжал Борис. — Очень простой: восемь часов облета и на планете двое суток по шестнадцать часов — тридцать два. Сколько всего?

— Сорок, — ответил Григорий.

— А нам на обследование планеты сколько было дано?

— Сорок часов...

— Прикинь — совпадение это или нет?..

— Что ты хочешь сказать? — спросил Григорий.

— Кто-то знал на планете точно, сколько нам дано времени.

Григорий молчал. Борис присел к нему на кровать:

— Помнишь, мы говорили об экзамене?

— Помню.

— Ты и сейчас так думаешь?

— Может быть...

— Что значит «может быть»? Отвечай прямо.

— Я все время об этом думаю.

— И до чего дошел?

— Странные вещи приходят в голову.

Борис с интересом ждал.

— Все, что мы... создали там — другого слова не подберу, — космовокзал, театр, — заговорил Григорий, — было создано мыслью. И разрушить его можно было только мыслью...

— Мы до этого не додумались...

— Не додумались, Борис.

— Надо было подфутболить камни сразу же, как они появились.

- Надо было, ты прав.
- А мы с маху ломились в стену...
- Глянуть со стороны — это варварство.
- Такое впечатление после себя и оставили.
- Неважное впечатление.

Борис молчал, ему было стыдно за случай с пульсатором. Чтобы переменить разговор, он спросил о другом:

— Двойники? Кому они понадобились в таком числе?

— Чтобы лучше изучить нас...

Борис не согласился с этим предположением, но своего объяснения у него не было. Он спросил:

— Считаешь, что у нас вышло плохо?

— Нужно еще раз побывать на планете.

«Без меня...» — хотел сказать Борис, но смягчился: подумать об этом стоит...

Григорий, поднявшись с подушки, сказал:

— Погаси свет.

Борис погасил. Когда глаза начали привыкать к темноте, он увидел на столике, где лежал синий цветок, слабо светящееся пятно.

— Что такое? — спросил Борис.

— Погоди еще, — ответил Григорий.

Спустя минуту Борис различил цветочный венчик и над ним — клубящийся шар величиной со среднее яблоко.

— Это я увидел сегодня, — сказал Григорий. — До сих пор цветок был в шкафу.

Можно было заметить, что шар над цветком вращается.

— Альбаросса! — сказал Борис.

— Ты говоришь о нем, как о живом.

— Может быть, вся планета живая...

Борис не посмел возразить: Григорий серьезно относился к своим словам:

— Может быть, это киборг, — продолжал он. — Ретранслятор на космической трассе, которую мы случайно пересекаем. Двойники, которых он создавал, — не путь ли это к разгадке? Помнишь, как при трансляции футбольных матчей дублируются острые моменты игры? Чтобы зритель мог как следует рассмотреть? То же на Альбароссе. Вот только кому ретранслятор показывал нас с тобой бесконечное количество раз? Зрители где-то есть — хозяева. Альбаросса не вся загадка, Борис. Хозяева в другом месте. Может быть, встреча с нами была для них неожиданной, а мы — диковинными? Может, хозяева настолько далеко, что не смогли войти с нами в непосредственный контакт? Все здесь непросто. Нужна вторая экспедиция на Альбароссу.

Шар продолжал вращаться, мерцать над цветком.

Через несколько дней он уменьшился до размеров сливы, потом вишни, потом горошины и исчез совсем.

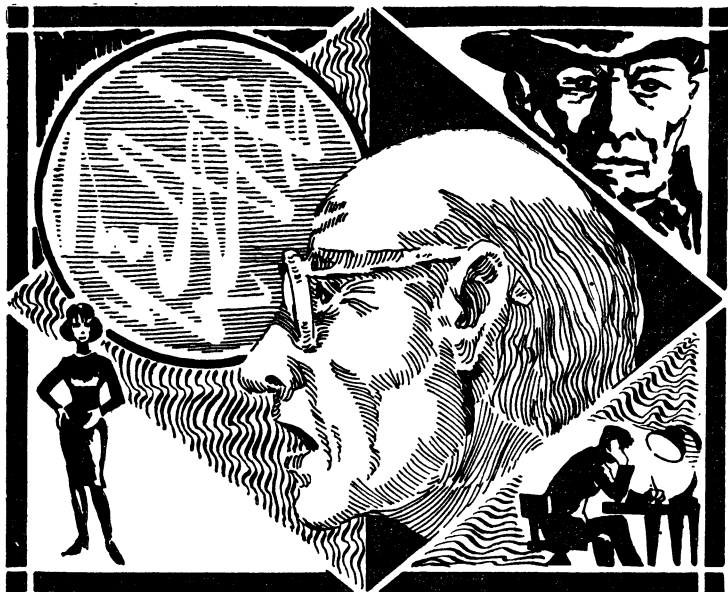
Одновременно умер цветок — превратился в горстку серого пепла.

Григорий собрал пепел в пакет, спрятал в шкаф.

— Нужна вторая экспедиция на Альбароссу, — повторил он. — Буду настаивать!

Обернулся к Борису, спросил:

— Полетишь со мной?..

ДИВЕРСИЯ ЭЛЛТ-73

Все в лаборатории шло вверх дном. Тончайшие электрические поля нарушались сами собой, датчики несли ахиною. Невидимый прибор врвался сквозь стены лаборатории, в окна, опрокидывая и смешивая привычные вещи, путая их местами. «Чертовщина!» — сотрудники не скрывали своего раздражения: опыты, накануне отработанные до блеска, кончались ошеломляющими конфузами...

Внешне порядок оставался непоколебленным: в те

же часы начинается работа, двое переодетых в штатское «бобби» стоят на выходе — между ними не проскользнетмышь. И все же... Буря потрясает лабораторию.

— Что теперь скажут? — хватался за голову мистер Панни, руководитель работ. — Что скажут?..

Хотя он не договаривал, кто и что может сказать, сотрудникам было ясно: что скажут боссы?

Вчера при контрольном опыте по влиянию магнитного поля на рибонуклеотиды, когда решалась судьба двухлетней работы Патрика Олсборна и сам он, казалось, стоял на пороге переворота в науке, осциллографы вместо четкой линии равных взаимодействий показывали на экранах такие выпясы, что ни о каком перевороте не могло быть и речи. Патрику стало дурно, а в протокол внесли запись о необходимости переделать заново всю работу.

Это было последней каплей. М-р Панни помчался в дирекцию института.

Здесь его выслушали корректно, посмотрели материалы, которые он привез в подтверждение. Действительно, в лаборатории неладно. Пожимали плечами... Незаметно, точно сквозь стену, в комнату просочился Джеффри Перкинс, начальник отдела Тысяча ноль шестнадцать. Его называют «Темный Джеф»: ученых трудов за ним не числится, но институт финансирует Джеффри и его отдел наряду с любой научной лабораторией. М-ру Панни предложили повторить рассказ специально для Джеффри.

— Да-а... — многозначительно протянул тот, он умел придавать междометиям значимость, от которой по спинам собеседников пробегали мурашки. — Давно это началось?

— Месяца два тому назад.

— Два месяца!.. — Укоризненные взгляды щупали м-ра Панни со всех сторон.

— А скажите, профессор, — спросил Джеффри, — ваши работники лояльны к правительству?..

— Н-не совсем понимаю... — М-р Панни смешался.

— Нет ли среди них, — Джеффри настораживающе поднял вверх палец, — красных или хотя бы сочувствующих?..

М-р Панни ощутил во рту металлический вкус.

— Не думаю... — сказал он растерянно.

— А вы подумайте!

Кое-кто из присутствующих поддержал Джеффри:

— Подумайте, мистер Панни!

Возвращался профессор в дурном расположении духа. Болван Джеффри выбил его из колеи. Красные в лаборатории?.. М-р Панни дает волю своему раздражению. «По-ду-май-те!..» — произносит он скрипучим голосом Джеффри. Будто бы у руководителя лаборатории не о чем больше думать, как об этих красных... Что за идиотское время — красные, черные!.. Профессор в сердцах сигналил: впереди пробка. Машина застревает в ряду таких же машин справа и слева. «Сядешь тут на добрые полчаса... Идиотское время!» — повторяет профессор, с отвращением вспоминая, каким маленьким он чувствовал себя в кабинете директора. «Тьфу!..» — плюет он, ощущая, как у него сосет под ложечкой. И начинает думать, перебирать в памяти штат сотрудников.

Первым — м-р Панни загибает палец на левой руке — приходит на ум Оливер Харст, генерал, выкормыш Уэст-Пойнта. «Может быть, он? — иронизирует м-р Панни. — Ату его, Джеф!..» Профессор недолго любуется генерала, но предположить, что он красный, —

увольте! Дальше — загнуты сразу два пальца — молодые ученые Вайтси Лан и Бёрн Хэрвуд. Окончили университет в Пенсильвании, посланы в лабораторию по рекомендациям Пентагона... Хилл Вайсман и его жена Бэтси Вайсман — пять пальцев сжаты в кулак — не интересуются ничем, кроме подопытных кошек... М-р Панни вспоминает сонм кошек — белых, черных, рыжих. Спустить бы их всех на Джеффри!..

Уничтожить Джеффри мысленно и на расстоянии было удивительно простым делом. Даже приятным. Профессор не отказывает себе в этом небольшом удовольствии... Но действительность была хуже. И не для Перкинса, а для самого м-ра Панни: есть лаборатория с непонятными странностями, есть Перкинс с ухмылкой: «А вы подумайте».

М-р Панни загибает палец на правой руке: Сюзанна Мак-Холланд, лаборантка. Работает недавно, но девочка сама святость. Профессор знает ее отца, всю семью Холландов: католическое добропорядочное семейство. Дальше — семидесятилетний Олсборн. М-р Панни сочувствует Олсборну: неудача с нуклеотидами подкосила старца под корень. «Ну, он-то не красный», — успокаивается м-р Панни. Кто же тогда? Сторож Виллард, инвалид, член Американского легиона?.. «Компания...» — морщится м-р Панни, взглянув со стороны на своих сотрудников. И дурак Джеффри ищет в лаборатории красных!

Пока м-р Панни бьется над неразрешимой задачей, в Тысяча шестнадцатой комнате знают, с чего начать. Новенькое, только что испеченное здесь готово досье. Сам Джеффри на блестящей папке зеленоватого цвета — зеленые папки предназначались материалам по особо важным делам — вывел несмыслимыми чернилами надпись: «ДЭЛЛТ-73», что означало: «Диверсия, электрическая, лабораторная, тайная, 1973 год».

Утром следующего дня на столе у профессора зазвонил телефон. С недобрый предчувствием м-р Панни потянулся за трубкой. Предчувствие не обмануло его. С другого конца провода сообщили:

— Мистер Панни, мы вам пришлем еще одного сотрудника.

— У меня полный штат, — возразил м-р Панни.

Трубка помолчала с минуту, раздумывая, учитывать возражение м-ра Панни или не учитывать, и пришла к тому же решению:

— Все-таки мы вам пришлем еще одного сотрудника.

— Может быть, кого-нибудь сократить?

— Ни в коем случае, мистер Панни! Ни в коем случае!..

— Тогда мне сотрудник не нужен.

— Нужен, — как эхо, отозвалось на другом конце провода.

— Что же он будет у меня делать?

— Что-нибудь... элементарное.

— У меня даже лаборантка имеет образование бакалавра...

— Знаем. И все-таки еще одного сотрудника вам надо.

— Не понимаю, что он у меня будет делать?

— Это мы уже слышали, — с оттенком раздражения ответила трубка. — Вы там найдите, что ему делать.

Спор становился бессмысленным, интонации в трубке нетерпеливее.

М-р Панни сдался:

— Присылайте...

Так в лаборатории появился Томас Уитби, парень с веснушчатым лицом и крепкими, как у профессионального взломщика, руками.

— Студент, — представил его сотрудникам м-р Панни, — практикант.

Народ в лаборатории был занятой, и практиканту уделили ровно столько внимания, чтобы поглядеть на его веснушки и нескладные, точно прикрепленные на шарнирах, конечности. Откуда он появился, никто не знал, каждый думал: лишь бы не мешал мне. Ближе знакомиться с новичком ни у кого желания не было.

Совсем другим оказался характер у практиканта. Не прошло двух дней, как он нашел контакт со всеми сотрудниками: Вайсманам проявлял фотоснимки, Олсборну починил микроскоп, даже Сузи успел проводить с работы домой. Он был неглуп, молодой Уитби, но и не столько умен, чтобы задеть чье-либо самолюбие. Смышленость его даже импонировала. Лан и Хэрвуд сразу перешли с ним на «ты»: молодых ученых пленили географические познания Уитби в смысле расположения в городе кабаре, ночных клубов и ресторанов, куда Хэрвуд и Лан ни за что бы не рискнули пойти одни. Но все это шалость, пока бродит молодое вино...

М-р Панни наблюдал за Уитби издали и посмеивался: ищи, ищи... Затея Джефри с поисками красных в лаборатории ему претила, Уитби не нравился: он был липким, как угорь, о него можно испачкаться... Но пока что этой иронией и коротким «ищи» исчерпывалось отношение м-ра Панни к «студенту». Стопроцентный интеллигент, он не терпел прямолинейности даже тогда, когда задевали его престиж. Сейчас престиж определенно задет, но м-р Панни не сказал еще своего слова в этом вопросе. Обязательно скажет в будущем...

Другое дело — генерал Харст. Он догадывался, что появление практиканта в лаборатории не случайно. О том, что м-р Панни ездил в дирекцию института, он

знал. И хотя разговор, происходивший там, ему не был известен, вторжение Уитби в лабораторию генерал связывал с этой поездкой. Никто, конечно, — ни профессор, ни генерал, ни тем более сотрудники — не знал, что каждый день после работы Уитби набирал известный ему номер телефона и говорил в трубку два слова: «Ничего, сэр...» Странности в лаборатории не прекращались, и независимо от кого бы то ни было генерал считал своим долгом выяснить причины явления, которое тоже считал диверсией. Он будет следить. За сотрудниками и за Уитби тоже. От его взора ничего не укроется! Они еще поймут там, наверху, кто такой генерал Харст. Поймут и оценят.

Однако честь раскрытия тайны выпала на долю Патрика Олсборна.

Старик не мог оправиться от удара, который постиг его в контрольном опыте с нуклеотидами. Он повторял опыт еще и еще. Иногда все завершалось блестяще, иногда что-то нарушало магнитное поле, нуклеиновые кислоты перемешивались, расслаивались, опыт срывался. Не было уверенности, что контрольный эксперимент удастся.

Олсборн работал. Он был старым конем, который не привык останавливаться на полдороге. «Заново?» — отметили в протоколе. Он впряжется в телегу и все начнет заново.

В это утро ему сопутствовала удача. Поле было устойчивым, нуклеиновые кислоты складывались в нужных пропорциях. Затаив дыхание, ученый следил в окуляр, как светлыми узелками в магнитном поле синтезируется белок. Еще минута, полминуты, и опыт завершится — в который раз! — положительным результатом. Если бы это был контрольный опыт!

И вдруг точно ветром подуло под окуляр. Силовые линии, вдоль которых, как бусы, формировались белковые шарики, изогнулись, стройная картина нарушилась: сейчас все завяжется в жгут, в уродливый ком, опыт пойдет насмарку. Не в силах вынести катастрофы, Олсборн поднимает от окуляра глаза. Рядом проходит Сузи. «Девочка, тут же решается моя судьба! — с тоской думает Олсборн, глядя на миловидное лицо Сузи. — Ничего ты не знаешь, ничто тебя не волнует...» Он опять смотрит в окуляр, и — чудо! — картина почти не тронута. Будто ветер прошел по магнитным линиям, но ветер настолько слабый, что не нарушил их, а только качнул, как воздушные провода. Слияние белка продолжалось... Но вот опять дрогнули провода. Олсборн поднял глаза, Сузи опять проходила мимо. Странная, неправдоподобная догадка мелькнула в мозгу ученого.

— Сузи... — позвал он, прежде даже чем успел подумать, насколько правдоподобной может быть такая догадка.

Девушка обернулась.

— Сузи! — оробев, позвал ее Олсборн и тут же приник к окуляру.

Сузи сделала шаг к нему. Силовые линии тотчас качнулись, нуклеиновые остатки поползли во все стороны.

— Сузи! — Олсборн глядел на нее, как на утопленницу.

— Что с вами? — девушка испугалась. — Вам плохо? — потянулась за графином с водой.

— Назад! — завопил Олсборн, делая жест, как Архимед, когда кричал римскому воину: «Не трогай моих кругов!»

Девушка замерла.

— Нет, нет, Сузи... — Олсборн стал приходить в

себя. — Не обращайтесь внимания. Мне действительно плохо...

— Может быть, вам помочь?

— Нет, Сузи, не обращайтесь внимания. Все пройдет. Все пройдет...

Сузи отошла прочь. Олсборн, даже не взглянув в окуляр, еле волоча ноги, побрел в кабинет м-ра Панни.

Когда он открыл дверь, на нем лица не было. Два или три шага до кресла он сделал как пьяный.

— Что случилось? — М-р Панни поднялся ему навстречу. Он уважал коллегу за трудолюбие и порядочность, желал ему от души успеха.

— Это Сузи, шеф... — Олсборн тяжело упал в кресло. — Только — чш-ш... Ни звука! Я ее поймал. Я ее поймал, шеф!..

— Что — Сузи? — ничего не поняв, спросил м-р Панни.

— Диверсия, шеф. Это она! Я убедился собственными глазами. Я работал, шеф, повторял опыт, и вдруг Сузи рядом. Все пошло вкривь и вкось. Сузи отдалась — все стало на место: магнитное поле, белок... Тогда я позвал: «Сузи!..» — чего мне это стоило, шеф! И все началось сначала, как магнитная буря. Это она буря, шеф! У нее, наверное, аппарат!..

— Какой аппарат?

— Чтобы вредить всем. Мой опыт!.. — застонал Олсборн. — Это она испортила мой опыт! Ее надо арестовать, мистер Панни. Немедленно.

Олсборн казался помешанным.

— Не забывайте, что это я поймал ее, — бормотал он. — Я поймал ее!

Первым побуждением м-ра Панни было — позвать Сузи для объяснения. Он протянул руку к звонку:

— Сейчас все узнаем.

— Никак нет, сэр. Только не это!

Олсборн вздрогнул и обернулся: возле двери сидел Томас Уитби — старик не видел его, когда разговаривал с м-ром Панни. Теперь студент подошел к столу.

— Только не это! — Уитби почти приказывал м-ру Панни. — Разрешите мне взяться за дело. Все здесь очень непросто. Если Сузи Мак-Холланд вредит в лаборатории, она работает не одна. За ее спиной кто-то. Этой задачей займусь я сам!

М-р Панни не дотянулся рукой до звонка. Олсборн что-то глотал и не мог проглотить. В голове старика не укладывалось, что происходит в мире: букашка Сузи перевернула лабораторию, юнец приказывает шефу, профессору. Все идет колесом. Старик не без основания опасался, что колесо закружит его до потери сознания.

Командование лабораторией принял на себя с этой минуты Томас Уитби. А в комнате Тысяча ноль шестнадцатой в зеленую папку было внесено имя Сюзанны Мак-Холланд.

Для Томаса Уитби неразрешимых вопросов не было. Сузи Мак-Холланд? Девушка восемнадцати лет?.. Прямой путь к тайнам лежит через ее сердце.

Со стороны не удивились, когда заметили, что Томми стал отдавать предпочтение лаборантке: «Мисс Сузи, вот вам цветы», «Мисс Сузи, не сидите возле окна — сквозняк...» Тысяча мелочей предлагалась мисс Сузи в знак внимания. И только в комнате под известным номером знали, что Томми терпит фиаско. «Ничего...» — по-прежнему звонил он в итоге каждого дня.

Джефри тоже не сидел сложа руки. Фамилия Холландов была проверена до седьмого колена, до пред-

ков, покинувших Ирландию в погоне за счастьем в благословеннейшем Новом Свете. Все Холланды оказались католиками, беспорочными американцами. И жених Сузи, Грегори Миллс, тоже католик.

— Черт бы его побрал! — бранил жениха Томми. Неудача у Сузи он относил исключительно на счет Миллса.

Неудача была, что называется, полный. Сузи не брала цветов. Не обращала внимания на сквозняки. Не только из скромности, присущей благовоспитанной девушке — Сузи была воплощенная скромность, — но и потому, что самонадеянный Томми вообще ошибся в стратегии. Ринувшись штурмовать сердце Сузи, он не ожидал, что оно занято неприятелем — доцентом-филологом из Фэрфакс-колледжа. Вскоре это было подтверждено самим Грегори, недвусмысленно давшим понять «студенту», чтобы он занимался учебниками и не вылезал из лаборатории... Томми вынужден был признать неудачу и занялся пуговицами, брошками Сузи, ее сумкой — работа есть работа, — нет ли в них излучателя.

Излучателя не было. Диверсия в лаборатории продолжалась. Исходила она от Сузи — в этом не было никакого сомнения. Может быть, Сузи подставное лицо? Не замешан ли в этом деле ее жених Миллс? Пришлось заняться Миллсом. Томми особенно усердствовал, раскапывая дело соперника, но, увы, дело Миллса оказалось таким же тощим, как и у Холландов: членом профсоюза не состоит, дансинги не посещает, католик...

— Это все? — спрашивал Джефри.

— Все.

— Да-а... — с неодобрением тянул Джефри, ставя зеленую папку на место.

Пат Олсборн при виде Сузи страдал от страха.

Страшна была ее гладкая блестящая кожа, страшен ее румянец, голос, улыбка — вся Сузи от прически до каблуков. «Ах ты, господи...» — повторял Пат, не находя других слов. В то же время детское безграничное удивление не покидало старика ни на минуту. Так уж, наверное, мы устроены: все странное, необычное привлекает нас как магнит. «Господи, — повторял Олсборн, — наваждение! Поговорить с кем-нибудь, что ли?..» Олсборн долго думает, с кем бы поговорить, чтобы все выложить до конца и чтобы его поняли. Очень старику хочется быть понятым до конца, облегчить душу. Есть у него старый друг доктор Коллинз. Но как с ним поговорить об этом? Прощельга Уитби предупредил Олсборна и м-ра Панни, чтобы они ни словом никому не обмолвились.

Бесконечно терзаться противоречивыми чувствами и тайной, вторгшейся в лабораторию, Пат Олсборн не мог. Вот почему однажды вечером он оказался в кабинете друга своей университетской юности доктора Коллинза.

Громадный, седой, с могучим голосом, доктор был похож на римского legionera. Но для Олсборна он по-прежнему оставался капитаном бейсбольной команды, вожак, перед которым такие, как Пат, млели от восхищения. Он и сейчас силен, независим, лабораторию м-ра Панни называет «Блошиным раем», а сотрудников «кошкодавами» и «учеными индюками». «Для кого вы стараетесь? — спрашивает он. — Для жизни или для смерти? Синтезируете белок, улучшаете хромосомы — кажется, для жизни. А руководит вами военное министерство. Хо-хо-хо!» Занимается доктор частной врачебной практикой.

И все же Олсборн тянулся к этому человеку: не так уж много осталось университетских друзей.

— А-а!.. — встретил его Коллинз. — Не ждал! —

Протянул через стол громадную руку. — Какими ветрами?

Олсборн огляделся по сторонам — нет ли кого в кабинете.

— Хо-хо! — заметил доктор. — Пуганая ворона!..

Слушал он Патрика, поглядывая на него из-под нахмуренных бровей, иногда сопровождал рассказ ироническими восклицаниями: «Чудненько! Славненько!..» Или отделялся кратким: «Хо-хо!» Когда Пат рассказывал о студенте, как тот взял лабораторию в руки, Коллинз вспыхнул.

— Негодяи! — загремел он. — Все они негодяи! Джефри — самый первый из негодяев!.. А Сузи — хо-хо-хо! — восхитительно! Расскажи подробнее о девочке.

— Что именно? — спросил Пат.

— Внешность, костюм...

Патрику казалось, что это не главное, он ожидал вопросов по существу.

— Костюм, понимаешь, в чем ходит? Какие у нее платья, блузки? — торопил Коллинз.

Патрик стал вспоминать:

— Платья светлых тонов...

— Материал? — нетерпеливо гремел Коллинз. — Материал?

Из какого материала платья у Сузи, Олсборн не знал, за что тут же получил от доктора ряд обиднейших кличек в духе студенческого лексикона: «шляпа», «растяпа» из этих прозвищ были самыми нежными.

— Чистенькая, говоришь? — спрашивал Коллинз, дав Патрику отдышаться. — Свеженькая, как помидор?

Это было уже совсем легкомысленно для такого старика, как Коллинз, и Пат начал жалеть, что рассказал все другу юности.

— Хо-хо-хо! — хохотал Коллинз. — Идея! Пришли ко мне эту Сузи. И вздуем же мы Джеффри вместе с его командой!

Потом они говорили о жизни, о молодости, о болезнях, об утрате друзей — обо всем, о чем говорят между собой старые люди. И лишь в конце разговора вернулись к Сузи.

— Значит — чистюля?.. — переспросил Коллинз.

Между тем события в лаборатории набирали скорость и вес, как снежный ком, пущенный под гору. Через неделю после разоблачения Сузи в кабинет м-ра Панни, прямой и решительный, вошел генерал Харст:

— Объясните, шеф, что за игра ведется вокруг Сузи Мак-Холланд? Шепотки кругом, разговоры. И еще этот Уитби? Дурак поймет, что он замаскированный сыщик. К тому же с нечистыми пальцами. Я своими глазами видел, как он запускал их в сумочку Сузи. В чем подозревается мисс Мак-Холланд?

М-ру Панни ничего не оставалось, как рассказать генералу все, от поездки в дирекцию до открытия Патрика Олсборна.

— Уволить! — реагировал генерал. — Таковую дрянь нельзя держать ни минуты!

Мысль о том, чтобы уволить Сузи Мак-Холланд, давно зрела в голове м-ра Панни. Но вряд ли он решился бы на ее осуществление, если бы она не совпала с решением Джеффри Перкинса.

В Тысяча ноль шестнадцатой комнате рассуждали без обиняков:

— Уволить и посмотреть, что она будет делать.

— Найти работу не так-то легко.

— Без протекции...

— Если Сузи связана с тайной организацией, друзья постараются ей помочь. Тут и расставить...

— Капканы!

М-р Панни долго раздумывал, как уволить Сузи. Будут просьбы и слезы. Все это трудно вынести. Один он не справится, надо с кем-то вдвоем. Нет, нет, не с Уитби! И конечно, не с генералом: этот все выложит с прямотой солдафона. Выбор шефа остановился на Олсборне: старик — заинтересованное лицо, воспитан, человек умный.

Так и случилось, что при увольнении Сузи правой рукой м-ра Панни оказался Пат Олсборн.

— Мы должны вас уволить, Сузи, — начал шеф, как только девушка появилась в дверях кабинета.

— За что, сэр?

— Не спрашивайте, но мы должны вас уволить.

— Я так старалась...

— Мы дадим вам отличные рекомендации...

М-р Панни тут же испугался опрометчивого обещания: что скажут в дирекции?

— Может быть, вы считаете меня больной, сэр? Я вижу, как меня сторонятся в лаборатории...

Глаза у Сузи были на мокром месте: неожиданно свалившееся несчастье убило ее. Ученые чувствовали к ней жалость. Откуда у нее способность вредить? Не верилось. Пожилым людям было совестно перед девочкой.

— Наверное, вы больны, Сузи, — мягко сказал Олсборн. — Полечитесь и, может быть, вернетесь обратно. Я вам дам адрес хорошего доктора: Массачузетс-стрит, 18, квартира 2, спросите м-ра Коллинза.

— Ах!.. — сказала Сузи и залилась слезами.

М-р Панни заерзал на месте, Олсборн почувствовал, как у него щекочет в носу.

— Не плачьте, Сузи, — сказали они в один голос. — Мы не хотим быть жестокими, но иначе не можем.

— Что ж мне теперь — идти? — с погасшей надеждой спросила Сузи.

— Расчет получите через два дня.

Сузи всхлипнула и закрыла за собой дверь.

В этот же вечер она пришла к доктору Коллинзу.

— Тэ-эк-с!.. — сказал тот, откинувшись в кресле и глядя на девушку, помертвевшую при виде гиганта. — Мне семьдесят восемь лет, — продолжал он. — Я вам прадедушка. Поэтому прошу отвечать на вопросы и не усматривать за ними никакой задней мысли.

После этого вступления доктор придвинул кресло к столу, отчего показался Сузи еще громаднее, и поставил первый вопрос:

— Вы часто моетесь в ванне?

— Да, сэр.

— Вы любите шелковое белье?

— Да, сэр.

— И носите его постоянно?

— Да...

— И сейчас вы в обычной своей одежде?

— Да... — еле отозвалась Сузи.

— Тэ-эк-с... — произнес опять доктор Коллинз, в высшей степени зловеще, как показалось Сузи.

— Тогда поставим опыт, — встал он из-за стола.

В дальнем шкафу он порылся за картонками, склянками и вынул старый, наверно, еще девятнадцатого столетия электроскоп. Вытер его от пыли марлей, лежавшей там же, в шкафу, и поставил на стол.

— А теперь, — сказал Сузи, — прошу вас встать и пройти по комнате.

Сузи встала и нерешительно сделала несколько шагов.

— Быстрее! — сказал доктор Коллинз.

Сузи засеменила быстрее.

— Еще быстрее!..

Так он прогонял ее из угла в угол комнаты раз шесть или семь.

— Теперь подойдите сюда, — указал на электро-скоп, — протяните руку.

Сузи протянула руку. Листочки электроскопа раздвинулись.

— Уберите! — скомандовал доктор Коллинз.

Сузи убрала руку. Листочки опали.

— Ну-ка еще раз по комнате — марш!

Опять Сузи бегала взад и вперед, подходила к электроскопу. Прибор неизменно показывал электризацию. Всякий раз доктор зловеще произносил: «Тэ-эк-с...»

— Неужели это... я? — спросила Сузи, начиная кое-что понимать. — Вырабатываю электричество?

— Если показывает электроскоп, — ответил доктор Коллинз, — что же могут выделять точнейшие приборы в лаборатории?..

Сузи со страхом смотрела на свои руки. Она вспомнила сумятицу в лаборатории, неудавшийся опыт старика Олсборна и как он кричал на нее «Назад!..»

— Значит... все это я? — пролепетала она, чувствуя, как пол, стены и доктор поплыли куда-то в сторону.

Потом она сидела на краешке стула и плакала. Доктор, огромной глыбой поместившись за стол, что-то писал, шевеля сердито бровями.

— Что же мне теперь делать? — в отчаянии спросила Сузи.

— Бросить шелковое белье, носить полотняное.

— Меня увольняют из лаборатории...

— Я позабочусь, не беспокойтесь, — сказал доктор, не поднимая глаз от листка, и пробормотал еще что-то. «Ученые индюки...» — показалось Сузи. Конечно, она ослышалась, не может же доктор называть индюками м-ра Панни и Олсборна!

Доктор писал долго, а Сузи сидела и размышляла о превратностях жизни: ей только восемнадцать лет, а сколько несчастий выпало на ее долю и сколько хлопот она принесла другим. Что же будет, когда ей, как доктору, исполнится семьдесят восемь?..

— Мыться можете по-прежнему, — сказал наконец доктор, закончив письмо. — Хоть дюжину раз в день. Но в шелковом белье в лабораторию не являйтесь. Это письмо, — протянул он листок, — передадите мистеру Панни... С моим глубоким почтением, — с нескрываемой иронией добавил он. — А с работы вас не уволят.

— Доктор! — Сузи встала, готовая броситься к его большим добрым рукам.

— Э, бросьте! — сказал он. — Не надо благодарить.

— Я буду вас помнить всю жизнь!

— Это другое дело! — согласился он добродушно. — Люди для того и живут на свете, чтобы оставлять по себе добрую память.

Он проводил Сузи до порога и сам закрыл за ней дверь.

Вернувшись к столу, доктор опять уселся в свое огромное кресло. Снял трубку, повертел диск телефона.

— Мистер Перкинс? — спросил он, как только в трубке послышалось далекое: «Слушаю». — Я к вам по делу Сузи Мак-Холланд.

На другом конце провода слушали, и Коллинз за-

говорил не торопясь, точно с кафедры, когда нужно, чтобы его поняли самые тупые ученики:

— Мисс Мак-Холланд только что была у меня. Это ее удача — что она попала ко мне... Ну-с, так вот. Эта девочка очень чистоплотная. Понимаете, чистоплотная! — повторил он по слогам, подчеркивая необычайную важность этого обстоятельства. — Второе, — продолжал он. — Сузи имеет пристрастие к шелковому белью... Не прерывайте меня! Чистая гладкая кожа и шелк взаимодействуют так же, как замша и стекло в школьном опыте, — создают электризацию... Отсюда все ненормальности в лаборатории мистера Панни: нарушения магнитных полей, неверные показания приборов и прочее... Это говорю я, доктор медицинских наук, лауреат Государственной премии Эдвард Коллинз. Говорю с полным авторитетом, — добавил он. — Если вы ищете в лаборатории крамолу — кажется, так я должен понимать засылку туда вашего эмиссара Уитби, — то давайте бросим это бесполезное дело. Уитби отзовите, Сузи Мак-Холланд оставьте на прежней работе. Нарушения в работе прекратятся... Что? Дано указание уволить Сузи Мак-Холланд? Плюньте на указание! И не возражайте. Иначе эту историю я передам репортерам, и завтра вся Америка будет указывать на вас пальцами — на вас, мастер Перкинс! — и хохотать до упаду. А насколько я понимаю, вам выгоднее держаться в тени: за это вам платят деньги... Договорились?

Джефри не возражал.

На другом конце провода звякнуло — доктор Коллинз положил трубку. Но Джефри все еще прижимал трубку к уху. Ему представился осел Уитби, каждый день доносивший из лаборатории: «Ничего, сэр...»

— Болван! — Джефри опустил на рычаг трубку. Поднялся из-за стола. Несколько минут переминался

с каблуков на носки и обратно, потом двинулся к сейфу. Набрал шифр, распахнул дверцу. Вынул папку в зеленой обложке и, не развернув, со злостью швырнул в корзину.

— Болван!.. — повторил он.

Похоже, что теперь это относилось не только к Уитби, но и к нему самому.

С о д е р ж а н и е

Волшебный колодец	5
Дорогостоящий опыт	21
Еще один мертвый город	44
Маша	60
Северная звезда	83
Каракумское море	101
Цветы Альбароссы	131
Диверсия ЭлЛТ-73	155

Грешнов М. Н.

Г81 Волшебный колодец. Сборник фантастических рассказов. М., «Молодая гвардия», 1974.

176 с. (Библиотека советской фантастики.) 100 000 экз.

В сборнике фантастических рассказов Грешнова и полеты на далекие планеты, где непросто установить контакт людям; и невиданные механизмы, позволяющие человеку будущего исследовать глубины Земли; и совершеннейшая техника, которая в капиталистическом мире губит души и судьбы людей; и встреча с ожившим мамонтом. Обо всех этих фантастических событиях автор рассказывает увлекательно и живо

P2

Г **70302—087**
078(02)—74 БЗ—5—15—74

Грешнов Михаил Николаевич

ВОЛШЕБНЫЙ КОЛОДЕЦ

Редактор **С. Михайлова**

Художник **А. Семенов**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Ю. Шабынина**

Корректоры **Н. Павлова, Г. Трибунская**

Сдано в набор 7/XII 1973 г. Подписано к печати 26/III 1974 г. А07654. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 5,5 (усл. 7,7). Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 100 000 экз. Цена 26 коп. Б. З. 1974 г., № 5, п. 15. Заказ 2442. Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

